

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

8(3) 2022

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Молодежь и общество: социологическая рефлексия изменяющейся реальности
(памяти Владимира Ильича Чупрова)

THEME OF THE ISSUE: Youth and Society: A Sociological Reflection on a Changing Reality
(In memory of Vladimir Il'yich Chuprov)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендаемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 8, №3. 2022

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 8, № 3. 2022

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: **Шаповалова И. С.**, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: **Лебедев С. Д.**, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Кисиленко А. В.**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И. В.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираимова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЭЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Yuliya Zybak, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

MANAGING EDITOR: **Inna Shapovalova**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: **Sergey Lebedev**, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: **Anastasey Kisilenko**, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagojevic, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybak, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тараева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвяткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Россия.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS**

Владимир Ильич Чупров (1938 – 2021): слово об учёном и человеке	5	Vladimir Ilyich Chuprov (1938 - 2021): a word about a scientist and a person	5
Зубок Ю. А.		Yuliya A. Zubok	
Молодежь и общество: социологиче- ская рефлексия изменяющейся реаль- ности (представление номера)	7	Youth and Society: A Sociological Re- flection on a Changing Reality (number representation)	7
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Зубок Ю. А.		Yuliya A. Zubok	
Изменяющаяся социальная реаль- ность: рефлексия теоретических и эм- пирических аспектов социологиче- ского исследования молодежи	10	Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth	10
Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В.		Nina A. Seliverstova, Elena V. Chankova	
Социокультурное воспроизведение коммуникативных компетенций в молодёжной среде	31	Socio-cultural reproduction of communi- cative competencies in young people	31
Селезнева А. В.		Antonina V. Selezneva	
Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки	47	Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes	47
Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С.		Nadezhda V. Dulina, Valery A. Man- suров, Elena I. Pronina, Galina S. Shirokalova, Denis V. Shku- rin, Pavel S. Yuriev	
Народная культура в оценках российской студенческой молодежи	61	Folk culture in the assessments of Russian student youth	61
Сорокин О. В.		Oleg V. Sorokin	
Смыловые девиации российской молодежи в сфере труда	79	Meanings deviations of Russian youth at work	79
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Благорожева Ж. О.		Zhanna O. Blagorozheva	
Семейные стратегии региональной молодежи	91	Family strategies of regional youth	91
Кублицкая Е. А.		Elena A. Kublitskaya	
Динамика процесса пост/де/секуляри- зации среди молодежных групп мос- ковского мегаполиса	103	Dynamics of the post/de/seculariza- tion process among the youth groups of the Moscow metropolis	103
Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андриа- нова Е. В., Худякова М. В., Шапо- лова И. С.		Maria V. Pevnaya, Elena A. Shuklina, Tatyana S. Kienko, Anna N. Tara- sova, Elena V. Andrianova, Marina V. Khudyakova, Inna S. Shapovalova	
Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределен- ности (весна 2022 года)	116	Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)	116

Зайцева А. А.

Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальные практики на Юге России

137

**Тарасова А. Н., Певная М. В.,
Телепаева Д. Ф.**

Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах

155

Anastasiya A. Zaytseva

Academic mobility of students: values, attitudes and social practices in the South of Russia

137

**Anna N. Tarasova, Maria V. Pevnaya,
Telepaeva D. Fedorovna**

Self-regulation of youth volunteer activities or factors of non-participation of young volunteers in social projects

155

Редакция журнала «Научный результат. Социология и управление»

**Владимир Ильич Чупров (1938 – 2021):
слово об учёном и человеке**

Этот номер журнала «Научный Результат. Социология и управление» посвящается памяти Владимира Ильича Чупрова – учёного, посвятившего свою жизнь социологии молодёжи.

Владимир Ильич – не только один из видных представителей этой социологической отрасли знания, с чьим именем связаны многие современные подходы в исследовании этой особой социально-демографической группы. В 60-е годы 20 века он стоял у истоков возрождения самой социологической науки в стране, став ее активным двигателем и созидателем. Некоторые его разработки ушли, как говорится, в народ, и стали поистине хрестоматийными. Так, например, случилось с классификацией теоретических направлений в исследовании молодежи (психоаналитическое, социо-структурное, культурологическое) которые давно стали неким общим и самой собой разумеющимся знанием.

Развивая академические традиции в социологии и социологии молодежи, он считал главной исследовательской задачей исследование функционирования глубинных социальных механизмов – тех, что приводят в движение и определяют социальные процессы и явления, наблюдаемые не только в молодежной среде, но и в обществе в целом.

О Владимире Ильиче на сей день написано и сказано значительно меньше, чем он заслуживает как учёный и как личность. Одна из причин – его глубочайшая личная интеллигентность и скромность. Другая – его убеждённое и осмысленное нежелание тратить время на то, что не имеет прямого отношения к смыслу и назначению его жизни: научному творчеству. Он мало говорил и писал о себе сам и не поощрял к

этому своих учеников и коллег. Тем не менее, теперь, через год после его ухода, наступает время углубленного, системного осмысливания всего явно и латентно сделанного им для российской социологии – как исследователя, теоретика, методолога, наставника, организатора науки. И медленно, но всё более отчётливо вырисовывается масштаб и многогранность его личности во всех этих ипостасях.

Прежде всего, В. И. Чупров – учёный, социологическое видение которого выходит далеко за рамки только отраслевой социологии. Он рассматривал молодёжь фрактально, как микрообщество, на котором можно проследить любые социальные изменения. И его вклад в неё в виде известной теоретической концепции социального развития молодёжи, понимания ее как субъекта общественного воспроизведения, по сути, плод зрелого синтеза целой системы теоретических положений, методологических подходов, исследовательских методик и громадных массивов эмпирических знаний на стыке нескольких направлений общих и специальных социологических областей, с экскурсами в смежные науки, математику и философскую рефлексию. Этот научный и общекультурный бэкграунд позволял ему порождать (порой, какказалось, играючи) новое знание о, казалось бы, давно знакомых и изученных вещах, комбинируя и интегрируя концептуальные представления и высвечивая изменяющуюся социальную реальность с совершенно новой, неожиданной стороны.

Методология В. И. Чупрова по примеру фундаментальных наук ориентирована номотетически – за пределы лежащих на поверхности социальных фактов к тому, что связывает и определяет, направляет их в скрытой от глаза наблюдателя глубине

сверхсложной социальной реальности. Он учит видеть не просто тренды, а социокультурные механизмы, задающие их направленность, интенсивность и характер. «Важно не то, какого цвета шнурки, – говорил Владимир Ильич, подразумевая различные особенности субкультурных молодёжных течений, – а то, что за ними стоит». Да, важно изучать динамику отношения к труду, образованию, семье, стране, но еще важнее понять, на каких культурных основаниях оно зиждется, чем обусловлено, как формируется и какое место занимает в механизме саморегуляции. И только «нащупав» это место, верифицировав его эмпирически, мы можем приблизиться к обоснованному прогнозированию поведенческих установок разных групп молодёжи, отделяя главное от второстепенного.

Именно целостный подход к исследованию молодежи, который обосновывал и отстаивал В. И. Чупров, позволяет учитывать все многообразие связей и отношений молодежи с обществом, настраивая на выявление закономерного и случайного в социальных изменениях.

Владимир Ильич был убеждён, что в основе всего лежит культура и смыслы, которыми наполняется наша жизнь. То, как мы трудимся и учимся, любим и ненавидим, дружим и конфликтуем, доверяем и не доверяем, какие стратегии выбираем или отвергаем – всё это проекции культуры.

В последнее десятилетие он был погружен в анализ механизмов конструирования социальной реальности, формирования культурного пространства молодежи. Вместе со своими коллегами обосновывал социокультурные механизмы саморегуляции жизнедеятельности. Выявленное в образах реальности противоречие между традиционным и современным, парадоксальное сочетание смыслов, наследующих традиционные культурные ценности и ценности современные, идущие от глобальной культуры, многое объясняет в жизненных метаниях нашего «красколотого общества». Эта всеобъемлющая, по выражению Т. С. Куна, «головоломка», определяет мейнстрим дальнейших исследований, заложенных учёным, в русле которых всех неравнодушных и пытливых исследователей ждет непочатый край работ и перспективных открытий.

Этот номер журнала посвящен памяти и научной теме Великого Ученого.

УДК 316.4

*Представление номера от главного редактора***DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-1****Зубок Ю. А.** **Молодежь и общество: социологическая рефлексия
изменяющейся реальности (представление номера)**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия

uzubok@mail.ru

Информация для цитирования: Зубок Ю. А. Молодежь и общество: социологическая рефлексия изменяющейся реальности // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 7-9. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-1.

*Submission number from the editor-in-chief***Yuliya A. Zubok** **Youth and Society: A Sociological Reflection
on a Changing Reality (number representation)**

Institute of Socio-political Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
suzubok@mail.ru

Information for citation: Zubok, Y. A. (2022), "Youth and Society: A Sociological Reflection on a Changing Reality", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 7-9. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-1.

Идея подготовки тематического номера журнала по проблемам молодежи возникла в развитие многолетнего успешного сотрудничества НИУ «БелГУ», журнала «Научный результат. Социология и управление» и Центра социологии молодежи ИСПИ ФНСЦ РАН.

Тематической направленностью выпуска была определена социологическая рефлексия процессов, протекающих в различных сферах жизнедеятельности молодежи в условиях динамично меняющейся социальной реальности. Они по-разному проявляются в конкретных сферах жизнедеятельности и конкретных социальных условиях, в которых находятся молодежь и общества. Изменения происходят и в механизмах, определяющих природу, направленность и устойчивость этих процессов.

Их понимание – важнейшая исследовательская задача, решение которой позволяет анализировать не только поверхностные изменения в молодежной среде, но и объяснять более глубокие смысловые трансформации.

Все это требует переосмыслиния и последовательного развития теоретико-методологических подходов к исследованию механизмов формирования и изменения социальной реальности, в котором молодежь играет ключевую роль, уточнения ключевых понятий, поиска и обсуждения эмпирических показателей. Этому посвящена статья Ю. А. Зубок «Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи».

Фундаментальный анализ формирования коммуникативных компетенций молодежи с применением концепции социокультурного воспроизведения содержится в статье Н. А. Селиверстовой и Е. В. Чанковой. Авторы выделяют смысловые компоненты коммуникации. Обосновывая механизм их воспроизведения, авторы раскрывают общее и особенное в коммуникативных компетенциях разных групп молодежи.

Проблематику смысловых оснований реальности продолжает статья О. В. Сорокина «Смысловые девиации российской молодежи в сфере труда». Отталкиваясь от понимания девиации не только как отклонения от нормы, сколько как переосмыслиния и переконструирования феноменов реальности, автор показывает связь отклоняющихся смыслов и качеств, присущих молодежи в трудовых отношениях.

Статья Е. А. Кублицкой «Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса» раскрывает противоречия формирования религиозного сознания молодежи, становление и жизнедеятельности которой протекает в условиях крупнейшего города, сама среда которого по своим характеристикам ближе современным городам, чем многим российским регионам.

Проблематика воспроизведения культуры нашла отражение и в статье «Народная культура в оценках российской студенческой молодежи», подготовленной коллектиком авторов Н. В. Дулиной, В. А. Мансуровым, Е. И. Прониной, Г. С. Широкаловой и Д. В. Шкуриным. Ими исследовано отношение к народной культуре как явлению, в котором наглядно проявилось противоречие традиционного и современного в представлениях молодого поколения о реальности.

«Политическую мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки» рассматривает А. В. Селезнева. Она подробно обосновывает противоречивый, зачастую релятивистский характер моральных установок молодежи и их источники в политической

сфере, неустойчивость и ситуативные проявления в социально-политических отношениях и их осмыслиении политики как объекта реальности.

«Семейные стратегии региональной молодежи» в контексте более широких представлений о семье, ее сущности и функциях изучает Ж. О. Благорожева. В своей статье она показывает особенности восприятия семьи, ее место в структуре ценностных ориентаций молодых белгородцев; особенности жизненного выбора современной молодежи, ориентированной не только на семейные, но и карьерные формы самореализации.

«Академическую мобильность студентов» делает предметом своего исследования А. А. Зайцева. Анализируя ценности, установки и социальные практики мобильности, проявляющиеся на Юге России, она изучает действие механизма социокультурной саморегуляции, определяющего мотивацию активности молодежи в одной из ключевых сфер ее жизнедеятельности.

Стремительные изменения, как правило, порождают состояние социальной неопределенности и непредсказуемости, охватывает чувство уходящей из-под ног реальности, надвигающегося риска. В статье М. В. Певной, Е. А. Шуклиной, Т. С. Киченко, А. Н. Тарасовой, Е. В. Андриановой, М. В. Худяковой и И. С. Шаповаловой на примере студенчества показано, как на волне неопределенности, вызванной наложением еще не прожитой пандемии и уже начавшейся специальной военной операции актуализировались все основные страхи российского общества.

Одной из форм реализации социальной субъектности молодежи и одновременно способом формирования ее связей с обществом является волонтерская деятельность. Молодые люди позитивно реагируют на этот вид активности и обычно с интересом в нее включаются. Однако и здесь возникают свои проблемы. Саморегу-

ляции волонтерской деятельности молодежи и анализу факторов неучастия молодых волонтеров в социальных проектах посвящена статья А. Н. Тарасовой, М. В. Певной, Д. Ф. Телепаевой. Авторы выявляют несколько факторов, не способствующих формированию установки на участие, от слабости у молодых людей просоциальных ориентаций до неоптимальных способов работы с участниками волонтерского движения в рамках ГМП.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва Россия.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Center for Youth Sociology of Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Обзорная статья редактора

УДК 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2

Зубок Ю. А.[✉]

**Изменяющаяся социальная реальность:
рефлексия теоретических и эмпирических аспектов
социологического исследования молодежи**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
uzubok@mail.ru

Аннотация. В статье с феноменологических позиций анализируются процессы формирования и изменения социальной реальности и роль молодежи в этих процессах. Как формирование, так и изменение рассматриваются во взаимодействии объективных и субъективных сторон жизнедеятельности человека, где объективная сторона определяется условиями жизнедеятельности и культурой общества, а субъективная – смысловыми конструкциями и образами реальности, возникающими в сознании людей в процессе социальных взаимодействий друг с другом и с социальной действительностью. Базовым в формировании реальности является смыслообразование, а основания преемственности смыслообразов, их деконструкции и «пересборки» связываются с процессом воспроизведения и изменения реальности, в котором молодежь играет ключевую роль. Тема молодежи в изменяющейся реальности рассматривается через призму изменения бытия человека в динамично меняющемся мире, в контексте изменения смысловых оснований реальности. В обобщенном виде проиллюстрированы изменения в понимании феноменов реальности молодежью, смыслов, которыми наделяются объекты реальности и практики жизнедеятельности молодежи, конструируемые во взаимодействии с этими объектами. Приведены примеры изменений, вносимых молодым поколением на каждом этапе конструирования реальности и их проявление в различных сферах жизни. Дано описание противоречий между различными аспектами в механизме формирования и изменения социальной реальности в молодежной среде – объективными и субъективными, традиционными и современными, осознаваемыми и бессознательными, социальными и культурными. Теоретическое обоснование и эмпирические подходы к анализу изменений базируются на многолетних социологических исследованиях, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНСЦ РАН в рамках исследования механизмов взаимодействия молодежи и общества.

Ключевые слова: молодежь; социальная реальность; смыслы; смыслообразование; практики; изменение реальности; конструирование реальности, противоречия

Информация для цитирования: Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.

Editor's Review Article

Yuliya A. Zubok

Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth

Institute of Socio-political Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
suzubok@mail.ru

Abstract. The processes of social reality formation and changes as well as the role of youth in these processes are analyzed in the article from the phenomenological point of view. Both formation and change are considered in the interaction of objective and subjective aspects of human life, where the objective side is determined by the living conditions and culture of society, and the subjective side is defined by the semantic constructions and images of reality, arising in the minds of people in the process of social interactions. Meaning-making is fundamental to the formation of reality, and the basis for the continuity of meaning-images, their deconstruction and "reassembly" are linked to the process of reproduction and change of reality, in which young people play a key role. The theme of youth in a changing reality is examined through the prism of changing human existence in a dynamically changing world, in the context of changing the semantic foundations of reality. The article illustrates changes in the understanding of reality phenomena by young people, the meanings given to the objects of reality and the practices of young people's life, which are constructed in interaction with these objects. Examples of changes made by the young generation at each stage of constructing reality and their manifestation in different spheres of life are given. Contradictions between different aspects – objective and subjective, traditional and modern, conscious and unconscious, social and cultural in the mechanism of formation and change of social reality in the youth environment are described. Theoretical reasoning and empirical approaches to the analysis of changes are based on many years of sociological research carried out by the Centre of Sociology of Youth ISPR FCTAS RAS as part of the study of the mechanisms of interaction between youth and society.

Keywords: youth; social reality; meanings; meaning-making; practices; changing reality; constructing reality; contradictions

Information for citation: Zubok, Y. A. (2022), “Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth”, Research Result. Sociology and management, 8 (3), 10-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.

Введение (Introduction). Актуальность исследований, связанных с анализом социальной реальности в ракурсе социологии молодежи, обусловлена, во-первых, особой ролью молодежи в воспроизводстве

и обновлении общества, ее способностью наследовать и изменять параметры социальной реальности на основе нового опыта. Во-вторых, высоко динамичным, иногда лавинообразным, как это было в ситуации

пандемии, характером изменений, обусловленных и внутренними для каждого общества причинами (сценарий собственной «социально-исторической судьбы») и глобальными, внешними (драма «общей судьбы»). В-третьих, неоднозначностью и противоречивостью формирующейся реальности, в которой под влиянием перманентной изменчивости свойства ее объектов трудно отделимы от их состояний, смысловые образцы гибридизированы, а стратегии – не линейны. В-четвертых, необходимостью изучения механизмов, на основе которых формируется и изменяется социальная реальность.

Все многообразие подходов к пониманию того, что же собой представляет социальная реальность сводится к определению ее как действительности социального мира, отражающей одновременно объективно существующие явления и процессы, и субъективные представления о них.

Как объективная социальная действительность она существует не зависимо от включающихся в нее субъектов. Молодое поколение наследует сложившуюся систему экономических, социальных, политических институтов, организаций, связей и отношений, образующих основу объективной действительности, с которой взаимодействует.

В то же время, исходя из феноменологического понимания социальной реальности как «всей совокупности объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Шюц, 1994: 485) она – не более, но и не менее, чем субъективная конструкция. Поэтому ее главной составляющей и основной характеристикой являются социокультурные *феномены* – явления в их чувственном созерцании (Новая философская энциклопедия, 2010). А в исследовании социальной реальности основное внимание уделяется про-

цессу формирования субъективных представлений об объектах действительности и отношению к ним.

В феноменологическом подходе реализуется одна из социологических традиций, согласно которой «социальная реальность в большей мере связана с нормативно-ценностными структурами, и, следовательно, в контексте отношений «общество – индивид» подчеркивается не столько идея статусно-ролевых позиций, сколько идея смыслов-значений, которые являются составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии» (Грицанова, 2008: 145). В то время как другая социологическая традиция описывает реальность через структурные категории различного типа – классы, слои, страты. И создаваемая ими социальная реальность считается той самой истинной реальностью, которая «обращивается каждому индивиду совокупностью подготовленных социальных ролей, в рамках которых с известной долей вероятности будет реализована его биография» (Грицанова, 2008: 145).

По мере взаимодействия друг с другом и с социальной действительностью, в процессе ее познания и приобретения собственного опыта жизнедеятельности в заданных структурах молодые люди не только формируют общее субъективное представление об их сущности, но и наделяют собственными смыслами и значениями. Исходя из того, что целостность реальности обеспечивается связью объективного и субъективного, то и понимание ее формирования и изменения может быть достигнуто путем анализа взаимосвязи обоих компонентов – структур и их смысловых образов. Поскольку речь идет о молодежи как становящемся социальной субъекте, т.е. интегрирующемся в многочисленные связи, структуры и отношения, то объективное для нее проявляется и в виде социально-экономических условий, определяющих ее базис, и в виде культуры. В силу инерционности ее образцов, она в известной мере выступает столь же неотвратимым, базовым

условием жизнедеятельности молодежи. Регулирующая функция культуры как совокупность ценностно-нормативных представлений определяет способы ее организации в самых разных сферах (Hofstede, 2011; Аузан, 2022).

Целью статьи стало рассмотрение ключевых теоретических и эмпирических аспектов социологического подхода к исследованию формирования и изменения реальности в молодежной среде с акцентом на социокультурные его составляющие.

Методология и методы (Methodology and methods). В социальной философии и социологии накоплен значительный пласт теоретических разработок, позволяющих обосновать методологию исследования социальной реальности и роли молодежи в ее воспроизведстве и изменении – от классических подходов, восходящих к истокам феноменологии до современных концепций формирования и воспроизведения реальности. Объективность формирования реальности, обусловленная влиянием культуры и субъективность, непосредственно связанная с ее конструированием в молодежной среде, находятся в постоянном взаимодействии, как взаимодействует между собой молодежь и общество. Пространством этого взаимодействия является пространство смыслов – представлений о реальности, понимания сущностных характеристик объектов, процессов и явлений. Поэтому основным подходом стал социокультурный. А, поскольку одной из функций культуры является смыслообразование, то основой этого подхода является теоретическое обоснование конструирования и особенности воспроизведения смыслов реальности.

Исходным в понимании изменяющейся реальности является учение об экономической социальной и культурной динамике (Сорокин, 2000), об изменчивости общества, свойстве социального мира выступать перед людьми как постоянно меняющееся сочетание различных сфер реальности (Штомпка, 1996) и как следствие, о восприятии общества в движении («процессуальный образ») (Штомпка, 1996: 21).

В основу данной статьи положены теоретико-методологические разработки в области исследования молодежи в изменяющейся социальной реальности, ставшие главным приложением сил коллектива Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН (Чупров, Зубок, Романович, 2014; Чупров, Зубок, 2019; Зубок, Чупров, 2020). Обоснование социокультурного механизма формирования и воспроизведения социальной реальности с учетом субъектности молодежи в этом процессе непосредственно связано с именем В. И. Чупрова (08.08.1938 – 18.08.2021), разработавшего концепцию молодежи как субъекта общественного воспроизведения и общественной жизни, обосновавшего ее функции в формировании и изменении социальной реальности, заложившего теоретико-методологические основы исследования социокультурных механизмов социальной регуляции (Чупров, 1994: 450-451; Чупров, 2008: 451-452).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Формирование социальной реальности.* Социальная реальность формируется на основе знаний индивидов и групп о ее объектах, с которыми они, так или иначе пересекается и взаимодействует. Благодаря знаниям, по П. Бергеру и Т. Лукману, возникает «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» (Бергер, Лукман, 1995). Знакомство с объективной, стоящей по выражению Э. Дюркгейма, над человеком действительностью, ее познание в процессе взаимодействий – первичный этап, на котором определяются базовые представления о явлениях, событиях, объектах. Воспринимать мир как «реальный» заставляет «действительность» внешнего мира, созданная волевым актом и упорно безразличная к намерениям людей, нежелающая подчиниться их воле и потому воспринимаемая как «принуждающая, ограничивающая и непокорная» (Бауман, 2008: 23). Но по мере познания и освоения внешнего мира, приходит понимание возможностей его преоб-

разования и выбора. Реальными, таким образом, становятся объекты, осознанные как пространство собственной жизнедеятельности. При этом реальность может восприниматься как отчужденная и неподдающаяся контролю и изменению, либо как подвластная и свободно конструируемая. В первом случае она воспринимается как пространство самовыражения и самореализации, наполненная позитивными перспективами развития, подконтрольная и оттого безопасная. Во втором – как отчужденная и потому опасная. Причем, опасность реальности может выражаться, как в ее принудительно-ограничительной силе, так и в неопределенности и непредсказуемости.

Отражая взаимодействие не только объекта и субъекта познания, но, прежде всего, познающих субъектов друг с другом, реальность формируется как интерсубъективная. Интерсубъективность – «род коллективной реальности, выходящей за границы индивидуального, разделяемой по меньшей мере двумя субъектами и нормативно влияющей на образ мыслей и действий некоторого множества людей, в пределе – всего общества..., максимальная и единственно достижимая форма объективности, а также всеобщности и необходимости в человеческих делах и начинаниях (взаимоотношениях). Ее можно считать также мерой согласия среди людей относительно значимости тех или иных событий – как практического, так и теоретического характера» (Гречко, 2008: 122). Ключевым механизмом интерсубъективности являются многочисленные социальные взаимодействия. Они выстраиваются как «многоканальные» в том смысле, что в них вовлекаются разные поколения как носители опыта и знания и разные социальные посредники, продуцирующие и транслирующие контент в процессе коммуникации. Поскольку «сферой непосредственного социального опыта», по А. Шюцу, «выступает социальный жизненный мир внутри нашего поля действия» (Шюц, 2008: 77), то познающие и формирующие свою реальность молодые люди включаются в этот процесс

«вместе с Другими в некотором общем темпоральном пространстве», разделяя «с ними и определенный сектор в общем поле действия» (Шюц, 2008: 77). Общность знаний и опыта, в действительности пережитого совместно и поэтому разделяемого, или познанного через образование, наблюдение, устные истории, но эмоционально воспринятого как собственный – интеориализированного – делает из разрозненных, живущих своей повседневной жизнью молодых людей, общность. Принадлежность к этой общности дает уверенность в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах, а пережитый совместный опыт добавляет эмоциональных красок этой уверенности. Разделяемое, так называемое «общее знание», выражаемое на языке обыденности формулами «все так думают» и «это всем известно» как раз и питает субъективную реальность.

Если постфигуративная культура (по М. Мид) с ее устойчивыми, вполне адекватными для актуального применения и потому мало подвижными конструкциями знаний и опыта, выстраивает интерсубъективность в режиме вертикальной передачи от старшего поколения к младшему, то наступление кофигуративной и постфигуративной культуры говорит о том, что в процесс добывания новых знаний и опыта включаются одновременно разные поколения, точно также столкнувшиеся с новой действительностью и стоящие перед необходимостью формирования ее образа. Главное отличие будет состоять в том, что для молодого поколения этот процесс носит характер первичного познания и освоения реальности. Соответственно, интерсубъективность формирующейся реальности не исчерпывается только горизонтальными взаимодействиями внутри молодежной когорты, а расширяется за счет взаимодействия с другими поколениями и новыми социальными посредниками. В современном обществе расширению социальной реальности служат виртуальные коммуникации. Они связывают в едином коммуникативном

поле носителей самого разного опыта и знаний. На их пересечении формируются смысловые представления как «обобщенные образы объективной действительности» (Ломов, 1984: 167).

Различая вслед за У. Джеймсом знание как верование, как поверхностное знакомство и как глубокое проникновение в сущность объекта или явления, А. Шюц пишет: ««знание о» относится к тому сравнительно небольшому участку мира, о котором каждый из нас имеет заключенное, ясное, отчетливое и устойчивое знание, не только по отношению к «что» и «как», но также и в отношении к «почему», особенно там, где данный субъект является «компетентным экспертом». «Знание знакомство» относится только к «что» и оставляет «как» незатронутым». Развивая эту идею Вал. А. Луков называет знакомство и узнавание частей среды молодежью первой стадией конструирования ею социальной реальности (Луков, 2018).

Напомним, однако уточнение А. Шюца о том, что формы знания о жизненном мире, во-первых, весьма дифференцированы, во-вторых, постоянно меняются, флюкируют, что проявляется в сознании отдельного индивида или группы и в их отношении к другим объектам. «Следовательно, объем того, что, с одной стороны, известно, значимо, понятно, и того, с другой стороны, что неизвестно, относителен; для индивида он соотнесен с его биографической ситуацией, для группы – с ее исторической ситуацией» (Шюц, 2008: 79). Это уточнение имеет существенное значение для понимания механизма формирования реальности в современной молодежной среде. Во-первых, молодежь сильно дифференцирована. Наряду с «классическими» основаниями дифференциации – гендер, возраст, регион, уровень образования и доходов, действует целый ряд других оснований, определяющих социальные и социокультурные различия молодежи. Во-вторых, не одинаков темп освоения реальности и неравенство доступа к ресурсам развития дополняется «плюрализмом культур» и

«отсутствием универсалий» (Bauman 1992), вследствие чего различные группы молодежи формируют свои собственные образы реальности. Формируемая множеством познающих и конструирующих свою реальность субъектов – одна из характерных черт современного общества.

Освоение молодыми людьми социальной реальности не отделимо от понимания содержательных характеристик ее объектов, процессов и явлений социальной жизни, что предполагает рефлексирующее, осмысленное раскрытие их содержания, функций и значения для жизнедеятельности в исторической ретроспективе, в актуальной ситуации и в проекции незримо ощущаемого будущего. Смысл определяется Ю. А. Шрейдером, как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывающая его с более широким пластом реальности. Определяя место феномена в некоторой целостности, смысл превращает его осуществление в необходимость, соответствующую онтологическому порядку вещей» (Шрейдер). Необходимость в этом контексте противостоит понятию случайность, отражая закономерность такого осуществления. Какой смысл имели события или явления в прошлом, что они значат в настоящем и какую роль способны сыграть в конструировании будущего определяется взаимодействием осознаваемого и бессознательного в их восприятии. Неосознанное эмоционально сопреживается. Молодой человек может логически не осознавать всю совокупность сущностных характеристик объекта, или явления, но ощущать эмоциональную причастность и разделять смысловые черты их образов. Так проявляется воспроизведение архетипических смыслов – бессознательных обобщенных смыслообразов труда, просвещения, семейного уклада, восприятия прошлого, господства, подчинения и т.д., их полное, или частичное воспроизведение в современных условиях. Конкретные смыслы обретают статус ценностей – коллективных ориентаций на следование им. В то же время «культурные ценности,

относительно которых люди могут быть «взаимными», – пишет П. К. Гречко, вносят смысл (смысли) в то, что они (люди) делают, как живут, к чему стремятся. И это делает из социального некое смыслозначенное бытие, поле, пропитанное, насыщенное смыслом. Смысли здесь – не просто форма, в которой социальное открывается для меня как познающего существа, а идеальноидейный компонент его содержания, интегральная составная часть социальности как таковой. Без нее мир социального становится нечеловеческой (и бесчеловечной) реальностью»... «А это значит, что любое социальное явление нужно рассматривать с учетом того, как оно воспринимается, или понимается, людьми. Это понимание является определенно законным компонентом его реального (и полносоставного) бытия» (Гречко, 2008: 118-119) Так воспроизводится менталитет – определённые свойства группы, общества, нации.

Рассматривая генезис идей в отношении понятия «смысл», его философские интерпретации, Ж. Т. Тощенко отмечает, что «смысл относится и применяется в трактовке, понимании и объяснении социальной реальности во всем ее многообразии, и в первую очередь с таким коренным и ключевым понятием, как жизнь.... Именно смысл венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, о его роли и месте в обществе» (Тощенко, 2016: 12), при этом «одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом» (Тощенко, 2016: 13).

Смысл включает в себя не только осознание цели-принципа, учитывающего ценностные ориентации и установки, но и активное участие в ее реализации. Не готовность к реализации, а сам процесс превращения цели-принципа в созидательную деятельность. И что особенно важно – смысл не может существовать вне согласования с действиями других участников, постоянно сопоставляясь со смыслами других людей и в соответствии с этим продолжать следо-

вать принятой цели, изменять ее или отказатьься вовсе. Этим, продолжает Ж. Т. Тощенко со ссылкой на Э. Гуссерля, утверждается, что понимание социальной реальности зависит от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия (Тощенко, 2016: 14). Следовательно, социальная реальность формируется интерсубъективным смыслополаганием.

Смыслообразование – базовая функция культуры. Понимание смыслов, укорененных в базовых и социально-сituационных характеристиках, является основанием отношения к объектам реальности, определяющим внутреннюю нацеленность на эти объекты и выбор способов взаимодействия (Чупров, Зубок, Романович, 2014, 2019). *Если смысл отражает сущность объекта, то значение может говорить о том, какое место он занимает в иерархии других смыслов и какую роль играет в саморегуляции жизнедеятельности конкретного человека, или группы.* Поэтому понимание социального смысла раскрывается в повседневном взаимодействии молодых людей с другими как общее представление о реальности окружающей их действительности, ее сопреживание. Так на основе личного или исторического опыта формируется осмысленное отношение людей к различным объектам социальной реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2019). Само же отношение реализуется в двух взаимосвязанных формах – понятийной и образной, где понятийная форма, собственно, и отражает смысловые характеристики объектов социальной реальности, а образная – их абстрактное, обобщенное выражение и эмоционально-чувственное переживание. Такое понимание образа не тождественно любому мысленному образу, или утопичному по своей сути «идеальному типу» М. Вебера (Вебер, 1990: 390), а представляет собой комплексный, собирательный образ, в свою очередь выступающий основой базового отношения к реальности. «Базовые характеристики воспроизводятся из опыта прежних поколений в форме коллективного

бессознательного, и закрепляются в массовом сознании, служат основаниями для формирования обобщенного эмоционального и рационального представления об объектах социальной реальности в виде смыслов и ценностей» (Чупров, Зубок, Романович, 2019). Бессознательное, обусловленное прошлым, запечатленным в психике человека (Чупров, Михеева, 2015), включает в себя архетипические компоненты культуры, которые проявляются в символической форме в образах библейских и сказочных героев, в мифах, в пословицах, в поговорках, в фольклоре, в обрядах и т.д. Закрепленные в текстах, архетипические компоненты культуры существуют «в виде совокупности прецедентов», называемых «сгустками вербализованного опыта», образующими «некоторые общие способы реагирования на очень обобщенные ряды ситуаций, своего рода социальные рефлексы или привычки, глубоко укорененные в процессе социализации» (Беккер, Босков, 1961: 180-181).

В процессе социальных взаимодействий базовые характеристики трансформируются в повседневные практики по мере осознания их соответствия индивидуальным, групповым интересам и ценностям людей. А конкретные жизненные ситуации, в которые погружены молодые люди, обеспечивают личный опыт и знания, дополняющие базовый образ реальности. Взаимодействие когнитивной, оценочной и чувственной составляющих в ходе социальных взаимодействий, определяет не только содержание образов реальности, но и силу внутреннего эмоционального напряжения, возникающего в зависимости от значимости объекта и меры реализации ожиданий, связанных с ним. Различия в реализации ожиданий, проявление неравенства и разочарование молодежи во взаимодействиях с объектами реальности, обусловленные дифференциацией их жизненных ситуаций и социального контекста жизнедеятельности, корректируют, прежде всего, ситуационное отношение к ее объектам. «Иначе говоря, в социально-сituационных

характеристиках фиксируются отклонения от базового образа как результат рефлексии повседневного опыта» (Чупров, Зубок, Романович, 2014: 188).

Сформировавшееся отношение к явлениям и объектам социальной жизни, воплощается в конкретных поведенческих предрасположенностях (диспозициях), характеризующих способы реализации молодыми людьми собственных жизненных выборов. Формирование предрасположенностей обусловлено соответствующим строением знаний, приобретаемых во взаимодействии с другими по поводу совместного познания и освоения, образуя субъективный опыт как проекцию опыта коллективного. Формирующиеся габитусы упорядочивают его и закрепляют, способствуя преобразованию в социальные практики. «Социальное становится реальностью для субъекта посредством его практик, расширяющих освоенное им пространство жизненного мира. Другими словами, из множества реальностей человек выбирает и признает (принимает) только ту, которая является результатом его собственной деятельности, разворачивающейся в системе практик. Все остальные уровни и типы реальностей являются чуждыми для него, навязанными ему извне реальностями, которые он принимает как фактическую данность» (Резник, 2008: 104-105). Сказанное означает, что освоение реальности осуществляется молодым человеком посредством расширения практик участия в жизни общества, вовлечения в социально-экономические, трудовые, общественно-политические отношения, проявление в них собственной субъектности.

В ходе рефлексии опыта, запечатленного в архетипах и закрепленного в габитусах, субъективная реальность приобретает связь с исторически обусловленными смыслами. На основе их взаимодействия формируется предрасположенность к традиционному типу отношения к реальности. В свою очередь, актуальный жизненный опыт молодежи, обретаемый ею в изменяющихся условиях, в большей мере отвечает

за формирование современных представлений о реальности. Тем самым, расширяется пространство реальности молодежи. Следуя этой логике, можно было бы ожидать, что и поведенческие предрасположенности будут формироваться соответствующим образом: традиционные габитуальные установки станут проекцией исторических, базовых представлений, а современные – продуктом ситуативных условий. Однако в реальности эти связи не столь очевидны и однозначны. Как в опыте прежних поколений просматриваются предпосылки современных поведенческих практик, так и в современных контекстах вполне успешно воспроизводятся традиционные смыслы и поведенческие установки, подхваченные и применяемые молодежью в условиях, казалось бы, далеких от тех, в которых они были выработаны. Аналогичным – перекрестным – образом могут выстраиваться и установки на инновацию или адаптацию. Адаптация не сводится к традиции, поскольку объектом приспособления адаптирующегося субъекта может выступать любой культурный набор, от традиционного до современного, от консервативного до либерального. А непротивление сложившимся обстоятельствам может быть обусловлено рациональными соображениями (необоснованно высокой ценой риска изменений, отсутствием «подушки безопасности» и т.д.). В свою очередь, приверженность традиционным смыслам не сводится к архаичности и не отменяет эксперименты с современными способами их реализации (например, традиционный смысл семьи при современном образе ее жизни).

В процессе развития к прежним жизненным смыслам, содержащимся в основаниях наследуемой культуры, добавляются новые. Частичное вытеснение, но чаще их взаимопроникновение, порождает новые, сложные образцы реальности. На этом фундаменте строится гибридизация как одна из ее доминантных особенностей в молодежной среде.

Многократно повторяющийся опыт взаимодействия с объектами реальности

рутинизируется, а их образы и способы реагирования опривычиваются. Хабитуализация формирующихся представлений обеспечивает их встраивание в поведенческие модели не только живущих поколений, но и трансляцию другим поколениям, сохранение их в исторической памяти. Уверенность в достоверности разделяемых всеми знаний и представлений о реальности и ее проявлениях, является условием объективации.

Габитуальные установки довольно устойчивы чтобы воспроизвестись при удобном случае, но достаточно подвижны, чтобы сохранять чувствительность к изменениям среды. Поскольку они связаны с навыками выживания в определенной социальной реальности, то обнаружение характерных форм, под которые в арсенале имеется апробированный опыт и соответствующие ему практики, обеспечивает их ренессанс. Здесь проявляется другой этап объективации – типизация и формирование обобщенного стереотипного представления о социальной реальности, когда «...в типически сходных обстоятельствах я могу действовать в сущности так же, как я действовал и раньше для достижения типически сходного результата» (Шюц, 1988: 135). «Типификации и символизации, с помощью которых мы различаем определенные страты нашего социального мира, конструируем и интерпретируем его содержание, определяем цели и порядок наших действий в нем и учтываем его воздействия на нас, весь этот ментальный инструментарий уже передан нам как переживаемый без вопросов [*unquestionably given*] именно в силу тех социально детерминированных схем интерпретации и выражения, которые превалируют в группе, куда мы входим, и которые мы привыкли называть «культурой» нашей социальной группы» (Шюц, 2008: 77).

Типизация реальности – поиск характерных ее черт, типичных признаков, позволяющих применять выработанные под них социальные практики. Иначе говоря, оставлять за скобками уникальные, но малозначимые характеристики, сосредотачи-

ваясь на типичных и апробированных, используя энергосберегающие стереотипные реакции на повторяющиеся ситуации взаимодействия с реальностью, представления о которой так же стереотипизируются. И в таком упрощенном, схематизированном виде они воспринимаются как объективные, действительные. Наряду с антропостереотипами формируются и функционируют аксиологические стереотипы – «отражающие систему социально значимых ценностей отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом. Данная система ценностей, после трансформации в аксиологические стереотипы, реализуется в ходе социальной коммуникации через функции идентификации и интеграции, которые в совокупности ориентированы на поддержание стабильности существования социальной системы.... Основанием для выделения аксиологического стереотипа ... является характер направленности субъекта оценки (социального актора) в отношении объекта оценки (социальной ценности)» (Ковалев, 2009: 14).

Схематизированные образцы объектов и рисунок возможного поведения определяют рамку, через которую воспринимается реальность - фрейм. Поскольку человек сталкивается с множеством конкретных ситуаций, то знания структурируются в разветвленную систему фреймов, по-своему упрощая восприятие реальной действительности (Минский, 1979: 7).

Там, где осуществляется типизация и хабитуализация привычных действий, имеет место институционализация – завершающий этап объективации. Институционализированные образцы получают независимость от субъективных представлений, которыми когда-то были порождены, и функционируют как социокультурные регуляторы жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности.

Противоречия формирования реальности. Поскольку социальная реальность формируется на пересечении культурного и социального опыта, будем рассматривать

изменения смыслового восприятия ключевых объектов реальности группами молодежи, живущими в разных социальных условиях и приверженных различным жизненно-практическим установкам. В этой диалектической связи социального и культурного именно культура отвечает за формирование базовых компонентов смыслобразов реальности, а непосредственный социальный опыт, обусловленный социально-групповыми особенностями молодежи и вытекающими из них жизненными обстоятельствами – за его ситуативные вариации. Во взаимодействии культурного и социального, а также в самой культуре возникают противоречия. Так, несоответствие долговременных культурных и ситуативных социальных факторов порождает противоречие в способах организации социальной жизни молодежи. В наиболее общем виде это выражается в несовпадении разделяемых смыслов с возможностями их воплощения. Поскольку в этом противоречии отражаются не только коллизии, но и потенциальные возможности преодоления разными группами молодежи возникающего несоответствия по мере собственной активности, то проявляющееся неравенство отразится не только в дифференциации представлений о реальности, но и в индивидуально-групповых способах ее регуляции.

Что касается противоречия внутри самой культуры, то оно выражается в уже упоминавшемся столкновении традиционного и современного, в его непримиримой борьбе, но и в единстве. Поскольку каждое новое поколение не только воспроизводит сконструированную другими поколениями смысловую реальность, но изменяет ее путем собственной деятельности и в измененной форме передает последующим поколениям, то возникающие новые смыслы преобразуются в новые культурные образы, становясь постепенно составной частью обобщенных образов реальности. Исходя из понимания особого статуса молодежи в общественном воспроизводстве, столкновение смыслов традиционных и современных выглядит как противоречие между

субъектностью молодежи в простом воспроизведстве (преемственности смыслов и ценностей) и ее субъектностью в социокультурных инновациях и развитии. Подобные инновации часто соответствуют тому, что Бергер и Лукман называли перетолкованием прошлого для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности (Бергер, Лукман, 1995: 263), но сам факт реинтерпретации и появления новых смыслов отражается в изменяющейся реальности как девиация. Проблема взаимодействия традиционного и современного, новой нормы и отклонения, а также смысловых оснований современных норм и девиаций – одна из ключевых в изучении изменяющейся реальности и смысловых оснований саморегуляции жизнедеятельности молодежи в этих условиях.

Совокупный жизненный опыт, накопленный людьми, живущими в конкретном обществе на определенной территории со всеми исторически сложившимися особенностями социальных отношений, воплощается в обобщенных представлениях о реальности, фиксируется не только в образах окружающего мира, но и в поведенческих реакциях. При этом не всё в восприятии реальности подвержено рациональному осмыслинию, а частично существует в виде неосознанного опыта, не отрефлексированная информация о котором «хранится» в коллективном бессознательном. Современная организация общественной жизни, предполагающая соотнесение целей жизнедеятельности, прежде всего, с рационально осмысленными средствами их достижения, сталкивается со смыслообразами, связанными с традицией. Притом, что в образах реальности можно выделить, как признаки осознаваемого, так и элементы бессознательных установок, а бессознательное в процессе рефлексии конвертируется в осознанные образы реальности, чтобы отразиться в жизненной позиции молодых людей, между бессознательным и рационально осмысленным возникает своя собственная линия противоречий. Так, в моло-

дежной среде сталкиваются архетип «идеализации» прошлого, возведенный в ранг критерия оценки современного («Почтая старое, обретаешь новое»), архетип добра, как источник небедимой веры в лучшие человеческие проявления («Добро побеждает зло»), или архетип совести («Хоть мошна пуста, да совесть чиста») с pragmatизмом и рационализмом как современной чертой молодого поколения, выделяемой самими молодыми людьми в качестве поколенческого признака. Такого рода противоречие есть в разных сферах жизни. Особенности его разрешения определяют направленность и характер изменений реальности в молодежной среде.

По мере накопления опыта и знаний о сущности и особенностях реальности, раскрываются ее стороны, обусловленные объективными процессами, т.е. социальная действительность. Познавая объективную социальную действительность, молодой человек воспринимает ее через то знание, которым располагает, поэтому сущность социальной реальности коренится в соотношении объективного и субъективного (А. Шюц) в социальной действительности. Знания распределены в обществе, но их доступность определяется, прежде всего, социальным положением и активностью самого молодого человека по его изменению. Человек осознает себя в качестве члена определенной социальной группы, обладателя определенного социального статуса, выполняющего конкретную социальную роль. Результатом осознания им своего социального положения становятся, с одной стороны, сформированные ожидания от реальности, а с другой, социальные смыслы, которыми наполняется данная в ощущениях, или конструируемая новая реальность. Между объективной и субъективной сторонами социальной реальности возникает противоречие. Оно проявляется в виде несоответствия смыслов и значений объектов реальности действительному положению дел и статусу молодежи в соответствующих структурах. Так проявляется столкновение субъективных представлений о

роли и значении образования в жизни современного человека и реальным, т.е. объективно существующим образовательным статусом молодых людей, уровнем образования, квалификацией, знаниями; несовпадение объективного положения молодежи в сфере труда и характеристик ее трудовой деятельности с ожиданиями от труда и его ценностями, т.е. субъективными смысловыми представлениями; между образом семьи, сформировавшимся в сознании молодежи и возможностями реализации его в действительности; между представлениями о функциях политических институтов, пониманием их эффективности с негативным опытом взаимодействия с конкретными властными структурами, или представителями власти; между смыслами общения и коммуникативными ожиданиями молодых людей и доминирующим режимом коммуникации, установившимся в их среде, или в общении с другими группами и т.д.

Способом преодоления противоречия объективного и субъективного является примирение с реальностью (не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней), или ее целенаправленное изменение, движимое инновационным потенциалом молодежи и новыми представлениями о должном, важном и значимом, т.е. о смыслах.

Изменение реальности и эмпирические подходы к его исследованию. Современная социальная реальность отличается «текущестью», а «изменчивый современный мир людей, наделенных свободой выбора» (Бауман, 2008) динамичен и плащен. Изменения, являющиеся имманентным свойством и атрибутом современного мира, глобальны и развиваются в режиме ускорения. При этом их скорость, вектор и содержательное наполнение в разных обществах, сферах и группах существенно отличается. Возникающие в жизнедеятельности молодежи социальные и культурные феномены отличаются коротким периодом актуальности. Постоянное движение, в котором преисходит современная реальность, а вместе с ней и молодое поколение являются частью образа жизни молодежи, отражаются в ее

восприятии и способах организации жизнедеятельности.

«Точка сборки» социальной реальности, – пишет Ю. М. Резник осмысливая природу и практический смысл социальной реальности, «образуется на пересечении двух встречных векторов – ее изменчивости и «пластиности», способности к изменению (и самоизменению), с одной стороны, и конструктивного потенциала субъекта как интегративного качества и способности перестраивать этот мир «под себя», изменяя в то же время свой внутренний мир». Поэтому «фактическим субъектом культурных процессов всегда является отдельный человек, который ведет себя не как пассивный «продукт окультуриования», т.е. механический исполнитель усвоенных им культурных образцов и норм, но и как их активный интерпретатор» (Флиер, Полетаева, 2008: 15). В этом процессе выражается социальная субъектность молодежи, осмысливающей и переосмысливающей реальность в контексте взаимодействия с изменяющимися структурами общества в изменяющихся условиях жизни, адаптирующейся к этим изменяющимся условиям и переконструирующей социальную реальность «в соответствии со своим символическим универсумом» (Луков, Павлов, 2015: 83). И, чем больше реальность осваивается как пространство собственной жизнедеятельности, тем активнее она осознается как объект возможного изменения.

Субъектные изменения проявляются на каждой ступени конструирования в нарастающей рационализации базовых представлений и смыслов реальности, когда молодое поколение вкладывает в них другое содержание, меняет (рационализирует) свои ожидания, или способы их реализации.

На стадии смыслообразования этот процесс выражается в нарастании современного понимания сущностных характеристик, функций и значения объектов и явлений реальности - семьи, родины, образования, труда, здоровья, общения, власти и т.д. до понимания смысла собственной

жизни. В процессе переосмысливания меняется не только их существенное выражение, но и значение – место в иерархии смыслов. При этом значение может быть терминальное (самоценнное), когда объект выступает в виде ценности-цели, или инструментальное, прагматично воспринимаясь как средство достижения иных, более значимых целей. Изменяться может соотношение между ними.

На стадии выбора поведенческих форм – в переопределении границ нормы и отклонения, стирании сглаживания четко выраженных граней между ними и расширении тем самым возможностей достижения жизненных целей.

На стадии хабитуализации – в отходе от традиционных практик, моделирующих повторение прошлых образцов, смещении габитуальных установок в ответ на более глубокие сдвиги в образе жизни и способах ее организации (изменении соотношения габитусов активности и пассивности, индивидуализма и коллективизма, чувственности и расчетливости, активности и пассивности, постоянства и изменения, предсказуемости и риска и т.д.). Не случайно наиболее значимые, фундаментальные социальные изменения П. Бурдье связывал с изменением габитуса к определенной деятельности.

На стадии типизации – изменения проявляются как в смене стереотипов, лежащих в основании образов объектов реальности, в том числе социальных групп, общностей «мы» и «они», так и в изменении аксиологических представлений, вслед за которыми изменяются смысловые рамки восприятия реальности и выстроенные на их основе схемы интерпретации событий, явлений и ситуаций индивидуальной и общественной жизни. Изменения, таким образом, направляются на «дестереотипизацию деятельности, общения, мышления, дестандартизацию уже имеющихся наличных содержаний, проблематизацию «очевидностей», деструктурацию и deinstitуционализацию» с последующей их пересборкой.

Их общий вектор устремлен в сторону рационализации – оптимизации оснований и форм взаимодействия с изменяющимся миром, реализуемые через неизбежное отступление от конвенционального эталонного образца. «При этом степень отклонения может различаться от незначительных изменений до формирования смысловой оппозиции» (Сорокин, 2020: 123), под которой предлагается понимать противопоставление существенного понимания образов, действий, явлений, формирующихся в культурном пространстве молодежи институциональной модели, или конвенциональному нравственному образцу.

Институционализация закрепляет спонтанные, существовавшие в экспериментальном виде, апробируемые поначалу небольшими группами молодежи неформальные практики (Диманс, Левичева, 2018), утверждая их в качестве новой нормы вместо прежней, или наряду с ней.

Так, росло принятие практики неоформленных семейных союзов, аprobация, а затем закрепление по принципу «и так тоже можно» незарегистрированного брачного партнёрства. Для многих молодых людей стало возможным примирить внутреннее стремление к жизни в партнерских отношениях, а не «соло» (Кляйненберг, 2014) с невозможностью взять на себя полноценную ответственность за создание семьи.

В трудовых отношениях утверждалось фрилансерство, имевшее смысл достижения гибкости и независимости от жестких структур и формальных контрактов. Такие практики, с одной стороны, хотя и порождают новую зависимость от случайных заработков, формируют прекарную занятость (Тощенко, 2020), но в то же время отвечают идеи свободного передвижения, неуловимости, возможности быть везде и нигде конкретно. Схожим образом изменился характер связей труда с другими объектами реальности и, прежде всего, с образованием (Сморегуляция, 2021).

Отношение молодежи к образованию также наполнялось новыми смыслами и

практиками. Переосмысление и, как следствие, ренессанс переживали просветительские проекты (Ключарев, 2014), с развитием интернет-коммуникаций завоевывало сторонников онлайн образование, ставшее основой его организации во время пандемии; смысл образования утилитарно связывался с его практической ориентированностью, само оно оценивалось, исходя из конвертируемости на рынке труда, а отношение к нему рационализировалось в соответствии с образцами гиперреальности (Селиверстова, 2020).

Иными смыслами наделялось понимание власти, восприятие которой эволюционировало от традиционно сакрального образа с максимальной дистанцией, основанного на архетипическом «где царь, тут и правда», до укрепляющегося понимания власти как эффективного менеджера, избираемого путем демократических процедур и отвечающего интересам общества в целом и местных территориальных сообществ.

Переосмысливалось в сторону рационализации понимание Родины, образ которой формировался на основе современных критериев свободы и комфортной жизни (Сорокин, 2021 (а)).

В коммуникативной сфере происходило срашивание «онлайн» и «офф-лайн» реальности, стирание граней между виртуальностью и тем, что еще недавно считалось реальностью, выступавшей нормативным образцом. А коммуникации приняли на себя роль основных средств организации жизни молодежи. Новая коммуникативная реальность разрушала прежние формы социальности и намечала новые, открывая возможность приобщения к недоступным прежде образцам и практикам, избавляя многих молодых людей от одиночества, заброшенности, скуки. При этом изменялись не только содержательные стороны общения, но и коммуникативная компетентность личности (Чанкова, 2018; Зубок, Чанкова, 2019).

Наконец, существенные изменения происходили в понимании нормы и девиации, что само по себе становится базовым основанием всего процесса переосмыслиния и переопределения реальности. С одной стороны, пересматривались конкретные нормы и практики (например, в восприятии возраста, или пола, в представлениях об их ролевых и статусных границах в обществе), с другой – пересматривалось отношение к самой норме как феномену реальности (Зубок, Яковук, 2008), а девиация расширяла свое значение как исключительно субкультурного явления и приобретала новую смысловую функциональность как инструмент конструирования новой реальности (Сорокин, 2021 (б)).

Итак, на каждом этапе конструирования и изменения реальности проявляется социальная субъектность молодого поколения. Включаясь в этот процесс, молодежь реализует свои ключевые социальные функции в общественном воспроизводстве, сформулированные В. И. Чупровым (Чупров, 2008: 450-451): способности к восприятию и преемственности социального опыта (непрерывность связи изменяющегося прошлого и актуального опыта, обеспечивающей целостность самой реальности), инновации (реализация потенциала изменений) и трансляции (трансмиссия воспринятого и измененного опыта следующим поколениям, закрепление его в смысловых и поведенческих структурах). Реализуя эти функции, молодежь конструирует и переконструирует социальные и социокультурные условия своей жизнедеятельности, изменяясь под их влиянием (Чупров, 2017). В этой диалектике одновременно выражается и «претензия» субъекта на коррекцию доступного ему и лишь «частично» готового к переменам социального мира и как «заявка» на личностные перемены (готовность к самоизменению») (Резник, 2008: 111).

Как относительно самостоятельная социально-демографическая группа, молодежь рассматривается в качестве самораз-

вивающегося субъекта изменения реальности. Однако, как часть общества, связанная с ним множеством социальных и культурных нитей, она включена в более общий поток изменений. Поэтому в рефлексии изменений необходимо исходить из того, что молодежь является субъектом, находящимся «на границе «внутреннего» и «внешнего» аспектов социальных изменений». Внутренний аспект связан с процессом взросления и статусной переходностью, социальными и социально-психологическими изменениями, их сопровождающими, то внешний – обусловлен изменениями средовыми. Во-первых, это глобальные изменения, охватывающие группы стран и целые континенты, связанные с резким сломом реальности – глобальные экономические кризисы, масштабные природные катаклизмы, эпидемии и войны; во-вторых, трансформационные процессы внутри конкретных обществ, обусловленные эндогенными и экзогенными факторами, но локализующиеся в рамках национальных границ, или отдельных групп. Это означает, что «в социальном мире, где пересекаются линии поведения многих субъектов … приходится играть по «чужим», зачастую навязанным правилам, лавируя между группами интересов» (Резник, 2008: 111). Во всех случаях изменяющаяся реальность, прежде всего, становится пространством неопределенности и риска, в котором теряющие позицию контроля над действиями других и их последствиями молодые люди вынуждены осуществлять функцию достраивания – «латания дыр», образовавшихся в их собственной реальности. Поскольку неопределенность характеризуется деформацией всех привычных структур, включая смысловые, и сопровождается ощущением утраты социальной стабильности и устойчивости не только социальных связей, социального статуса и социальной роли, но и в целом, утрату образа реальности как совокупности ее смысловых значений (Зубок, 2007; Зубок, Чупров, 2008; Зубок, 2008; Зубок, Чупров, Шаповалова, 2016), то речь

скорее идет о реконструировании распавшейся реальности, придании новых смыслов объективно изменившимся объектам, или своим собственным ожиданиям от взаимодействия с ними. Любая попытка выстраивания новой реальности сопряжена с риском, который проявляется в средовой и деятельностной форме – как характеристика условий жизнедеятельности в ситуации *перехода* от определённости к неопределённости и наоборот, и как сама деятельность в этих условиях. Чем выше неопределенность, тем выше будет и риск.

Отражаясь в сознании молодых людей в виде вынужденного опыта взаимодействия с рискогенной средой, или собственного выбора в пользу «открытой реальности» – изменчивости, спонтанности и риска как установки и основы жизненной стратегии, неопределенность становится значимым фактором социальных и культурных-изменений, в том числе самих социальных механизмов их регуляции и саморегуляции. Поскольку средовая неопределенность и риск – это ситуативные характеристики жизнедеятельности, то изменение образов реальности под их влиянием также будет ситуативным. Чего нельзя однозначно сказать о предрасположенности к стабильности, или изменчивости, определяемой габитуальными установками. Они имеют более сложную природу и связаны с социально-фиксированными установками (аттитюдами) опасности и безопасности в диспозиционной структуре личности. Это делает их более устойчивыми. В соответствии с типом риска – средовым, или деятельностным, а также со степенью их выраженности характер социальной реальности будет изменяться.

Значимым ситуативными факторами изменения реальности практически всегда будут региональные и поселенческие различия. Их специфика связана как с материальными условиями среды обитания, так и с социокультурными, определяющими самосознание молодых жителей разных регионов страны и территориальных образований - урбанизированных центров – с одной

стороны и небольших городов, поселков городского типа и сел – с другой. Материальные условия жизни, включая низкие доходы, инфраструктурную неразвитость, отсутствие доступных каналов социальной мобильности, заброшенность и бессобытийность большинства территорий, усиленные последствиями пандемии и санкций, противостоит небольшому числу экономически развитых территорий, в основном, крупных городов с их современной средой обитания и развитой структурой возможностей, а значит, и большей привлекательностью для молодежи. Соответственно, различается социальный и культурный контекст, а с ним и смысловое пространство реальности. Базовые культурные смыслы в таких условиях будут претерпевать изменения, преимущественно, с учетом рационализации средств достижения тех, или иных целей.

Ключевыми факторами изменения реальности стали пандемия и санкции, вызванные сначала вхождением Крыма в состав РФ, а затем и специальной военной операцией на Украине. Поскольку оба эти события, хотя и по-разному сопровождались ростом неопределенности, то их влияние также выразится в изменении смыслов и представлений о реальности, преимущественно молодежи крупных городов и мегаполисов, ориентированной на современные смыслы глобальной культуры и потребления.

Однако необходимо учитывать, что социальная реальность «пластична» лишь в ограниченном виде и у нее существуют собственные пределы изменения – своего рода «твёрдые» зоны, которые не поддаются целинаправленным воздействиям людей, а, напротив, остаются незыблемыми на протяжении длительного периода времени. Мы изменяем социальный мир лишь в той мере, в какой он сам способен к изменению, допуская нас тем самым к участию в программах совместной деятельности, которые мы сами не всегда выбираем, а вынуждены зачастую принимать их как свершившийся факт» (Резник, 2008: 110).

Эмпирическое исследование изменяющейся социальной реальности в молодеж-

ной среде может быть реализовано на основе нескольких принципов. Во-первых, путем классического межгенерационного анализа, т.е. сравнения смысловых и деятельностных характеристик «отцов и детей» (Чупров, Зубок, Романович, 2011; Чупров, Зубок, Романович, 2014), во-вторых, путем сравнения смысловых проекций на объекты реальности разных поколений молодежи; в-третьих, – внутригенерационного анализа как сравнения между собой компонентов образа реальности, присущего разным группам молодежи в пределах одного поколения.

Одним из продуктивных способов анализа является способ реконструкции событий с известным результатом. Его преимущество, на наш взгляд, в том, что на основе знания о последующих событиях возможно не только воссоздавать прошлую реальность, но и проследить логику ее изменений. При таком подходе появляется возможность обоснованно видеть причинно-следственные связи, когда анализ взаимодействия прошлого опыта с изменяющейся реальностью выявляет факторы перехода явления в другое состояние, например, в связи с только что начавшимся кризисом. Тогда последующие исследования отразят динамику и вектор ее изменения на этапе посткризиса. Принципы ретроспекции были применены В. И. Чупровым в работе, посвященной событиям на Украине, написанной в соавторстве с В. В. Михеевой (Чупров, Михеева, 2014) и неоднократно использовались в наших работах, в частности при анализе доверия в саморегуляции изменяющейся реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2019).

Заключение (Conclusions). Формирование социальной реальности – развернутый во времени последовательно реализуемый процесс ее конструирования, состоящий из взаимосвязанных этапов. На каждом этапе по-своему взаимодействуют объективные и субъективные компоненты реальности: объективное в образной форме отражается в сознании индивидов и групп,

а субъективное – объективируется, опривычивается, приобретает устойчивые институциональные формы и становится ориентиром в саморегуляции жизнедеятельности; наследуемые традиционные представления взаимодействуют с современными, обусловленными изменяющимся опытом взаимодействия молодежи с новыми социальными реалиями; глубинные культурные компоненты воплощаются в социальных практиках, или встречают сопротивление в силу изменившегося опыта; воспринимаемые как само собой разумеющиеся смыслы и ценности проходят через фильтр рефлексирующего сознания, соотносящего их с современными условиями и воспроизводятся молодым поколением в изменившихся обстоятельствах, или изменяются под влиянием обстоятельств.

Исследование формирования реальности в интерсубъективных взаимодействиях дает возможность проследить не только изменение индивидуальных представлений молодых людей, но и их превращение в коллективные представления, обретающие статус реальности. Соответственно, изучая социальные условия и жизненные ситуации разных групп молодежи, обусловленные их включенностью в определенные социальные структуры и опытом взаимодействия с ними, можно увидеть связь представлений о реальности с социальными позициями, занимаемыми людьми в этих структурах. А, анализируя связь образов реальности с базовыми компонентами культуры (осознаваемыми и бессознательными, традиционными и современными, инновационными и адаптационными), проследить линию их воспроизведения и изменения.

В механизме формирования и изменения реальности задействованы те же элементы, что и в механизме саморегуляции – институциональные, социокультурные, самоорганизационные. Проявляется в этом процессе и целенаправленное формирование смыслов реальности через систему воспитания, и саморегуляция самой молодежи,

движимая в разной мере осознанным смысловым выбором и неосознаваемыми установками.

Дальнейшее углубление теоретических концепций исследования этих процессов и их эмпирическая апробация является актуальным направлением в развитии социологии молодежи.

Список литературы

Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 140 с.

Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд. Иностранной литературы. 1961. 896 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // М. Вебер. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 495-547.

Гречко П. К. Социальное: диспозиционно-коммуникативная перспектива исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 114-134.

Грицанов А. А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1 (2). социальная реальность: концепции и методология исследований / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 133-148.

Диманс С., Левичева В. Люди и нормы: институты VS неформальные практики // Институт «Справедливый мир». М.: Ключ, 2018. 302 с.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

Зубок Ю. А. Неопределенность социальная // Социология молодежи. Энциклопедический словарь. [Сост. Ю.А. Зубок и др.]. М.: Academia, 2008. 606 с.

Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Юридическое издательство «Норма», 2020. 304 с.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 139-150. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>.

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива. 2008. 204 с.

Илле М. Е. Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований. М., 2016, С. 27-32.

Ключарёв Г. А. Интернет-образование и будущее просветительского проекта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 2. С. 45-58.

Клейненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 370 с.

Ковалев В. В. Аксиологические стереотипы как фактор устойчивости российского общества: автореферат дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 39 с.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Наука, 1984. 226 с.

Луков В. А., Павлов А. В. Конструирование человека в свете тезаурусной концепции молодежи // Горизонты гуманитарного знания. 2015. № 4. С. 81-93.

Луков В. А. Тезаурусный подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 247-252. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.23.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Мир. 1979. 152 с.

Новая философская энциклопедия / Инт философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. 736 с.

Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.

Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Том II. Выпуск 1 (2). Социальная реальность:

концепции и методологии исследований / Под ред. Ю. М. Резника. М.: Институт философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. С. 88-111.

Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю. А. Зубок (отв. ред.), В. И. Чупров, И. С. Шаповалова и др. Белгород: Эпикентр, 2016. 208 с.

Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71-77.

Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпикентр, 2021. 500 с.

Соколов М. М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. № 31 (1). М., 2019. С. 71-91.

Сорокин О. В. (а) Смысловые компоненты отношения к Родине в культурном пространстве молодёжи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3 (284). С. 110-121. DOI: <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>.

Сорокин О. В. (б) Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи через призму тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 145-158. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11>.

Сорокин О. В. Смысловые отклонения в молодежной среде: опыт социологического исследования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 116-128.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Тощенко Ж. Т. Смысл как качественная характеристика жизненного мира // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 9-18.

Флиер А. Я., Полетаева М. А. Происхождение и развитие культуры. М.: МГУКИ, 2008. 271 с.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.06 / Чанкова Елена Вадимовна; [Место защиты: Ин-т соц.-полит. исслед. РАН]. М., 2018. 45 с.

Чупров В. И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 1994.

Чупров В. И. (а) Социально-воспроизводственное направление в исследованиях молодёжи // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 450-451.

Чупров В. И. (б) Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретико-методологические особенности исследования молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.

Чупров В. И. (с) Концепция социального развития // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 451-454.

Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизведения / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. М.: Юридическое издательство «Норма», 2014. 352 с.

Чупров В. И., Михеева В. В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности: почему нет мира на Украине? М.: НОРМА-ИНФРА, 2015. 160 с.

Чупров В. И. Механизм саморегуляции социокультурного воспроизведения в молодежной среде в изменяющемся обществе // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», Москва, 15-16 марта 2017 года / Ответственный редактор А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 98-100.

Чупров В. И. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович; Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. М.: Юридическое издательство «Норма», 2019. 208 с.

Шрейдер Ю. А. Смысл // Новая философская энциклопедия. URL: <https://goo.su/Tl4z8> (дата обращения 02.08.2022).

Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. М., 1996. 416 с.

Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 526-541.

Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 74-89.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 135.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture, 2011. Vol. 2. № 1. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

References

Auzan, A. A. (2022), *Kul'turnye kody ekonomiki. Kak cennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyanie naroda* [Cultural Codes of the Economy. How Values Influence Competition, Democracy and People's Welfare], AST, Moscow, Russia, 140. (In Russian)

Bauman, Z. (2008), *Tekuchaya sovremenost'* [Current modernity], Peter, Saint-Petersburg, Russia, 240. (In Russian)

Becker, G., Boskov, A. (1961), *Sovremennaya sociologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii* [Modern Sociological Theory in its Continuity and Change], Foreign Literature Publishers, Moscow, Russia, 896. (In Russian)

Berger, P., Luckman, T. (1995), *Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znanija* [Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge], Medium, Moscow, Russia, 323. (In Russian)

Weber M. (1990), “On Some Categories of Understanding Sociology”, in Weber M. *Selected Works*, Progress, Moscow, Russia, 495-547. (In Russian)

Grechko, P. K. (2008), “The Social: A Dispositional and Communicative Perspective of Research”, *Issues of Social Theory*, II (1), 114-134.

Gritsanov, A. A. (2008), “Social Reality: Understanding the Basic Paradigms”, *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyi almanak*, II, Social Reality: Concepts and Research Methodology, Moscow, Institute of Philosophy RAS, Interdisciplinary Society of Social Theory, 133-148. (In Russian)

Dimans, S., Levicheva, V. (2018), “People and norms: institutions vs informal practices”, *Just World Institute*, Key, Moscow, Russia, 302. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2008), *Social Uncertainty, Sociology of Youth*, Encyclopedic Dictionary, Academia, Moscow, Russia, 606. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2007), *Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovaniya molodezhi* [The Phenomenon of Risk in Sociology. Experience of Researching Youth], Mysl, Moscow, Russia, 288. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2020), *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity], Law Publishing House Norma, Moscow, Russia, 304. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chankova, E. V. (2019), "Communicative competence of personality in the space of virtual reality", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 139-150, DOI <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12>. (In Russian)

Zubok, Y. A., Yakovuk, T. I. (2008), *Duhovnaya zhizn' molodezhi v transformiruyushchemya obshchestve* [Spiritual life of youth in a transforming society], Alternative, Brest, Belorussiya, 204. (In Russian)

Ille, M. E. (2016), "Participation of residents of the "cultural capital" in the cultural life of St. Petersburg", "Telescope", *Journal of Sociological and Marketing Research*, Moscow, 27-32. (In Russian)

Klyucharev, G. A. (2014), "Internet-education and the future of the educational project", *Sociological Science and Social Practice*, (2), 45-58. (In Russian)

Kleinenberg, E. (2014), *ZHizn' solo. Novaya social'naya real'nost'* [Living Solo. The new social reality], Alpina non-fiction, Moscow, Russia, 370. (In Russian)

Kovalev, V. V. (2009), "Axiological stereotypes as a factor of sustainability of the Russian society", Abstract Doctor of Sociology dissertation, Rostov-on-Don, Russia, 39. (In Russian)

Lomov, B. F. (1984), *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology], Nauka, Moscow, Russia, 226. (In Russian)

Lukov Val. A., Pavlov A. V. (2015), "The construction of man in the light of the thesaurus concept of youth", *Horizons of Humanitarian Knowledge*, (4), 81-93. (In Russian)

Lukov, V. A. (2018), "The thesaurus approach", *Znanie. Understanding. Skill*, 3, 247-252, DOI <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.23>. (In Russian)

Minsky, M. (1979), *Frejmy dlya predstavleniya znanij* [Frames for knowledge representation], World, Moscow, Russia, 152. (In Russian)

New Philosophical Encyclopedia (2010), Institute of Philosophy RAS; National Society. -scient. fund; chairman of the Scientific and Editorial Council V. S., Stepin, deputy chairmen, in A. A., Guseynov, G. Yu., Semigin, accountant. Secret. A. P., Ogurtsov. 2nd ed., Rev. and add (ed), Thought, Moscow, Russia, 736. (In Russian)

Pre-cariat: the formation of a new class: (collective monograph) (2020), in J. T. Toshchenko (ed), Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia, 400. (In Russian)

Reznik, Y. M. (2008), "The concept of "social" in contemporary philosophy and science", *Voprosy Social Theory: Scientific Almanac. Social Reality: Concepts and Research Methodologies*, II, (1), 88-111. (In Russian)

The Risks of a Transforming Environment: A Research and Management Problem (2016), in Y. A., Zubok (ed.), V. I., Chuprov, I. S., Shapovalova et al., Epicenter, Belgorod, Russia, 208. (In Russian)

Seliverstova, N. A. (2020), "Imitation of educational practices in higher education", *Sociological Studies*, (3), 71-77. (In Russian)

Samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'nye praktiki [Self-regulation of youth life: methodology and social practices], Epicentr LLP, Belgorod, Russia, 500. (In Russian)

Sokolov, M. M. (2019), "Generations instead of classes? Age and consumer revolution in Russia", *Sociology of Power*, (1), 71-91. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 a), "The semantic components of the attitude toward the homeland in the cultural space of the youth", *Bulletin of Adygei State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*, (3), 110-121, DOI <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121>. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 b), "Rejected meanings in interpersonal communications of youth through the prism of the thesaurus approach", *Knowledge. Understanding. Skill*, (3), 145-158, DOI <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.11>. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2020), "Meaningful deviations in the youth environment: the experience of sociological research", *Znanie. Understanding. Skill*, (4), 116-128. (In Russian)

Sorokin, P. A. (2000), *Social'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Large Systems of Art,

Truth, Ethics, Law and Social Relations], RCHI, Saint-Petersburg, Russia, 1054. (*In Russian*)

Toshchenko, J. T. (2016), “Meaning as a Qualitative Characteristic of the World of Life”, *Bulletin of Russian State University of Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art History*, (2), 9-18. (*In Russian*)

Flier, A. Y., Poletaeva, M. A. (2008), *Proiskhozhdenie i razvitiye kul'tury* [Origins and Development of Culture], Moscow State University of humanities, Moscow, Russia, 271. (*In Russian*)

Chankova, E. V. (2016), “Communicative competence of a person under the conditions of changing social reality”, abstract of D. Sc. dissertation, Institute of Social and Political Studies of RAS, Moscow, Russia, 45. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (1994), *Social'noe razvitiye molodezhi: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Social Development of Youth: Theoretical and Applied Problems], Moscow, Russia. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2008 a), “Socio-productive direction in youth research”, *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 450-451. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2008 b), *Social'naya reguljaciya v usloviyah neopredelennosti. Teoretiko-metodologicheskie osobennosti issledovaniya molodezhi* [Social Regulation in Conditions of Uncertainty. Theoretical and methodological peculiarities of the research on youth], Academia, Moscow, Russia, 272. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2008 c), “Concept of Social Development”, *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 451-454. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2014), *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya i vospriyvoda* [Attitudes to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Yuridicheskoe izdatel'stvo Norma, Moscow, Russia, 352. (*In Russian*)

Chuprov, V. I., Mikheeva, V. V. (2015), *Doverie v samoregulyacii social'nyh vzaimodejstvij v usloviyah neopredelennosti: pochemu net mira na Ukraine?* [Trust in the Self-Regulation of Social Interactions in Conditions of Uncertainty: Why No Peace in Ukraine?], NORMA-INFRA, Moscow, Russia, 160. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2017), “Mechanism of self-regulation of sociocultural reproduction in the youth environment in a changing society”, *Proceedings of the VII International Sociological Grushin Conference “Towards the Future.*

Forecasting in Sociological Research”, VCIOM, Moscow, Russia, 98-100. (*In Russian*)

Chuprov, V. I. (2019), *Doverie v samoregulyacii izmenayushcheysha social'noj real'nosti* [Trust in self-regulation of changing social reality], Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Studies, legal publishing house Norma, Moscow, Russia, 208. (*In Russian*)

Schrader, Y. A. “Meaning”, *New Philosophical Encyclopedia* [Online], available at: <https://goo.su/Tl4z8> (Accessed 02 August 2022). (*In Russian*)

Sztompka, P. (1996) *Sociologiya social'nyh izmenenij* [The sociology of social change], Moscow, Russia, 416. (*In Russian*)

Schütz, A. (1994), “The Formation of Concepts and Theory in Social Sciences”, *American Sociological Thought*, Moscow, Russia, 526-541. (*In Russian*)

Schütz, A. (2009), “Some Structures of the World of Life”, *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2 (1), 74-89. (*In Russian*)

Schütz, A. (1988), “The Structure of Everyday Thinking”, *Sociological Studies*, (2), 135.

Hofstede, G. (2011), *Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context* [Online], Online Readings in Psychology and Culture, 2 (1), DOI <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2022 г. Поступила после доработки 31 августа 2022 г. Принята к печати 05 сентября 2022 г.

Received 29 August 2022. Revised 31 August 2022. Accepted 05 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва Россия.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Center for Youth Sociology of Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

¹Селиверстова Н. А. ²Чанкова Е. В. **Социокультурное воспроизведение коммуникативных
компетенций в молодёжной среде**

¹⁾Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
nas0311@ya.ru

²⁾Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Стремянный переулок, дом 36, Москва, 117997, Россия
chev3@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций в молодёжной среде обусловлена как динамичными изменениями в коммуникативной сфере, так и тотальной включенностью молодёжи в этот процесс. В статье рассматриваются данные инициативного эмпирического исследования молодёжи (октябрь 2021 – март 2022 гг.). Использован метод онлайн-опроса (Google Forms). Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения. Объем выборки – 2492 респондентов. Возраст респондентов – от 15 до 29 лет включительно. В качестве методологической базы исследования применена концепция саморегуляции жизнедеятельности молодёжи В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок. Представлен анализ связей гендера и габитуальных установок (на коллективизм и индивидуализм; бескорыстие и расчётливость), и смыслов общения (терминальных – радость, счастье; удовольствие; внутренняя потребность; и инструментальных – долг вежливости; вынужденная необходимость; полезные связи) в социокультурном воспроизведении коммуникативных компетенций молодёжью. На основе многомерного анализа названных показателей авторы делают следующие выводы. Молодёжь в проявлении коммуникативных умений в полной мере реализует воспроизводственную функцию. Гендерная специфика, как правило, проявляется в воспроизведении преимущественно «мужских» («настаивать на своём») и традиционно «женских» умений «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», гендерная солидарность – в воспроизведении «универсальных» компетенций типа «слушать и стараться понять других». Дифференциация молодёжи внутри гендерных групп в связи с габитусами и смыслами общения является эмпирическим подтверждением того, что воспроизведение коммуникативных компетенций регулируется бессознательными и осознанными элементами социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности данной группы. Среди габитусов большей дифференцирующей способностью обладают установки, восходящие к традиционной культуре, среди смыслов общения – инструментальные значения, которые соотносят с современной культурой. Социокультурное воспроизведение через смыслы общения обнаруживает парадокс, не свойственный другим сферам жизнедеятельности молодёжи: в коммуникативном пространстве носители инструментальных смыслов менее оснащены коммуникативными умениями, чем носители терминальных смыслов.

Ключевые слова: молодёжь; социокультурное воспроизведение; коммуникативные компетенции; социокультурный механизм саморегуляции; габитусы; смыслы; гендер

Информация для цитирования: Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В. Социокультурное воспроизведение коммуникативных компетенций в молодёжной среде // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 31-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3.

Research article

¹Nina A. Seliverstova

²Elena V. Chankova

Socio-cultural reproduction of communicative competencies**in young people**

¹⁾Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS)
119333, bld. 6, Fotieva St., Moscow, Russia
nas0311@ya.ru

²⁾Plekhanov Russian University of Economics
117997, bld. 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russia
chev3@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic of socio-cultural reproduction of communicative competencies among youth is high due to both the dynamic changes in this sphere and the total involvement of young people in communication processes. The article discusses the data of empirical study collected in the period of October 2021 – March 2022. An online survey method (Google Forms) was used. Sample type – quota, representation is provided by gender, age and type of the settlement. The sample size is 2492 respondents. The age of the respondents is from 15 to 29 years old. The concept of self-regulation of youth life activity by V. I. Chuprov and Yu. A. Zubok is implemented as methodological basis. An analysis of the conjugations of gender and habitual attitudes (to collectivism and individualism; disinterestedness and prudence), and the meanings of communication (terminal – joy, happiness; pleasure; internal need; and instrumental – duty of politeness; forced necessity; useful connections) in the socio-cultural reproduction of communicative competencies by young people is presented. Based on a multivariate analysis of these indicators, the authors draw the following conclusions. Young people fully realize the reproductive function in communicative skills. Gender, as a rule, manifests itself in the reproduction of predominantly “male” (“to insist on one’s own) and traditionally “female” skills “to sympathize, emotionally empathize with others”, gender solidarity – in the reproduction of “universal” competencies such as “listen and try to understand others”. The differentiation of young people within gender groups in connection with the habits and meanings of communication empirically confirms that the reproduction of communicative competencies is regulated by unconscious and conscious elements of the socio-cultural mechanism of self-regulation. The habitual attitudes that go back to traditional culture have a greater differentiating effect, on reproduction of communicative competence of youth. Among all of the meanings of communication that young people create – instrumental meanings correlated with modern culture are stronger. Sociocultural repro-

duction through the meanings of communication reveals a paradox that is not characteristic of other spheres of youth life: in the communicative space, the carriers of instrumental meanings are less equipped with communicative skills than the carriers of terminal ones.

Keywords: youth; sociocultural reproduction; communicative competencies; socio-cultural mechanism of self-regulation; habits; meanings; gender

Information for citation: Seliverstova, N. A., Chankova, E. V. (2022), "Socio-cultural reproduction of communicative competencies in young people", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 31-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3.

Введение (Introduction). Основной интерес исследователей к молодёжи обусловлен её статусом субъекта общественного воспроизведения. Сложность, многослойность процессов общественного воспроизведения коррелирует с многообразием используемых методологических подходов в его изучении и многоаспектностью исследуемой проблемы участия молодёжи в воспроизведстве. В отечественной социологии теоретическое осмысление данной проблемы было осуществлено группой социологов под руководством В. И. Чупрова (Чупров, 2008 б). Концепция социального развития молодёжи включает анализ общественного воспроизведения через процессы социального и духовного воспроизведения, регулируемые обществом их составляющие и саморегуляцию жизнедеятельности. В этом контексте выделяются основные функции молодёжи: «1) воспроизводственная, в соответствии с которой осуществляется преемственность социального опыта; 2) инновационная, обеспечивающая его обновление; 3) трансляционная, связанная с передачей обновленного опыта последующим поколениям» (Чупров, 2008 а: 450).

На эмпирическом уровне воспроизведение молодёжью социально-профессиональной структуры исследуется в контексте прогнозируемых регресса или прогресса общественного развития, а также «обострения противоречия между поколениями» (Горшков, Шереги, 2019: 40). В данной логике результатом становится воспроизведение политico-идеологической структуры общества (Горшков, Шереги, 2010).

Ключевым направлением анализа процессов общественного воспроизведения

является выявление их факторов, способов и механизмов. Основным фактором готовности молодёжи к социальному взаимодействию со старшим поколением выступает интенсивность родственных отношений, что является косвенным показателем предрасположенности к воспроизведству. Неоднозначность как самого процесса воспроизведения, так и его результатов обеспечивают такие свойства сознания молодёжи как несогласованность и конфликтность (Козырева, Смирнов, 2021). Аналогичный результат получили и социологи детства, исследовавшие группу молодёжи от 18 до 21 г. По их данным, фактором социокультурного воспроизведения традиционных практик (чтение книг, занятия в кружках, посещение библиотек, театров и т.д.) является социализация в полной городской семье со средним доходом и конструированием детства по укоренившимся моделям событийности (Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова, 2021). Что касается современных социальных практик, сложившихся на основе цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности, то молодёжь, формируя эти практики и реализуя инновационную функцию, вероятно, будет транслировать их своим детям, но на данном этапе общественного развития она транслирует их старшим поколениям (там же).

До сих пор исследования воспроизведения социальных отношений не затрагивали такой аспект как возобновление коммуникативных умений. Проблема коммуникаций преимущественно рассматривается через коммуникативную компетентность личности (Зубок, Чанкова, 2019 б; Чанкова, 2021; Чанкова, Сорокин, 2021), в

том числе в виртуальной реальности (Зубок, Чанкова, 2019 а), что обеспечивает целостный субъектный подход, но оставляет за границами анализа воспроизведение коммуникативных умений молодёжью.

Актуальность исследования обусловлена как общественной потребностью не только в преемственности, но и обновлении коммуникативного опыта, так и тотальной включенностью молодёжи в процессы коммуникации. Анализ социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций актуализируется фактом их институционального регулирования, включением в образовательные программы высшего образования ФГОС ВО З+++. Коммуникативные компетенции, представляя так называемые «мягкие навыки» (soft skills), в эпоху Интернета становятся частью умений профессионала. Безусловно, образование на всех уровнях развивает коммуникативные умения учащихся, но они также детерминированы средой сверстников, особенно в виртуальной реальности и, наконец, являются элементом культурного капитала семьи, обеспечивая степень успешности обучения (Бурдье, Пассрон, 2007). В рамках статьи мы фокусируемся на анализе воспроизведения вербальных и невербальных коммуникативных компетенций, позволяющих успешно осуществлять коммуникацию не только в сфере образования, профессиональной деятельности, но и в повседневных неформальных взаимодействиях.

Методология и методы (Methodology and methods). Методологическим основанием анализа социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций является концепция саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, разработанная В. И. Чупровым и Ю. А. Зубок (Чупров, Зубок, Романович, 2014; Чупров, 2017; Чупров, 2018). Для исследования социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций в молодёжной среде ин-

струментальное значение имеют следующие положения названной концепции. Направленность и характер социальных взаимодействий молодёжи определяет социокультурный механизм саморегуляции, включающий комплекс неосознаваемых элементов или коллективного и индивидуального бессознательного (архетипы, менталитет, стереотипы, габитусы), и потенциально осознанных компонентов (потребности, интересы, ценности, смыслы). Эмпирически подтверждено, что главным регулятором жизнедеятельности молодёжи выступают смыслы (Зубок, Чупров, 2018; Зубок, Чупров, 2019), но социокультурное воспроизведение на индивидуально-групповом уровне, в первую очередь, обеспечивают элементы индивидуального и коллективного бессознательного (Чупров, 2017). Однако столь высокая значимость смыслов служит основанием для включения данных регуляторов в анализ социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций в качестве эксперимента. Как подчёркивал В. И. Чупров, по сравнению с воспроизведением социальных свойств «воспроизведение социокультурных характеристик носит более сложный характер»¹. Нам представляется, что эта сложность возникает, с одной стороны, из-за неоднозначности множественных связей элементов социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности между собой, с другой – неоднозначность взаимосвязей усиливается влиянием ситуационных факторов, определяющих специфику конкретного этапа общественного развития.

В концепции саморегуляции жизнедеятельности молодёжи социокультурное воспроизведение на макроуровне рассматривается через культурную динамику общества. Изначальное привлечение методологии П. Сорокина аргументировано обусловленностью поведения индивида принадлежностью к определенному типу куль-

¹ Стенограмма заседания секции 4 «Будущее уже рядом - I. Исследования молодежи и детей как способ заглянуть в будущее общества». VII международная социологическая

Грушинская конференция. 15-16 марта 2017 г. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=1676> (дата обращения 29.04.2022).

туры. По П. Сорокину реально существующие культуры представляют собой смешение в разной степени 2-х культурных типов: идеационального и чувственного (Сорокин, 2000: 45). Идеациональный тип культуры преимущественно связан с приоритетом духовных потребностей и ценностей, чувственный – физических, а также подчинением окружающей среды до уровня инструмента комфорта. На основе методологического подхода П. Сорокина эмпирически выявлены базовые основания культурного пространства молодёжи с учётом её социально-групповых различий: «инновационная культура, культура физического развития и культура моральной аномии» (Чупров, 2018: 19). Соотношение гедонистического, адаптационного и духовного типов культуры различается в разных подгруппах молодёжи. На основе культурных типов возникает образы «мы» и «они», образы значимых сфер жизнедеятельности.

Социализация, взаимодействия в семье, образовательных организациях и трудовых коллективах, общение со сверстниками обеспечивают конвертацию базовых культурных оснований образов в массовом и индивидуальном сознании в потребности, интересы и ценности. Как подчёркивал В. И. Чупров, «тем самым достигается единство обеих форм (бессознательного и осознанного) в процессе саморегуляции, которое реализуется в изменяющемся обществе как противоречие между традиционными культурными образцами, воспроизводимыми в бессознательном и современными, представляющими результат трансформаций, произошедших в сознании поколения в ходе эволюции исторического процесса» (Чупров, 2017: 99).

Заявленный предмет анализа определил необходимость обозначения основных признаков социальной коммуникации, а также дифференциации понятий «коммуникативная компетенция» и «коммуникативная компетентность». Ключевым признаками социальной коммуникации, задающими характер умений в структуре коммуникативных компетенций, являются

направленность на понимание другого, диалогичность, выделенные Т. М. Дридзе (Адамьянц, 2020), и интерпретационность, описанная Ч. Осгудом и У. Шраммом (Серегин, 2021). Это подразумевает, что компетентным является обмен смыслами в диалоге (Адамьянц, 2020), а их интерпретация обеспечивается как традиционными значениями, закрепленными в культуре, так и индивидуально-групповыми смыслами, которые молодёжь придаёт объектам социальной реальности.

Под коммуникативной компетенцией понимается «умение и готовность на соответствующем уровне справляться с кругом задач» (Жуков, 2003: 16), которые выступают элементами коммуникативной компетентности как субъектной характеристики личности. Коммуникативные компетенции складываются в процессе социального взаимодействия, в первую очередь, на основе ценностей и норм. Данный факт позволяет рассмотреть возобновление, повторение коммуникативных компетенций молодёжью как процесс социокультурного воспроизведения.

Цель статьи – анализ социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций молодёжью через габитусы, смыслы общения с учётом гендерной специфики. Гендерный аспект анализа необходим в связи с различием опыта интеракций молодых мужчин и женщин. Кроме того, потенциальная дифференциация внутри гендерных групп позволит более точно определить действие элементов социокультурного механизма воспроизведения коммуникативных компетенций. Под габитусом в традиции П. Бурдье понимаются устойчивые «предрасположенности», «готовности» к действию, тем не менее обладающие свойством к медленным изменениям. Смыслы рассматриваются как значения, сущность социального явления, определяемые субъектом деятельности на основе социокультурного опыта.

Эмпирическую базу составили данные инициативного исследования, проведенного в октябре 2021 – марте 2022 гг. под

руководством Ю. А. Зубок и Е. В. Чанковой. Возраст респондентов – от 15 до 29 лет включительно. Использован метод онлайн-опроса (Google Forms). Объем выборки – 2492 респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны квоты по полу, возрасту и типу поселения, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Регионы: Москва, Московская область; Вологда, Вологодская область; Орел, Орловская область; Краснодар и Краснодарский край; Республика Крым; Пенза, Пензенская область; Барнаул, Алтайский край; Ростов на Дону, Ростовская область; Ставрополь и Ставропольский край; Новосибирск и Новосибирская область; Казань и Республика Татарстан.

Статистическая обработка эмпирических результатов проведена в программе SPSS Statistics 21 с использованием многомерного анализа (двумерных и трехмерных распределений данных).

Научные результаты и дискуссия (Research Results). Прежде рассмотрим в гендерном аспекте габитуальные установки молодёжи. Установка на коллективизм не дифференцирует молодёжь по гендеру («присущ в большой степени» 54,5% мужчин и 52,7% женщин, «в малой степени» – соответственно 38,9% и 42,1%, «не присущ» – 6,6% и 5,2%). Гендерные различия наблюдаются в предрасположенности к индивидуализму: он «присущ в большой степени» женщинам (67,5%), чем мужчинам (60%), «в малой степени» – соответственно 30,9% и 36,4%, «не присущ» – 1,6% и 3,6%. Среди женщин также больше доля с установкой на бескорыстие, присущей в большой степени, чем среди мужчин (соответственно 61,7% и 54,2%), но меньше женщин со слабо выраженным габитусом, по сравнению с мужчинами (32,3% и 37,8%). Напротив, среди мужчин больше доля, выражено предрасположенных к расчётивости, нежели среди женщин (соответственно 57,4% и 47,2%). Слабую готовность к расчётивости проявили 42,6% женщин и 37,4% мужчин. Каждая десятая из опрошенных женщин отрицает наличие у себя

установки на расчётивость, среди мужчин таких 5,2%.

Данные многомерного анализа, учитывающие гендерную принадлежность, степень наличия габитуса или его отсутствие и проявление конкретного коммуникативного умения респондентами отражают довольно сложную, неоднозначную картину социокультурного воспроизведения. Рассмотрим сопряженности в связи с установками на коллективизм и индивидуализм. Специфика социокультурного воспроизведения большинства измеренных коммуникативных умений заключается в незначительных гендерных различиях в случае наличия габитуса на коллективизм или индивидуализм (в вариантах «присущ в большой степени», «присущ в малой степени»), а вот отсутствие габитуальной установки ведёт к внутригрупповой дифференциации (от 6-7% до 35%). Итак, данную специфику в той или иной мере отражает проявление следующих коммуникативных умений: «слушать и стараться понять других», «относиться терпимо к чужим взглядам», «разделять взгляды других людей», «участвовать в совместных делах», «проявлять вежливость по отношению к другим», «аргументировать свою позицию», «сохранять добрые отношения», «требовать исполнения договоренностей».

Наиболее выраженные внутригрупповые различия демонстрируют сопряженности между гендером, установкой на коллективизм и воспроизведением коммуникативного умения «участвовать в совместных делах» (Таблица 1). Так, среди мужчин, кому коллективизм «присущ в большой степени» высокую степень воспроизведения демонстрируют 94,5% респондентов, снижение установки («присущ в малой степени») ведёт к уменьшению доли проявляющих названное качество (82,4%), отрицание предрасположенности к коллективизму коррелирует со значительным уменьшением доли (59,4%), и соответственно с увеличением доли респондентов, характеризующихся низкой степенью воспроизведения (29,7%) и отрицающих проявление умения (10,9%).

Таблица 1

Связь гендерной принадлежности, габитуальных установок на колLECTИВИЗМ и индивидуализм, и коммуникативного умения «участвовать в совместных делах», %

Table 1

Relationship of gender, habitual attitudes towards collectivism and individualism, and communicative ability to “participate in joint activities”, %

Пол /gender	Габитус / Habitus	Степень выраженности габитуса / The degree of severity of habitus	Коммуникативное умение / Communication skill			Габитус/ Habitus	Коммуникативное умение / Communication skill		
			«Участвовать в совместных делах» /“Participate in joint activities”				«Участвовать в совместных делах» / “Participate in joint activities”		
Женский / female	Мужской / male	Коллективизм / collectivism	Высокая степень воспроизведения / High reproduction degree	Низкая степень воспроизведения / Low reproduction degree	Отрицание воспроизведения / Denial of reproduction	Индивидуализм / individualism	Высокая степень воспроизведения / High reproduction degree	Низкая степень воспроизведения / Low reproduction degree	Отрицание воспроизведения / Denial of reproduction
			присущ в большой степени / inherent to a large extent	94,5	5,1	0,4	88,6	10,4	1,0
			присущ в малой степени / inherent to a small extent	82,4	16,8	0,8	87,4	11,5	1,1
			не присущ / is not inherent	59,4	29,7	10,9	71,4	22,9	5,7
			присущ в большой степени/ inherent to a large extent	92,7	7,3		88,6	11,2	0,2
			присущ в малой степени / inherent to a small extent	82,4	17,1	0,5	83,8	15,8	0,4
			не присущ / is not inherent	63,3	35,4	1,3	76,0	24,0	

Здесь и далее столбец «высокая степень воспроизведения» включает сумму ответов респондентов «всегда» и «часто», «низкая степень воспроизведения» – «редко», «отрицание воспроизведения» – «никогда» на вопрос «Насколько Вы проявляете в общении следующие умения?

Аналогичная тенденция обнаружена и в группе женщин. Среди мужчин, ориентированных на индивидуализм, степень наличия габитуальной установки не дифференцирует группу (88,6% и 87,4%), а отсутствие габитуса также ведет к снижению доли респондентов с «высокой степенью воспроизведения» (71,4%) и значительной доле с «низкой степенью воспроизведения» (22,9%). В группе женщин, склонных к индивидуализму, проявилась тенденция к связи степени наличия габитуальной установки и высокой степени воспроизведения, соответственно 88,6%, 83,8% и в случае отсутствия предрасположенности – 76%, т.е. менее значимые внутригрупповые различия. Но среди женщин, отрицающих свою предрасположенность к индивидуализму – значимая доля респондентов с низкой степенью воспроизведения (24%).

Описанные связи характерны для воспроизведения коммуникативного умения «относиться терпимо к чужим взглядам» через габитуальную установку на колlettivism. Габитус индивидуализма в варианте «присущ в большой степени» обнаруживает тенденцию к выделению мужчин с высокой степенью воспроизведения (93,2%), и их унификации в вариантах «присущ в малой степени» и «не присущ» (соответственно 88,4% и 88,6%). А женщин наличие габитуальной установки на индивидуализм или её отсутствие вовсе не дифференцирует (соответственно 95%, 93,3%, 92%).

Безусловно, гендерная или внутригрупповая дифференциация/ унификация коррелируют не только с конкретным габитусом, но и с определённым коммуникативным умением, его характером, направленностью на свои интересы или потребности других участников социального взаимодействия. В этом контексте выделенные группы унифицирует коммуникативное умение «слушать и стараться понять других». Среди мужчин и женщин вне зависимости от габитуальной установки на колlettivism или индивидуализм и практически степени её наличия проявилась «высокая степень к воспроизведству» (от 95% до

99%), а различия между ними и теми, кому «не присущ» тот или иной габитус колеблются от 6% до 10%.

И напротив заметные гендерные различия обеспечивают габитусы (степень их наличия, их отсутствие) и следующие умения: «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «настаивать на своём», «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается», «проявлять вежливость по отношению к другим». Рассмотрим данные подробнее. Среди «коллективистов» с установкой «присуща в большой степени» воспроизведение в высокой степени «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» практически в равной степени свойственно мужчинам и женщинам (соответственно 94,3% и 96,2%). Различия зафиксированы по варианту «присущ в малой степени», женщины проявляют данную черту в большей доле (93,1%), чем мужчины (84,5%). Более значительные различия обнаружены по варианту «не присущ», высокая степень воспроизведения характерна для 84,8% женщин и 62,5% мужчин. Среди мужчин-«индивидуалистов» проявилась тенденция к снижению доли респондентов с «высокой степенью воспроизведения» в равной степени по вариантам «присущ в большой степени» (89,6%) и «присущ в малой степени» (87,3%) по сравнению с женщинами (соответственно 95,1% и 93,6%). Гендерные различия в «высокой степени воспроизведения» между теми, кому индивидуализм не присущ незначительны (мужчины – 80%, женщины – 76%).

Сопряженности между габитуальными установками на колlettivism/индивидуализм и коммуникативным умением «настаивать на своём» свидетельствуют о том, что (1) оно воспроизводится большинством или абсолютным большинством, но не имеет такого тотального распространения как, например, «слушать и стараться понять других», (2) это в большей степени «мужское» качество, нежели «женское». Так, среди респондентов с установкой на «колlettivism» в варианте «присущ в

большой степени» высокая степень воспроизведения характерна для 83,3% мужчин и 73,3% женщин, в варианте «присущ в малой степени» наблюдается гендерное сходство (соответственно 75% мужчин и 73,4% женщин). Более значительные гендерные различия в «высокой степени воспроизведения» между теми, кому не присуща предрасположенность к коллективизму (79,7% мужчин и 60,8% женщин). Среди «индивидуалистов» гендерные различия наблюдаются по варианту «присущ в большой степени» (83,1% – мужчины и 76,7% – женщины), и по варианту «присущ в малой степени» (соответственно 75,2% и 64,1%). Между теми, кому не присущ индивидуализм, гендерных различий практически нет (соответственно 71,4% и 68%).

Анализ многомерных распределений данных по гендеру, габитуальным установкам на бескорыстие и расчёtlivostь, коммуникативным умениям, с одной стороны, усилил картину неоднозначности в процессе социокультурного воспроизведения, с другой – позволил сделать следующий вывод. Габитусы, генетически восходящие к традиционной культуре, более определенно дифференцируют молодёжь, имеющую предрасположенность к проявлению конкретного коммуникативного умения и не имеющего её. Подобные различия среди разделяющих/ не разделяющих «бескорыстие» колеблются в пределах 6-21%, среди разделяющих/ не разделяющих расчёtlivostь – 5-13%.

Как и в предыдущем случае, гендерные различия наблюдаются в воспроизведении таких умений как «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «настаивать на своём», «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается». «Сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», как уже отмечалось, более женское качество. Гендерные различия в воспроизведении этого умения проявились среди тех, кому бескорыстие «присуще в малой степени» (мужчины – 84,3%, женщины 91,8%) и «не присуще» (соответственно 73,1% и 83,5%). Среди тех, кто ориентирован на

расчёtlivostь в варианте «присуща в большой степени», высокую степень воспроизведения проявляют 94,7% женщин и 89,8% мужчин, в варианте «присуща в малой степени» – соответственно 94,1% и 86,1%. Умение «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается», также в большей доле проявляют женщины. Среди женщин, ориентированных на бескорыстие, но «в малой степени» – 91,4%, среди мужчин – 84,9%, аналогичная тенденция гендерных различий и по габитусу «расчёtlivostь». Что касается установок в варианте «присуще в большой степени», то в обоих случаях проявляется гендерная солидарность в высокой степени воспроизведения (от 92 до 96,6%). «Настаивать на своем» в большей степени свойственно мужчинам, чем женщинам. Среди тех, кто проявил установку на бескорыстие в варианте «присуще в большой степени», соответственно 80,7% и 73,9%, аналогичные различия и по варианту «присуще в малой степени». Среди тех, кто ориентирован на расчёtlivostь в варианте «присуща в малой степени», в высокой степени воспроизведения это умение проявляют 77,3% мужчин и 69,7% женщин.

В процессе анализа социокультурного воспроизведения через габитуальные установки на бескорыстие и расчёtlivostь обнаружен крайне интересный гендерный феномен. В проявлениях следующих коммуникативных умений женщинами габитус расчёtlivosti «не работает», нет связи между его наличием в какой-либо степени или отсутствием и воспроизведением. Это «слушать и стараться понять других», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «оказывать помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается», «проявлять вежливость по отношению к другим», «признавать свою неправоту, извиняться», «аргументировать свою позицию», «идти на компромисс», «сохранять добрые отношения». Попытка найти этому феномену объяснение в типе саморегуляции, включающей расчёtlivostь, к сожалению, результата не дала (Саморегуляция жизнедеятельности молодежи, 2021). Среди женщин,

ориентированных на бескорыстие, как тенденция к проявлению незначительной внутригрупповой дифференциации, зафиксирована по умению «аргументировать свою позицию». Среди мужчин с габитуальной установкой на расчёты несколько другая внутригрупповая дифференциация в воспроизведстве ряда умений: они практически не различаются по наличию/отсутствию габитуса, их выделяет, как правило, меньшим значением, вариант «присуща в малой степени». Это такие черты как «относится терпимо к чужим взглядам», «разделять взгляды других людей», «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим».

В целом, по результатам проведенного анализа, мы делаем следующие выводы: (1) наличие габитуальных установок, как правило, в большей степени обеспечивает воспроизведение коммуникативных умений, чем их отсутствие, что подтверждает их действие как элементов механизма в воспроизведстве коммуникативных компетенций, (2) габитусы колLECTивизма и бескорыстия, восходящие к традиционной культуре, обладают преимущественным потенциалом к дифференциации внутри гендерных групп по сравнению с габитусами индивидуализма и расчётивости – современными установками, характерными для молодого поколения, (3) в отдельных случаях сопряженности между измеренными габитуальными установками

и проявлением молодёжью коммуникативных умений свидетельствуют о стирании грани между противоположными габитусами (коллективизм/ индивидуализм, бескорыстие/расчёливость) как регуляторами процесса социокультурного воспроизведения.

Продолжим анализ социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций, обратившись к смыслам общения как осознанным регуляторам. Заметим, что в обществе социальной неопределенности саморегуляция жизнедеятельности молодёжи во многих сферах детерминирована поиском средств её преодоления. Однако коммуникативное пространство российской молодёжи составляет исключение, большинство респондентов придают общению терминалные смыслы (Зубок, Чанкова, 2022). Этот подтверждается и новыми данными, приведенными ниже.

Анализ сопряженности между гендерной принадлежностью и смыслами общения подтвердил доминирование терминалных значений в обеих группах, но среди женщин, доля придающих эти смыслы коммуникации больше (84,0 %), нежели среди мужчин (75,2%) (Таблица 2). Соответственно, среди разделяющих инструментальные смыслы общения больше мужчин (24,8%), чем женщин (16,1%).

Таблица 2

Связь гендерной принадлежности и смыслов общения, %

Table 2

Relation of gender identity and meanings of communication, %

Пол/ Gender	Долг вежливо- сти / Duty of courtesy	Вынужденная необходи- мость / Forced necessity	Полезные связи / Useful links	Инструмен- тальные / In- strumental	Радость, сча- стье/ Joy, hap- piness	Удовольствие / Pleasure	Внутренняя потребность/ Internal need	Терминал- ные / Terminal
Муж- ской/ Male	4,0	5,7	15,1	24,8	27,5	25,3	22,4	75,2
Жен- ский / Female	3,1	4,1	8,9	16,1	34,2	21,2	28,6	84,0

Наиболее однородно в совокупности эмпирических распределений выглядит воспроизведение коммуникативной компетенции «слушать и стараться понять других». В целом данное умение характеризуется высокой степенью воспроизведения (от 91% до 98,5%) и отсутствием гендерных различий, но обнаружилась тенденция к внутригрупповой дифференциации среди наделяющих общение инструментальными смыслами «вынужденная необходимость» и «полезные связи» (среди мужчин соответственно 91,0% и 96,6%, среди женщин 91,8% и 97,0%). В группе ориентированных на терминальные смыслы общения внутригрупповая дифференциация отсутствует.

Иная ситуация с воспроизведением коммуникативной компетенции «настаивать на своем». Заметны тенденции к снижению её воспроизведения в высокой степени по корреляциям с конкретными смыслами от 59,5% до 87,0% и, соответственно, к повышению низкой степени воспроизведения – от 12,7% до 31,9% (Табл. 3). В группе наделяющих общение терминальными смыслами выделяются большей долей респонденты, придающие коммуникации смысл «радость, счастье», и демонстрирующие гендерные различия (среди мужчин – 87,0%, среди женщин – 81,6%). А такие смыслы как «внутренняя потребность» и «удовольствие» унифицируют молодёжь по гендеру в проявлении названного умения и, таким образом, ослабляют его статус «мужской» компетенции. Значительные гендерные различия зафиксированы в связи с конкретными инструментальными смыслами по показателю «высокая степень воспроизведения». Представим их в порядке убывания: в сопряженности со смыслом «вынужденная необходимость» – 85,7% мужчин и 69,5% женщин, со смыслом «долг вежливости» – соответственно 71,8% и 59,5%, со смыслом – «полезные связи» – соответственно 85,9% и 79,2%. Эти же данные показывают и дифференциацию

внутри гендерных групп. Для социальной жизни респондентов умение «настаивать на своем» имеет более низкую значимость, чем умение «слушать и понимать другого», респонденты продемонстрировали ориентацию в большей степени на солидарность и согласие, чем на продвижение своей позиции.

В целом по описанному типу воспроизводятся и такие коммуникативные компетенции, как «требовать исполнения договоренностей», «проявлять вежливость по отношению к другим», «оказывать помочь и поддержку тем, кто в этом нуждается» «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим», «участвовать в совместных делах», «разделять взгляды других людей», разумеется, с разницей в величинах показателя «высокая степень воспроизведения» и некоторыми особенностями в сопряженности с конкретными смыслами. Так, высокая степень воспроизведения умения «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» характерна для 89,9% мужчин и 95,3% женщин, разделяющих смысл общения «удовольствие», для 67,9% мужчин и 83,8% женщин, наделяющих общение смыслом «вынужденная необходимость», для 82% мужчин и 87,2% женщин – носителей смысла «долг вежливости» и для 82,3% женщин и 92,6% мужчин, придающих общению смысл «полезные связи». Приведенные данные отражают характерную специфику для носителей инструментальных смыслов: наиболее выраженная внутригрупповая дифференциация возникает между придающими общению смыслы «вынужденная необходимость» и «полезные связи». Другой важной особенностью является то, что наиболее выраженные корреляции зафиксированы между терминальным смыслом «радость, счастье» и умением «сочувствовать, эмоционально сопереживать другим» (мужчины – 94,8%, женщины – 96,5%).

Таблица 3
Связь гендерной принадлежности, смыслов общения и умения «Настаивать на своем»
Table 3
Relationship of gender, communication meanings, and the ability to “Stand your ground”

Пол / Gender	Смыслы общения / Meanings of communication	Коммуникативное умение «Настаивать на своем» / Communication skill “Insist on”		
		Высокая степень воспроизведения / High reproduction degree	Низкая степень воспроизведения / Low reproduction degree	Отрицание воспроизведения / Denial of reproduction
Инструментальные / Instrumental				
Муж-ской/ Male	Вынужденная необходимость / Forced necessity	85,7	12,5	1,8
Женский / Female		69,3	27,4	3,2
Муж-ской/ Male	Долг вежливости / Duty of courtesy	71,8	23,1	5,1
Женский / Female		59,5	31,9	8,5
Муж-ской/ Male	Полезные связи / Useful links	85,9	18,0	0,0
Женский / Female		79,2	20,7	0,0
Терминальные / Terminal				
Муж-ской/ Male	Радость, счастье / Joy happiness	87,0	12,7	0,4
Женский / Female		81,6	28,0	0,4
Муж-ской/ Male	Внутренняя потребность / Internal need	74,0	26,0	0,0
Женский / Female		73,7	26,1	0,2
Муж-ской/ Male	Удовольствие / Pleasure	74,8	24,0	1,2
Женский / Female		72,9	27,1	0,0

В сопряженностях гендера, терминальных смыслов общения и таких коммуникативных компетенций как «сохранять добрые отношения», «идти на компромисс», «аргументировать свою позицию», «признавать свою неправоту, извиняться» по позиции «высокая степень воспроизведения» нет ни гендерных различий, ни дифференциации внутри гендерных групп. Что касается сопряженностей инструментальных смыслов с этими умениями, то во всех случаях к гендерным различиям ведет смысл общения «вынужденная необходимость», особенностью является то, что женщины в больших долях проявляют компетенции в высокой степени воспроизведения по сравнению с мужчинами (например, в проявлении «аргументировать свою позицию» доля женщин составила 91,9%, мужчин соответственно – 84,0%). Другой особенностью является то, что дифференциация возникает внутри группы мужчин и образуется она между носителями смыслов «вынужденная необходимость» и «полезные связи» (умение «идти на компромисс» в высокой степени воспроизведения проявили соответственно 73,3% и 91,0%).

Проведенный анализ показал, что носители терминальных смыслов определяют более высокий уровень проявления компетенций (величина высокой степени воспроизведения умения колеблется от 84,4% до 98,5%), чем носители инструментальных смыслов (величина высокой степени воспроизведения умения колеблется от 59,5% до 96,3%).

Заключение (Conclusions). Молодёжь в проявлении коммуникативных умений в полной мере реализует воспроизводственную функцию. Гендерная специфика, как правило, проявляется в воспроизведстве преимущественно «мужских» («наставивать на своём») и традиционно «женских» умений («сочувствовать, эмоционально сопереживать другим»), гендерная солидарность – в воспроизведстве «универсальных» компетенций типа «слушать и стараться понять других». Дифференциация молодёжи внутри гендерных групп в связи

с габитусами и смыслами общения является эмпирическим подтверждением того, что воспроизведение коммуникативных компетенций регулируется бессознательными и осознанными элементами социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности данной группы. Если среди габитусов большей дифференцирующей способностью обладают установки, восходящие к традиционной культуре, то в случае со смыслами общения именно инструментальные значения, которые принято соотносить с современной культурой, преимущественно обеспечивают гендерные и внутригрупповые различия.

Воспроизведение женщинами значительной части коммуникативных умений «универсального» и «женского» типов вне связи с габитусами современной культуры гипотетически может свидетельствовать о приоритете гендера над габитусами, либо о специфике габитусов, но эти предположения требуют проверки.

Терминальные смыслы общения обнаруживают тенденцию к максимальному воспроизведству коммуникативных умений по сравнению с инструментальными смыслами. Воспроизведение коммуникативных компетенций, отражающих идею группового образа жизни, солидарности в высокой степени, указывают на укорененность в молодежной среде опоры на традиционные ценности в отрефлексированном варианте – в виде смыслов общения. Коммуникативные умения, направленные на защиту собственных интересов, воспроизводятся большинством и абсолютным большинством представителей гендерных групп, но в меньшей доле, чем компетенции, отражающие идею солидарности. Социокультурное воспроизведение через смыслы общения обнаруживает парадокс, не свойственный другим сферам жизнедеятельности молодёжи: в коммуникативном пространстве носители инструментальных смыслов менее оснащены коммуникативными умениями как средствами успешного, результативного взаимодействия, чем носители терминальных смыслов. Высокая

степень воспроизведения коммуникативных умений носителями терминальных смыслов общения «радость, счастье» и «удовольствие» соотносится с распространением в молодёжной среде гедонистического, адаптационного и духовного типов культуры, что в свою очередь открывает перспективы исследования социокультурного воспроизведения коммуникативных компетенций на макроуровне.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Современная наука о социальной коммуникации: социологический аспект // «Социология и общество: тренды и инновации в социальном развитии регионов». Сборник докладов на VI Всероссийском социологическом конгрессе 14-16 октября 2020 г. Тюмень, 2020. С. 1810-1815.

Бурдье П., Пассрон Ж-К. Воспроизведение: элементы теории системы образования / [пер. Н. А. Шматко]. Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М.: Просвещение, 2007. 267 с.

Горшков М. К., Шереги, Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis): [монография] / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги; ФНИСЦ РАН. Электрон. текст. дан. (объем 7,5 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555 (дата обращения: 05.08.2022).

Жуков Ю. М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003. 223 с.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. а Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 139-150.

Зубок, Ю. А., Чанкова, Е. В. б Социокультурная саморегуляция коммуникативной компетентности в молодежной среде: особенности проявления // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики:

Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва-Ялта, 19-20 апреля 2019 года / Под общей редакцией Т.К. Ростовской. Москва-Ялта: ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. С. 122-124.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1 (61). С. 18-30.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3-13.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164-186.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С., Сорокин О. В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23-36.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Социологические исследования. 2021. № 11 С. 49-60.

Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А, Губанова А. Ю Социокультурное воспроизведение поколения через событийность детства // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 5. С. 452-466.

Серегин А. А. Проблемы современной социальной коммуникации: философский аспект // Манускрипт. 2021. № 14 (9). С. 1887-1891.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности как социальный феномен // Вестник Южно-Российского государственного технического университета

(НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 1. С. 85-93.

Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 10-25.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизведения. М.: Юридическое издательство «Норма», 2014. 352 с.

Чупров В. И. (а) Социально-воспроизводственное направление в исследованиях молодёжи // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 450-451.

Чупров В. И. (б) Концепция социального развития // Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 451-454.

Чупров В. И. Механизм саморегуляции социокультурного воспроизведения в молодежной среде в изменяющемся обществе // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», Москва, 15-16 марта 2017 года / Ответственный редактор А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 98-100.

Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13-25.

References

Adamyants, T. Z. (2020), “Modern Science of Social Communication: A Sociological Aspect”, *Sociology and Society: Trends and Innovations in Social Development of Regions. Collection of reports at the VI All-Russian Sociological Congress, October 14-16, 2020*, Tyumen, Russia, 1810-1815. (In Russian)

Bourdieu, P., Passron, J-K. (2007), *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya*

[Reproduction: elements of education system theory], Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Prosveshcheniye, Moscow, Russia. (In Russian)

Gorshko, M. K., Sheregi, F. E. (2010), *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret* [Youth of Russia: A Sociological Portrait], Central Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2019), *Rossijskaya molodezh' v kontekste sociologicheskogo analiza* [Russian youth within the context of sociological analysis], [Electronic], FNISC RAS, Moscow, Russia, available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555 (Accessed 5 August 2022). (In Russian)

Zhukov, Y. M. (2003), *Kommunikativnyj trening* [Communicative training], Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chankova, E. V. (2019 a), “Communicative competence of personality in the space of virtual reality”, *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 139-150. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chankova, E. V. (2019 b), “Socio-cultural self-regulation of communicative competence in youth environment: peculiarities of manifestation”, *Cultural space of youth: meanings and practices: Materials of All-Russian scientific and practical conference*, Moscow-Yalta, 19-20 April 2019, Publishing and Trading House PERSPEKTIVA LLC, Moscow-Yalta, Russia, 122-124. (In Russian)

Zubok Y. A., Chankova E. V. (2022), “Dynamics of values of communication in the communicative space of youth”, *Izvestiya vysokikh izuchennykh obrazovaniye. Povolzhskiy region. Social Sciences*, (1), 18-30. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chuprov, V. I. (2018), “Meaningful values in the cultural space of the Russian youth”, *Research Result. Sociology and Management*, 4 (3), 3-13. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chuprov, V. I. (2019), “Self-regulation of sense-life values in the cultural space of youth”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10 (4), 164-186. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chuprova, V. I., Lyubutov, A. S. and Sorokin, O. V. (2021), "Self-regulation of Youth: Structural and Taxonomic Modeling", *Sociological Studies*, (10), 23-36. (In Russian)

Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2021), "Interaction of generations in contemporary Russia: evolution of convergence", *Sociological Studies*, (11), 49-60. (In Russian)

Mayorova-Shcheglova, S. N., Kolosova, E. A., Gubanova, A. Yu. (2021), "Socio-cultural reproduction of a generation through the eventfulness of childhood", *Observatory of Culture*, 18 (5), 452-466. (In Russian)

Seregin, A. A. (2021), "Problems of modern social communication: a philosophical aspect", *Manuscript*, 4 (9), 1887-1891. (In Russian)

Sorokin, P. A. (2000), *Social'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij* [Social and Cultural Dynamics: A Study of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social], RCHI. St. Petersburg, Russia, 1054. (In Russian)

Chankova, E. V. (2021), "Communicative competence of a personality as a social phenomenon", *Bulletin of South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences*, 14 (1), 85-93. (In Russian)

Chankova, E. V., Sorokin, O. V. (2021), "Communicative competence of Russians", *Research Result. Sociology and Management*, 7 (2), 10-25. (In Russian)

Chuprova, V. I., Zubok, Yu. A. and Romanovich N. A. (2014), *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitudes to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Norma, Moscow, Russia, 352. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2008 a), "Socio-productive direction in youth studies", *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 450-451. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2008 b), "The Concept of Social Development", *Sociology of Youth*, Academia, Moscow, Russia, 451-454. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2017), "The mechanism of self-regulation of sociocultural reproduction in the youth environment in a changing society", *Proceedings of the VII International Sociological Grushin Conference "Towards the Future. Forecasting in Sociological Research"*, Moscow, March 15-16, 2017, VCIOM, Moscow, Russia, 98-100. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2018), "Self-regulation of youth life activity in cultural space: the concept of socio-cultural mechanism", *Humanitarian of the South of Russia*, 7 (4), 13-25. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 августа 2022 г. Поступила после доработки 24 августа 2022 г. Принята к печати 05 сентября 2022 г.

Received 15 August 2022. Revised 24 August 2022. Accepted 05 September 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИЦ РАН, Москва, Россия.

Nina Anatolevna Seliverstova, Dr. Sci (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Чанкова Елена Вадимовна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Elena Vadimovna Chankova, Dr. Sci (Sociology), Associate Professor, Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Селезнева А. В.

**Политическая мораль современной российской молодежи:
ценности, представления, установки**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, дом 1, Москва, 119991, Россия;
Челябинский государственный университет
улица Братьев Кашириных, дом 129, Челябинск, 454001, Россия
ntonina@mail.ru

Аннотация. В современной социогуманитарной науке наблюдается определенный дефицит исследований моральных приоритетов молодых российских граждан как регуляторов их жизнедеятельности в государстве и обществе. Представленное в статье исследование было нацелено на выявление политических ценностей, этических представлений и установок молодежи, которыми она руководствуется при оценке сферы политики и в своих взаимоотношениях с государством и иными политическими субъектами. Теоретико-методологической основой исследования выступил политико-психологический подход, в рамках которого ценности, представления и установки рассматриваются с психологических позиций в структуре морального и политического сознания. Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийского анкетного опроса и фокус-групповых дискуссий с молодежью, проведенных в 2020-21 гг. Результаты исследования показывают, что молодежь считает моральные ценности и нормы мерилом политических отношений, хотя и довольно относительным. Она предъявляет к политическим деятелям моральные требования искренности, честности, работы на благо граждан, заботы об общественных интересах. Молодежь оставляет политикам право на ошибку, готова простить политикам многие ошибки, за исключением тех, которые связаны с угрозой жизни и здоровью людей и имеют тяжелые последствия. Самими аморальными действиями в политике молодые люди считают коррупцию, войны и насилие, нарушение законов и прав граждан. Смыслообразующие основания моральной оценки молодежью сферы политики составляют политические ценности свободы, прав человека, справедливости, безопасности, самореализации. Представления молодежи о долге дифференцированы: она признает за собой долг человека, но отвергает долг гражданина. Молодые люди не готовы брать на себя ответственность за других, а порой и за себя тоже. Ответственность за обеспечение общественных благ и удовлетворение своих потребностей они возлагают на государство. В этом проявляются традиционные для нашей политической культуры патерналистские установки. Политическая мораль молодежи носит противоречивый, а зачастую и релятивистский характер.

Ключевые слова: молодежь; политическая мораль; этика; политические ценности; представления; установки; справедливость; патернализм; ответственность

Информация для цитирования: Селезнева А. В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный

результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47-60.
DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4.

Research article

Antonina V. Selezneva

Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes

Lomonosov Moscow State University
bld. 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia;
Chelyabinsk State University
454001, bld. 129 Brothers Kashirin St., Chelyabinsk, Russia
antonina@mail.ru

Abstract. In modern socio-humanitarian science, there is a certain lack of research on the moral priorities of young Russian citizens as regulators of their life in the state and society. The study presented in the article was aimed at identifying the political values, ethical representations and attitudes of young people that guide them in assessing the sphere of politics and in their relationships with the state and other political actors. The theoretical and methodological basis of the study was the political-psychological approach, in which values, ideas and attitudes are considered from psychological positions in the structure of moral and political consciousness. The empirical basis of the study was the materials of the All-Russian questionnaire survey and focus group discussions with young people conducted in 2020-21. The results of the study show that young people consider moral values and norms to be a measure of political relations, albeit a rather relative one. It imposes on politicians the moral demands of sincerity, honesty, work for the benefit of citizens, concern for the public interest. Young people leave politicians the right to make mistakes, they are ready to forgive politicians for many mistakes, except for those that are associated with a threat to life and health of people and have serious consequences. Young people consider corruption, wars and violence, violation of laws and rights of citizens to be immoral actions in politics themselves. The meaning-forming foundations of the moral assessment of the sphere of politics by young people are the political values of freedom, human rights, justice, security, self-realization. Young people's representations about duty are differentiated: they recognize the duty of a person, but reject the duty of a citizen. Young people are not ready to take responsibility for others, and sometimes for themselves too. They place the responsibility for providing public goods and satisfying their needs on the state. This reflects paternalistic attitudes, traditional for our political culture. The political morality of youth is contradictory and often relativistic.

Keywords: youth; political morality; ethics; political values; representations; attitudes; justice; paternalism; responsibility

Information for citation: Selezneva, A. V. (2022), "Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 47-60. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4.

Введение (Introduction). Современная российская молодежь в последние годы является объектом пристального внимания со стороны ученых-социогуманитариев. Это происходит, с одной стороны, в связи с

расширением и усложнением реальных практик участия молодежи в социально-политических процессах. Здесь мы имеем ввиду проекты Президентской платформы «Россия – страна возможностей», широкий

спектр программ и мероприятий государственной молодежной политики, волонтерскую деятельность и т.п. С другой стороны, в рамках самого социогуманитарного знания формируются устойчивые направления исследований молодежи и даже новые субдисциплины. В частности, наряду с традиционно существующей социологией молодежи (Зубок, Чупров, 2017), сегодня ученые обсуждают возможность появления политологии молодежи (Popova & Kazarinova, 2021). И поскольку «основу развития современных исследований молодежи составляет полипарадигмальность» (Зубок, Чупров, 2017: 20), вполне закономерным и перспективным представляется процесс формирования широкого междисциплинарного пространства изучения особенностей жизнедеятельности молодежи в государстве и обществе с доминированием социологического и политологического подходов.

За последние годы в рамках социологии молодежи накоплен большой опыт изучения мировоззренческих оснований саморегуляции молодежи (Чупров, 2017; Шаповалова, Кисленко, 2018; Саморегуляция в молодежной среде..., 2022) и ее жизненных стратегий, что «способствует углубленному пониманию смыслов, определяющих направленность ее жизнедеятельности» (Зубок, 2020: 35). Кроме того, проведено значительное количество исследований об отношении молодежи к политике, восприятии ею политических процессов, ее политических установках, ориентациях и настроениях (Kasamara, Sorokina, 2017; Самаркина и др., 2018; Попова, Лагутин, 2019; Петухов, 2020; Шашкова и др., 2021). Тем не менее, наблюдается определенный дефицит предметных теоретических разработок и осуществленных на их основе эмпирических исследований собственно политической морали, а конкретнее – моральных приоритетов молодых граждан как регуляторов их политической активности и поведения в социально-политической реальности.

Необходимо подчеркнуть, что этот аспект является крайне важным для анализа и

прогнозирования тенденций развития политических процессов, поскольку, как справедливо замечает А. А. Гусейнов, «легитимность политики как рода деятельности в принципиально большей мере, чем любого другого рода деятельности, держится на моральных аргументах» (Гусейнов, 2004: 94).

Применительно к современной молодежи не вполне проясненным пока остается вопрос о том, какими ценностями и этическими представлениями она руководствуется сегодня при оценке сферы политики и в своих взаимоотношениях с государством, властью, политическими институтами и лидерами. Попыткой частично заполнить данный пробел является проведенное нами исследование, некоторые результаты которого представлены в данной статье.

Мы поставили перед собой задачу выявить ценностно-смысловые основания политической морали российской молодежи, которые определяют ее политические приоритеты и регулируют ее поведение в сфере политики. В решении данной задачи мы пошли дедуктивным путем: сначала нам необходимо было посмотреть на молодежь в целом, представить общую картину, увидеть тенденции и обнаружить «тонкие» места с тем, чтобы впоследствии более детально исследовать частные вопросы, связанные с конкретными проблемными морально-политическими вопросами на уровне отдельных групп в ее структуре.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретико-методологическую основу исследования составляет политико-психологический подход, который позволяет рассматривать ценности, представления, установки в структуре морального и политического сознания молодежи с психологических позиций. Этот подход носит междисциплинарный характер, интегрирует концептуальные возможности и методический инструментарий социологии и психологии для изучения заявленной проблемы в предметном поле политической науки. В фокусе нашего внимания, во-первых, находятся политические ценности как

«устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» (Селезнева, 2019: 178). Поскольку речь идет о политике как сфере ценностного регламентирования и регулирования, мы концентрируемся именно на политических ценностях. Во-вторых, мы рассматриваем *этические представления* молодежи, в которых не только раскрывается содержание выраженных в абстрактных категориях ценностных понятий, но и отражается широкий спектр моральных вопросов, спроектированных на сферу политического. С психологической точки зрения этические представления являются разновидностью социальных представлений (Емельянова, 2016) с ярко выраженными эмоционально-оценочными аспектами. В-третьих, связующим звеном между сознанием и поведением личности являются *установки*, первоосновой которых с точки зрения психологии являются ценности (Вем, 1970). Установки связаны с оценкой специфических объектов (Feldman, 2003) и определяют поведение в обществе (Allport, 1924).

Разговор о молодежи невозможен без опоры на *социологический подход*, позволяющий рассматривать молодежь социальную группу и поколенческую общность в структуре российского социума, обладающую особыми (во многом переходными) социальным и политическим статусами и вытекающими из них особенностями социально-политических отношений. Мы применяем теоретико-методологические положения социологии молодежи, которые формируют научный фундамент для анализа различных аспектов жизнедеятельности

молодежи с учетом ее возрастных характеристик и социально-психологических свойств. В частности, для нас принципиально важным является понимание того, что регулирование жизнедеятельности молодежи может происходить как целенаправленно – путем влияния на нее внешних (прежде всего, институциональных) структур, так и принимать саморегулируемые формы. В первом случае речь идет о целево-ориентированных механизмах, которые «регулируют нравственные основания в поведении молодых людей, артикулируют императивные ценности, социальные кодексы, этику поведения» (Зубок и др., 2022: 11). Во втором – о механизмах саморегуляции, которые в молодежной среде имеют особое значение, поскольку «отражают процесс реализации молодыми людьми своей социальной субъектности, что значимо не только для обретения устойчивого социального положения, но и для подтверждения их самостоятельности и независимости» Зубок, 2020: 11). При этом обе группы механизмов тесно взаимосвязаны, и их комплексное влияние определяет жизнедеятельность молодежи в государстве и обществе.

Фундаментальную концептуальную рамку осмыслиения проблемы взаимодействия морального и политического в сознании молодежи формирует *политико-философский подход*, который определяет морально-нравственные принципы и нормы, регулирующие политические отношения, и позволяет обозначить основные этические категории, детерминирующие взаимодействие субъектов политических процессов (Гусейнов, 2002; Капустин, 2004).

Эмпирическую базу исследования составили данные анкетного опроса молодежи в возрасте 18-30 лет¹ ($n = 1705$) из 63

¹ В принятом в декабре 2020 года Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь определяется как «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно» (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», ст. 2). Официальное закрепление возраста молодежи в указанных границах обусловлено политико-управленческими

причинами, связанными с общей логикой государственной поддержки молодежи и формированием необходимых для нее условий для развития и самореализации. Однако, такое решение не вполне соотносится с научным пониманием социальных и психологических особенностей молодежи. Поэтому в определении верхней возрастной границы мы ориентировались на традиционное для социоло-

регионов РФ, представляющих все федеральные округа, который был проведен осенью 2020 года. Дизайн выборки учитывал не только традиционные половозрастные, образовательные и региональные характеристики респондентов, но их самоидентификацию по видам социально-политической активности: членов студенческих организаций (студсоюзы, студактивы, профсоюзы и т.д.) – 19,53%; членов политических организаций (молодежные отделения партий, общественно-политические движения и т.д.) – 3,28%; членов общественных организаций (волонтерских и пр.) – 11,44%; не участвующих ни в чем – 65,75%. Анкетный опрос был направлен на выявление моральных и политических ценностей, представлений и ориентаций молодежи и фиксацию их в количественных показателях.

Для получения детализированных данных о смысловом наполнении политических ценностей и этических представлений молодежи, их влиянии на моральную оценку политических процессов и действий политических субъектов в 2021 году были проведены 6 фокус-групповых дискуссий с молодежью в возрасте 18-30 лет из 15 регионов РФ, представляющих разные федеральные округа и типы субъектов Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Московская обл., Свердловская обл., Ростовская обл., Омская обл., Пермский край, Новосибирская обл., Приморский край, Иркутская обл., Тульская обл., Тверская обл., Тамбовская обл., Воронежская обл., Архангельская обл.). Кроме того, учитывая дифференцированный характер самой молодежи и современные особенности ее участия в социально-политической сфере, в процессе рекрутования участников учитывались такие факторы, как социальная активность (волонтеры, участники молодежных фору-

мов), общественно-политическая активность (члены молодежных общественно-политических организаций), политические взгляды (правластные и оппозиционные). Проведение фокус-групповых дискуссий осуществлялось на основе специально разработанного гайда с применением проектных методик для диагностики не всегда осознаваемых компонентов морального и политического сознания (вербальные фиксированные ассоциации и неоконченные предложения).

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Формат статьи, к сожалению, не позволяет представить результаты исследования в полном объеме. Поэтому мы остановимся на наиболее важных моментах, которые позволяют показать общую картину состояния политической морали российской молодежи.

Первый вопрос, который необходимо затронуть в контексте анализа морально-нравственных приоритетов молодежи и их роли в восприятии ею политических процессов, это вопрос о том, как в представлениях молодых людей соотносятся между собой мораль и политика. Результаты нашего исследования показывают, что, по мнению большей части молодежи, моральные нормы и принципы должны присутствовать в общественно-политических отношениях, варьируется лишь мера их регулятивного взаимодействия (см. Таблицу 1). В рамках фокус-групповых дискуссий была выявлена интересная особенность понимания молодыми рассматриваемой проблемы: они считают, что мораль присутствует в политике, только она другая – не общечеловеческая, а политическая: «*С точки зрения человеческой морали политика аморальна, но у государства и политиков есть своя собственная мораль, политическая*» (23 года, муж., Тамбов).

гии молодежи понимание и ограничились 30 годами. Выбор нижней возрастной границы обусловлен тем, что тематика исследования была связана с политикой, а полно-

ценное и полноправное включение молодых людей в политические процессы происходит только с наступлением совершеннолетия.

Таблица 1

Представления молодежи о соотношении политики и морали
(составлено автором на основании материалов исследования)

Table 1

Young people's representations of the relationship between politics and morality
(compiled by the author on the basis of research materials)

Как, на Ваш взгляд, соотносятся политика и мораль? / How do you think politics and morality are related?	%
Политика безнравственна, в ней невозможно руководствоваться моральными нормами / Politics is immoral, it is impossible to be guided by moral standards	13,72
Политика и мораль могут сочетаться: при соблюдении общих нравственных норм какие-то ситуации допускают отступление от них / Politics and morality can be combined: while observing general moral norms, some situations allow deviation from them	46,98
Морально-нравственные нормы должны быть главными регуляторами политических отношений / Moral norms should be the main regulators of political relations	30,73
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	8,56

Вторым важным вопросом в рассматриваемом контексте стал вопрос о том, как молодежь оценивает действия политиков с позиций морали. Было выявлено, что наиболее значимыми моральными качествами политиков для молодых людей являются искренность, честность, а также установки на приоритет общего над личным: «Я думаю, что хороший политик должен быть настолько же честен со своим народом, как хороший родитель со своим ребенком» (18 лет, жен., Екатеринбург); «Высокоморальный политик / чиновник ставит общественные интересы выше собственных интересов и амбиций» (25 лет, жен., Ростов).

Молодежь дает политикам определенное право на ошибки, поскольку всем людям свойственно их совершать. Исключение составляют действия, связанные с безопасностью граждан: «Если дело касается жизни и здоровья людей, политик не имеет права на ошибку» (25 лет, жен., Ростов). Молодые люди готовы прощать совершенные политиками ошибочные поступки, только если последние их признают: «Любую ошибку можно простить кому угодно. Если политик, который допустил ее, не

скрывает этого и не пытается замять проблему» (25 лет, муж., Екатеринбург).

Наиболее аморальными в политике молодые люди считают коррупционные действия. Объясняя свою позицию, наши респонденты акцентировали внимание не на социально-экономических и юридических аспектах коррупции, а именно на этических моментах, связанных с моральными качествами политиков, их честностью и ответственностью: «Коррупционер ставит свои интересы выше общественных, превышая должностные полномочия. Это аморально» (25 лет, жен., Ростов); «С точки зрения морали коррупция – это неправильно, потому что она происходит даже при условии, когда люди знают, к чему она ведет» (27 лет, муж., Санкт-Петербург).

Молодежь считает аморальными разного рода насилиственные действия. При этом, война, которая всегда сопровождается насилием, с точки зрения молодых людей, может быть оправдана в том случае, если она носит освободительный характер: «Моральное оправдание войны возможно в рамках патриотизма в условиях нападения на Родину. Невозможно представить себе

патриота, который отрицал бы моральное право защищать свою страну» (23 года, муж., Екатеринбург). Насилие со стороны государства в представлениях молодежи должно обязательно регулироваться законом: «Насилием может считаться лишение свободы, и на это имеет право только государство, в отношении людей, чья вина была доказана в суде» (27 лет., жен., Екатеринбург); «Насилие <...> может быть применено к людям, нарушившим закон» (25 лет., муж., Москва).

Молодые люди считают, что «нарушения права не могут быть оправданы из соображений морали» (23 года, муж., Архангельск). Поэтому еще одну группу действий в политике, которые молодежь считает аморальными, составляют нарушения

законов, Конституции, прав и свобод граждан, нарушения на выборах.

Немаловажную роль в оценке молодежью сферы политики с точки зрения ее морально-нравственных ориентаций, играют *представления о транспарентности политики*. Результаты исследования показывают, что у молодых людей существует запрос на открытость политических процессов, доступность информации о принимаемых политических решениях, хотя и с некоторыми оговорками (см. Таблицу 2). В этом, на наш взгляд, проявляется ключевые поколенческие моральные установки молодежи на искренность и честность (на языке самой молодежи – «трущность»), на открытое и свободное общение «на равных».

Таблица 2

Представления молодежи о транспарентности политики
(составлено автором на основании материалов исследования)

Table 2

Young people's representations of policy transparency
(compiled by the author based on research materials)

Как вы считаете, в какой мере политика должна быть прозрачной? / To what extent do you think the policy should be transparent?	%
Сфера политики должна быть полностью открытой, граждане должны знать обо всем, что в ней происходит / The sphere of politics should be completely open, citizens should know about everything that happens in it	50,32
Граждане должны знать о действиях власти и принимаемых политических решениях, но часть информации должна быть закрытой / Citizens should be aware of the actions of the authorities and political decisions, but some of the information should be confidential	42,42
Значительная часть деятельности власти должна быть скрыта от граждан / A significant part of the government's activities should be hidden from citizens	1,71
Сфера политики должна быть полностью закрытой от граждан / The sphere of politics should be completely closed from citizens	0,41
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	5,13

Смысловыми регуляторами отношения молодежи к политике являются *ценности* – как собственно моральные, так и политические. Применительно к рассматриваемым в статье вопросам важно отметить, что между этими группами ценностей сложно провести четкое разграничение. Исследователями установлено, что наиболее значимыми для молодежи ценностями, имею-

щими политическую проекцию, являются права человека, безопасность, свобода, справедливость (Mareeva, 2018; Gudkov, et all, 2020; Селезнева, Антонов, 2020).

Самой неоднозначной и содержательно нагруженной ценностью является *справедливость*, которая для наших граждан является «неким универсальным понятием, связывающим сферу публичной и частной

жизни» (Здравомыслова, 2003: 42). Сквозь призму справедливости молодежь как аморальные действия оценивает коррупцию, нарушения прав граждан вообще и меньшинств в частности и др. Ключевой акцент в понимании справедливости молодежь делает на равенство возможностей и равенство пе-

ред законом (Таблица 3), а социально-экономическое понимание – так называемая дистрибутивная справедливость (Bishop, Liu, Qu, 2013) – является менее значимым. При этом, важной является и морально-этическая трактовка справедливости в терминах истины / правды, которая традиционно свойственна русской культуре (Печерская, 2011).

Таблица 3

Представления молодежи о справедливости, два варианта ответа
(составлено автором на основании материалов исследования)

Table 3

Young people's representations of justice, two answer options
(compiled by the author based on research materials)

Варианты ответов / Answer options	%
Справедливость – это воздаяние за содеянное, наказание за совершенные деяния / Justice is retribution for deeds, punishment for committed deeds	17,77
Справедливость – это равные возможности для всех людей / Justice is equal opportunities for all people	46,22
Справедливость – это следование правде, честность, порядочность / Justice is following the truth, honesty, decency	20,18
Справедливость – это воздаяние по заслугам, награда за труды / Justice is a reward according to merit, a reward for labors	24,11
Справедливость – это пропорциональное распределение благ по труду или потребностям / Justice is the proportional distribution of goods according to work or needs	21,47
Справедливость – это равенство всех перед законом / Justice is the equality of all before the law	57,89

Особым образом в сознании современной молодежи репрезентируются традиционные *моральные категории* (честь, долг, ответственность). Понятие *чести* не свойственно молодежи, оно устарело. Понимание *долга* дифференцированно. Долг человека в представлениях молодежи – это обязательства перед собой, близкими и коллегами, он заключается в следовании моральным принципам. Долг гражданина – это обязательства перед государством, которые заключаются в соблюдении закрепленных законом прав и обязанностей. Долга перед государством молодые люди не чувствуют, потому что не чувствуют «долга государства перед своим населением» (25 лет, жен., Омск).

Ответственность, которая с точки зрения психологии опосредована ценностными ориентациями и проявляется в действиях (Леонтьев, 1993), сформирована у

современной молодежи довольно слабо. Изучая молодое поколение, исследователи отмечают у него «отсутствие стремления брать на себя ответственность» (Смирнов, 2019: 31), а «абсолютную неготовность к ответственности проявляют представители наиболее юной когорты молодежи» (Евгеньева, 2022: 87).

Если рассматривать ответственность в политико-идеологической плоскости, то можно увидеть некоторое противоречие между установкой на патернализм и установкой на автономию в сознании молодежи. Результаты нашего исследования показывают, что у молодежи достаточно сильны патерналистские ориентации: более половины наших респондентов перекладывают ответственность за обеспечение блага граждан на государство и власть (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Ориентации молодежи по ценностной оси «автономия – патернализм»
(составлено автором на основании материалов исследования)

Table 4

Orientations of young people along the value axis “autonomy – paternalism”
(compiled by the author based on research materials)

Кто, по Вашему мнению, несет ответственность за жизнь граждан и обеспечение их благ? / Who, in your opinion, is responsible for the lives of citizens and ensuring their benefits?	%
Сами люди, которые должны рассчитывать только на собственные силы / The people themselves, who should rely only on their own strength	37,60
Государство, власть, начальство, которые должны обеспечивать благо простых граждан / The state, power, authorities, which should ensure the welfare of ordinary citizens	54,19
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	8,21

Молодые люди предпочитают действовать на основе личной инициативы, но при этом не спешат «копираться на собственные силы» и возлагают ответственность за свою жизнь на государство. Молодежь всячески демонстрирует собственное Я, артикулирует значимость своих прав и свобод, хочет все решать и делать самостоятельно, эмоционально реагирует на любые посягательства на их личные границы. Но при этом ее субъектность¹ почти не выходит за рамки пространства повседневности, слабо распространяется на социально-политическую сферу. Позиция молодежи представляется инфантильно-потребительской с противоречивым пониманием и реализацией модуса долженствования («я должен» – «мне должны»).

Ответственность всегда связана с моральной оценкой и/или самооценкой (Абдоков, Бахитова, 2003). В связи с этим, выявленные нами безответственность молодежи или ответственность, носящая характер «вмененной» (Попова, 2021), очерчивают целый ряд сложных проблем. В настоящий момент мы не можем быть уверены, что в ситуации выбора у молодых людей моральные основания перевесят прагматические. Становится очень тревожно наблюдать, как разного рода деятельность

молодежи, не только политическая, но и даже волонтерская – благородная по сути своей, мотивированы сегодня в большей мере pragmatizmom и стремлением к карьерному росту.

Заключение (Conclusions). Отношение молодежи к политике осуществляется сквозь призму морали. Данное обстоятельство является, с одной стороны, отражением общего процесса морального кризиса в политике, проявлениями которого, по мнению исследователей, является «моральный износ» власти, то есть «латентное ослабление общественной поддержки правящего политического режима, невзирая на его видимую устойчивость и прежние достижения» (Шатилов, 2020: 10), и существующий в обществе «запрос на морально-политические ценности (в частности, на социальную справедливость)» (Шестопал, 2011: 45). С другой стороны, современная молодежь существенным образом отличается от более старших поколений. В ценностном плане это выражается во все большей значимости для нее постматериалистических ценностей свободы, прав человека, самовыражения и самореализации, актуализированных социальными и духовными потребностями (Селезнева, Антонов, 2020). На восприятие молодежью политики,

¹ Здесь мы исходим из того, что у личности с активной субъектной позицией доминирует ориентация на внутреннюю ответственность (Хазыкова, 2009).

оценку ею событий, явлений, процессов и действий конкретных политиков с позиций морали влияют ценности свободы, прав человека, справедливости, безопасности, самореализации.

Российской молодежи свойственны традиционно присущие отечественной политической культуре *патерналистские установки* (Евгеньева и др., 2021): субъектом реализации собственных ценностей, обеспечения условий для жизни и деятельности она «назначила» государство. Однако, нам представляется, что тут есть еще один важный момент, связанный с психологической спецификой молодого поколения. Несформированное чувство ответственности, нежелание брать на себя дополнительные обязательства за «других» (а порой и за себя тоже) компенсируется возложением этой ответственности на кого-то. Когда речь идет об обществе в целом, о благополучии и безопасности людей, о политическом развитии страны, этим «кем-то» в представлениях молодежи логичным образом становится государство.

Осмысление результатов исследования в контексте общих вопросов политической морали российской молодежи приводит нас к следующему выводу. Этические представления молодежи в смысловом отношении характеризуется эклектичностью и неопределенностью (и это в целом соотносится с общим состоянием политического сознания молодежи – фрагментарным и когнитивно бедным), что в совокупности с устареванием и обесцениванием основополагающих этических категорий долга и ответственности определяет *противоречивый, а зачастую даже релятивистский характер политической морали*. Одни и те же политические действия, которые с точки зрения этики должны оцениваться однозначно, воспринимаются молодыми людьми по-разному – не только и не столько на основе их моральных приоритетов, но и в зависимости от отношения к

субъектам этих действий как «своим» или «чужим» (Евгеньева, 2022). Здесь в полной мере наблюдается то самое диалектическое противоречие морального и политического в сознании молодежи, когда ее представления о моральном и аморальном расширяются до сферы правового и политического и наоборот – политические ориентации и установки молодежи определяют моральные основания оценки ею тех или иных явлений и процессов. Последнее, кстати, отмечают и зарубежные исследователи (Hatemi, Crabtree, Smith, 2019).

Противоречивый характер политической морали российской молодежи проявляется также в том, что ее регулятивное влияние носит ситуативный характер, то есть моральные ценности и этические представления не являются универсальными для детерминации поведения личности во всех типологически схожих ситуациях, а наоборот – определяются ими. На этот момент обращают внимание и наши коллеги-социологи: «сочетание традиционных и современных смыслов¹ отражается в ценностной структуре молодежи, определяя ее неоднозначные реакции на события и явления социальной реальности, выбор конкретных форм поведения. При таком сочетании трудно ожидать однозначную, предсказуемую реакцию молодого поколения на социальные процессы, поэтому, если иставить задачу выделения в составе молодежи более-менее выраженных носителей традиционных и современных образцов, то скорее они будут обусловлены конкретными ситуациями, в которых может проявиться та или иная смысловая доминанта» (Зубок, Любутов, 2021: 179). Если посмотреть на эту ситуацию момент в широком политическом контексте, выходя за рамки пространства повседневной социальной реальности молодежи, то очерчивается целый круг проблемных вопросов – от возможности фор-

1 В рамках исследования моральных и политических ценностей молодежи мы также пришли к выводу о наличии двух кластеров ценностей – «традиционных» и «новых»,

смысловое наполнение которых также определяет противоречивый характер политической морали молодежи (Селезнева, Тулегенова, 2022).

мирования политической субъектности самой молодежи до характера ее влияния на политические процессы.

Затронутые нами вопросы, безусловно, требуют дальнейшего более детального изучения и глубокого осмысливания. Это вопросы содержательного характера – о границах морали в политике, о жизни и смерти в их политической проекции. Важным направлением дальнейшего изучения темы является анализ регулятивного потенциала морально-нравственных ценностей, влияния институциональных механизмов регуляции, внутриполитических и глобальных социокультурных процессов на политическое и моральное сознание и поведение молодежи. Кроме того, пристального внимания требуют представители самой юной когорты – поколения Z, поскольку период наблюдений за ними относительно небольшой, и мы не можем пока точно сказать, как их моральные принципы и ценности будут отражаться впоследствии на политических процессах.

Список литературы

Абдоков С. А., Бахитова Ф. С. Должествование и ответственность в соотношении свободы и необходимости. Ставрополь: Сев-КавГТУ, 2003. 66 с.

Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. М.: Академкнига, 2002. 304 с.

Гусейнов А. А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости НИИ Прикладной этики. 2004. № 24. С. 94-128.

Евгеньева Т. В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Том 12, № 2. С. 84-90.

Евгеньева, Т. В., Селезнева, А. В., Антонов, Д. Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Том 11, № 2. С. 63-71.

Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2016. 476 с.

Здравомыслова О. М. Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // Полития. 2003. № 1. С. 34-51.

Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4-12.

Зубок Ю. А., Любутов А. С. Смыслоное пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 167-181.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13-41.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15. / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. С. 12-48.

Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М.: Издательство Московского университета, 2004. 496 с.

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 63 с.

Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138.

Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. Политические исследования. 2001. №2. С. 132-146.

Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Том 21, № 4. С. 599-619.

Попова С. Ю. «Вмененная» и осознанная ответственность молодежи // Новая политическая этика российской молодежи / под общей редакцией А. В. Селезневой. М.: Аквилон, 2021. С. 116-127.

Самаркина И. В., Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте новых реалий мировой политики (на материалах Краснодара) //

Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 110-129.

Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Зубок Ю. А., Александрова О. А., Буланова М. Б. [и др.]. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. 360 с.

Селезнева А. В., Тулегенова Д. Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6. № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1/> (дата обращения: 15.06.2022).

Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политico-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177-192.

Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227-241.

Смирнов Р. Г. Операционализация феномена «поколение онлайн» // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 4. С. 31-38.

Хазыкова Т. С. Ответственность личности как социально-психологический феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 6. С. 36-40.

Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13-25.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 14-28.

Шатилов А. Б. «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов // Власть. 2020. Том 28, № 4. С. 9-17.

Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю., Казанцев Д. А. Ценностные основы восприятия политики учащейся молодёжью Сибири и Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2. С. 39-50.

Шестopal Е. Б. Представления образы и ценности демократии в российском обществе //

Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2011. № 3. С. 34-47.

Allport F. H. Social Attitudes and Social Consciousness // Social Psychology. Boston: Houghton Mifflin Company, 1924. P. 320-335.

Bem D. J. Beliefs, Attitudes, and Human Affairs. Belmont, Calif.: Brooks/Cole. 1970. 134 p.

Bishop J. A., Liu H., Qu Z. Individual Perceptions of Distributional Fairness in China // Comparative Economic Studies. 2013. Vol. 56. № 1. P. 25-41.

Feldman S. Values, ideology, and structure of political attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology / Ed. by Huddy N, Sears D.O. & Jervis R. New York: Oxford University Press, 2003. Pp. 477-508.

Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K., Ryseva A. Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values // Library of the Friedrich-Ebert-Stiftung. 2020. [Electronic]. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (дата обращения: 26.07.2022).

Hatemi P. K., Crabtree Ch., Smith K. B. Ideology Justifies Morality: Political Beliefs Predict Moral Foundations // American Journal of Political Science. 2019. Vol. 63. № 2. P. 788-806.

Kasamara V., Sorokina A. Rebuilt Empire or New Collapse? Geopolitical Visions of Russian Students // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 2. pp. 262-283.

Mareeva S. V. Russian youth: Specifics of identities and values // Handbook of the sociology of youth in BRICS countries. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd, 2018. P. 233-252.

Popova O. V., Kazarinova D. B. In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction. RUDN Journal of Political Science. 2021. Vol. 23. № 1. P. 9-17.

References

Abdokov, S. A. and Bakhitova, F. S. (2003), *Dolzhenstvovanie i otvetstvennost' v sootnoshenii svobody i neobkhodimosti* [Duty and responsibility in relation to freedom and necessity], SevKavGTU, Stavropol', Russia. (In Russian)

Guseynov, A. A. (2002), *Filosofiya, moral', politika* [Philosophy, morality, politics], Akademkniga, Moscow, Russia. (In Russian)

Guseynov, A. A. (2004), "Morality and Politics: Lessons from Aristotle", *Vedomosti NII Priskladnoj e'tiki*, (24), 94-128. (In Russian)

Yevgen'yeva, T. V. (2022), "The influence of the socio-political identification of modern youth on notions of moral values and norms", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12 (2), 84-90. (In Russian)

Yevgen'yeva, T. V., Selezneva, A. V. and Antonov, D. E. (2021), "Political culture of the Russian students: value-based, figurative-symbolic and behavioral aspects", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 11 (2), 63-71. (In Russian)

Yemel'yanova, T. P. (2016), *Sotsial'nye predstavleniya: Istoryya, teoriya i e'mpiricheskie issledovaniya* [Social Representations: History, Theory, and Empirical Research], Institut psichologii RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Zdravomyslova, O. M. (2003), "A new look at society? Changing ideas about power, justice and solidarity", *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, (1), 34-51.

Zubok, Yu. A. (2020) "Youth: Life Strategies in a New Reality", *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, (3), 4-12. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Lyubutov, A. S. (2021), "Semantic Space of Reality: Structural Taxonomy of the Foundations of Selfregulation of Interactions in the Youth Environment", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14 (3), 167-181. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chuprova, V. (2020), "Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods", *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, (3), 13-41. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chuprova, V. I. (2017), "Modern Sociology of Youth: Changing Reality and New Theoretical Approaches" in Gorshkov M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik*, (15) [Reforming Russia: Yearbook], Novyy khronograf, Moscow, Russia, 12-48. (In Russian)

Kapustin, B. G. (2004), *Moral'ny vybor v politike* [Moral choice in politics], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia. (In Russian)

Leont'yev, D. A. (1993), *Ocherk psichologii lichnosti* [Essay on personality psychology], Smysl, Moscow, Russia. (In Russian)

Petukhov, V. V. (2020), "Russian youth and its role in the society transformation", *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*, (3), 119-138. (In Russian)

Pecherskaya, N. V. (2001), "Metamorphoses of justice: an etymological analysis of the concept of justice in Russian culture", *Polis. Political studies*, (2), 132-146. (In Russian)

Popova, O. V. and Lagutin, O. V. (2019), "Political view of the youth: loyalty or protest?", *RUDN Journal of Political Science*, 21 (4), 599-619. (In Russian)

Popova, S. Yu. (2021), "Imputed" and conscious responsibility of youth", in A.V. Selezneva (ed.), *Novaya politicheskaya etika rossiyskoy molodezhi* [The New Political Ethics of Russian Youth], Akvilon, Moscow, Russia, 116-127. (In Russian)

Samarkina, I. V., Morozova, E. V. and Miroshnichenko, I. V. (2018), "Perception of Europe by young generation in the context of new reality of world politics (the case of Krasnodar)", *Politis. Political Studies*, (3), 110-129. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Aleksandrova, O. A., Bulanova, M. B. (2022), *Samoregulyatsiya v molodezhnoy srede: tipologizatsiya i modelirovaniye* [Self-regulation in the youth environment: typology and modeling], Epitsentr, Belgorod, Russia. (In Russian)

Selezneva, A., Tulegenova, D. (2022), "The Traditional and New in the Value Orientations of Russian Youth: Results of the Expert Survey", *Polylogos* [Online], 6 (2), available at: <https://polylogosjournal.ru/s258770110020714-7-1/> (Accessed 15 June 2022). (In Russian)

Selezneva, A. V. (2019), "Conceptual and methodological foundations of the political and psychological analysis of political values", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (49), 177-192. (In Russian)

Selezneva, A. V. and Antonov, D. E. (2020), "The value bases of the civic consciousness of the Russian youth", *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (58), 227-241. (In Russian)

Smirnov R. G. (2019), "Operationalization of the "Online Generation" phenomenon", *Digital sociology*, 2 (4), 31-38. (In Russian)

Khazykova, T. S. (2009), "Personal responsibility as a socio-psychological phenomenon", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (6), 36-40. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2018), "Self-Regulation of the Youth Life in Cultural Space: the Concept of Socio-Cultural Mechanism", *Humanitarian of the South of Russia*, 7 (4), 13-25. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Kisilenko, A. V. (2018), "Spiritual and Moral Choices in the Life Strategies of Youth: Experience of Sociological Research", *Central Russian Journal of Social Sciences*, 13 (6), 14-28. (In Russian)

Shatilov, A. B. (2020), "Moral deterioration of the power as a factor of destabilization of political regimes", *Vlast'*, 28 (4), 9-17. (In Russian)

Shashkova, Ya. Yu., Aseev, S. Yu. and Kanztsev, D. A. (2021), "The Siberian and Far Eastern federal districts' youth and their value-based perceptions of politics", *Kaspiskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, (2), 39-50. (In Russian)

Shestopal, E. B. (2011), "Representations, images and values of democracy in Russian society", *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, (3), 34-47.

Allport, F. H. (1924), "Social Attitudes and Social Consciousness", In *Social Psychology*, Houghton Mifflin Company, Boston, USA, 320-335. (In Russian)

Bem, D. J. (1970), *Beliefs, Attitudes, and Human Affairs*, Brooks/Cole, Belmont, Calif., USA.

Bishop, J. A., Liu, H. and Qu, Z. (2013), "Individual Perceptions of Distributional Fairness in China", *Comparative Economic Studies*, 56 (1), 25-41.

Feldman, S. (2003), "Values, ideology, and structure of political attitudes", In Huddy N, Sears D.O. & Jervis R. (Eds.), *Oxford Handbook of Political Psychology*, Oxford University Press, New York, USA, 477-508.

Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E., Pipiya, K. and Ryseva A. Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values, Library of the Friedrich-Ebert-Stiftung. 2020. [Online], available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (Accessed 26 July 2022).

Hatemi, P. K., Crabtree, Ch. and Smith K. B. (2019), "Ideology Justifies Morality: Political Beliefs Predict Moral Foundations", *American Journal of Political Science*, 63 (2), 788-806.

Kasamara, V. and Sorokina, A. (2017), "Rebuilt Empire or New Collapse? Geopolitical Visions of Russian Students", *Europe-Asia Studies*, 69(2), 262-283.

Mareeva, S. V. (2018), "Russian youth: Specifics of identities and values", In *Handbook of the sociology of youth in BRICS countries*, World Scientific Publishing Co. Pte Ltd, Singapore, 233-252.

Popova, O. V. and Kazarinova, D. B. (2021), "In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction", *RUDN Journal of Political Science*, 23 (1), 9-17.

Статья поступила в редакцию 08 июля 2022 г.
Поступила после доработки 13 сентября 2022 г.
Принята к печати 14 сентября 2022 г.

Received 08 July 2022. Revised 13 September 2022.
Accepted 14 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Селезнева Антонина Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия (1), профессор кафедры политологии и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия (2).

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of political sociology and psychology, Faculty of political sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (1); Professor, Department of political science and international relations, Faculty of history and philology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia (2).

¹Дулина Н. В.[✉]²Мансуров В. А.[✉]³Пронина Е. И.[✉]⁴Широкалова Г. С.[✉]⁵Шкурин Д. В.[✉]⁶Юрьев П. С.[✉]**Народная культура в оценках российской студенческой
молодежи**¹⁾Волгоградский государственный университет

проспект Университетский, дом 100, Волгоград, 400062, Россия

*nv-dulina@volsu.ru*²⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук

улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия

*mansurov@isras.ru*³⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук

улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия

*eipronina@yandex.ru*⁴⁾Приволжский филиал Института социологии Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук

улица Костина, дом 4, Н. Новгород, 603009, Россия

*shirokalova@list.ru*⁵⁾Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

проспект Ленина, 51, Екатеринбург, 620075, Россия

*kafedra_ps_urfu@mail.ru*⁶⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук

улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия

pl_yuriev@mail.ru

Аннотация. Информационные технологии изменили все сферы жизнедеятельности человека, что придало особую значимость контексту осмысления проблем глобализации современного мира. Наложившись на системные трансформации российского общества, они откорректировали традиции, сменив ценностные приоритеты. Выступая двигателем социальных преобразований, остро чувствуя и впитывая в себя инновации, студенческая молодежь, овладев новыми технологиями и транслируя их в общество, аккумулирует опыт как предшествующих поколений, так и современников. В статье анализируются данные опроса 9751 студента вузов РФ – граждан РФ. В совокупности опрошенных представлены все Федеральные округа страны. Полученные данные позволяют сделать вывод,

что народная культура в большей степени сохраняется и транслируется старшим поколением. Молодежь, в своем большинстве, осознавая ценность народной культуры в целом, ранжирует ее элементы по степени их соответствия запросам современности. Выделены две равновесные по объему группы. Первая – «идентификационная» – разделяет позицию, что, если современный человек ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций, он должен хорошо знать народную культуру. Вторая группа выступает за «культурное многообразие»: современный человек должен хорошо знать народную культуру, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов. Опираясь на результаты исследования, сформулирован вывод о необходимости постоянного межпоколенческого диалога для сохранения, трансляции и воспроизведения народной культуры – фундаментальной основы национального менталитета и стабильности общества.

Ключевые слова: молодежь; студенты; поколения; народная культура; ценности; Россия

Информация для цитирования: Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

Research article

¹Nadezhda V. Dulina

²Valery A. Mansurov

³Elena I. Pronina

⁴Galina S. Shirokalova

⁵Denis V. Shkurin

⁶Pavel S. Yuriev

Folk culture in the assessments of Russian student youth

¹⁾Volgograd State University,
400062, bld. 100 University Ave., Volgograd, Russia
nv-dulina@volstu.ru

²⁾Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
117218, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia
mansurov@isras.ru

³⁾Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
117218, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia
eipronina@yandex.ru

⁴⁾Volga Branch of the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
603009, bld. 4 Kostin St., N. Novgorod, Russia
shirokalova@list.ru

⁵⁾Yeltsin Ural Federal University,
620075, bld. 51 Lenin Ave., Yekaterinburg, Russia
kafedra_ps_urfu@mail.ru

⁶⁾Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
117218, bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia
pl_yuriev@mail.ru

Abstract. Information technologies have changed all spheres of human life. This fact has given particular importance to the context of understanding the problems of globalization in the modern world. Having superimposed on the systemic transformations of Russian society, they corrected the traditions, changing the value priorities. Acting as a key agent of social transformations, acutely feeling, accepting and subsequently implementing innovations, student youth, having mastered new technologies and broadcasting them to society, accumulates the experience of both previous generations and contemporaries. The data of a survey of 9751 students of higher education institutions of the Russian Federation, who are citizens of the Russian Federation are analyzed in the article. All the Federal districts of the Russian Federation are represented in the general population of respondents. The data obtained allow us to conclude that folk culture is largely preserved and transmitted by the older generation. Although young people, for the most part, realize the value of folk culture as a whole, they rank its elements according to the degree of their compliance with the needs of modernity. Two groups of approximately equal size were distinguished. The first group is «identification». It shares the position that if a modern person feels that he belongs to a certain ethnic group and is interested in preserving its traditions, he or she must know the folk culture well. The second group stands for «cultural diversity», which means that a modern person should know his or her folk culture well, but it is also important to navigate the cultural heritage of other peoples. Based on the results of the study, the conclusion about the need for a constant intergenerational dialogue for the preservation, transmission and reproduction of folk culture, which is the fundamental basis of the national mentality and the stability of society is made.

Keywords: youth; students; generations; folk culture; values; Russia

Information for citation: Dulina, N. V., Mansurov, V. A., Pronina, E. I., Shirokalova, G. S., Shkurin, D. V., Yuriev, P. S. (2022), “Folk culture in the assessments of Russian student youth”, Research Result. Sociology and management, 8 (3), 61-78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

Введение (Introduction). Обратившись к истории становления социологии в России, заметим, что интерес к молодежной проблематике усиливается на всех переломных этапах развития страны. Именно в эти периоды проблема статуса молодежи и ее ценностей приобретает особое звучание, поскольку она, как социальная группа и объект/ субъект социальных отношений, не только содержит в самой себе образ будущего страны, но и концентрирует ресурсы перехода к нему от настоящего. Причем речь идет не столько о материальных ресурсах – чаще всего именно они неподконтрольны большинству молодых людей, – а

о том внутреннем энергетическом потенциале, без которого не может быть успешным ни один модернизационный проект.

Важность исследования преемственности культуры современной молодежью обусловлена ее местом и ролью в социальной структуре российского общества. Выступая двигателем социальных преобразований, остро чувствуя и впитывая в себя инновации, молодежь аккумулирует опыт как предшествующих поколений, так и современников. Сказанное относится, в первую очередь, к студенческой молодежи, которая в будущем займет управленческие позиции,

овладев новыми технологиями и транслируя их в общество. Так извечный конфликт «отцов» и «детей» наполняется новыми смыслами. Ситуация обостряется тем, что обретение самостоятельности, становление социальной зрелости молодого человека проходит в условиях особого типа культуры, который вслед за Маргарет Мид (Мид, 1988) принято обозначать как префигуративную культуру – тип культуры, к которому, без сомнения, может быть отнесена и культура современного российского общества.

В данном исследовании в качестве рабочей выберем дефиницию В. С. Цукермана: «Культура – это исторически развивающаяся система материальных и духовных ценностей, норм и навыков специализированного мастерства, накопленного в ходе всей жизни людей и передающегося от одного поколения к другому для создания, усвоения, сохранения и распространения этих ценностей. Совершающееся таким образом формирование человека и есть развитие культуры» (Цукерман, 1984). Ключевым в данном определении является акцент на формирование человека. Народная культура, творцом которой выступает сам народ, сохраняя необходимое и вытесняя неактуальное, определяла/ определяет, нормирует все аспекты жизнедеятельности социума: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды и т.д.

Проблема трансформации ценностей современной российской молодежи в пространстве изменяющейся культуры системна и предполагает следующие направления изучения:

1. Исследования культуры как социального феномена и механизма взаимодействия людей, ценностей и ценностных ориентаций в рамках философии, аксиологии, культурологии, социологии культуры.

2. Исследования молодежи как социально-демографической группы и субъекта социальных отношений в рамках социологии молодежи и социальной психологии.

Оба направления традиционны, хорошо разработаны и широко представлены

в научной литературе. Новизна нашего подхода обусловлена его масштабностью и выбором предмета изучения. Выбор объекта эмпирического исследования – студенческая молодежь – обусловлен тем, что она, во-первых, находясь на специфическом этапе своего жизненного пути, проходит важнейший этап социализации, связанный с завершением систематического образования. К этому времени биологические, психологические факторы и условия социализации опосредованы имеющимся социальным опытом, контролируются характером формирующейся личности. Образование задает субкультурные характеристики и статусные позиции студенчества. Вузовское образование влияет на стихийные формы социализации и адаптации молодежи и связанное с ними усвоение тех или иных ценностей, формирует мировоззренческие ориентиры, позволяющие самостоятельно ориентироваться в аксиологическом пространстве и интерпретировать его константы.

Во-вторых, в условиях социальной трансформации студенты выступают активным субъектом адаптации к изменяющимся условиям, решая в конкретных ситуациях задачи соотнесения традиционных и либеральных социальных ориентиров. В-третьих, субкультурные и статусные аспекты жизни молодежи требуют специального рассмотрения поскольку ценности анализируются не только в контексте группового сознания и поведения, сколько в контексте выбора тех моделей действия, которые предлагают локальные нормативно-символические пространства культуры, экономических и политico-правовых институтов. В данном случае присущие молодежи ценности выступают как ориентиры выбора в более широком пространстве – пространстве коммуникации, социальной и мировоззренческой идентичности.

Методология и методы (Methodology and methods). В нашем понимании молодежи мы будем исходить из краткого, и поэтому ставшего уже классическим, определения, предложенного В. Т. Лисовским:

«Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, культурные и другие социальные функции...» (Лисовский, 1990: 48).

Многообразие подходов к изучению молодежи связано не только со сложностью самого объекта исследования, с наличием у молодежи множества свойств и характеристик, но также с многообразием позиций, которые она занимает в современном динамичном и все более усложняющемся социальном пространстве. Плюрализм научных подходов ставит перед нами задачу выбора точки отсчета, которая в наибольшей степени позволяла бы решить исследовательские задачи. Отказавшись от теоретического представления существующих точек зрения на исследование молодежи, заметим лишь, что новые подходы исследования молодежи представлены в работах Ю. А. Зубок (см., напр., (Зубок, Чанкова, 2022; Зубок, Чупров, 2021) и др.). В своей научной работе мы также обращаемся к проблемам исторической памяти молодежи (Кузнецова, Пронина, 2020), ее ценностей и приоритетов (см., напр., (Павлов и др., 2020; Современное общество..., 2020; Широкалова, 2021, 2022), (Юрьев, 2016, 2019) и др.).

Анализ научных публикаций, доступных авторам, позволяет сделать вывод о том, что одним из основных социокультурных факторов социализации студенчества в России является отечественная система образования. Вузы страны, социализируя молодежь в крупных городах, формируют новую социальную общность, которая становится значимым актором не только молодежной культуры, но и российского общества в целом.

Объект и методы исследования. В исследованиях, инициируемых Российской обществом социологов (РОС), объектом исследования, прежде всего, являются студенты вузов России – граждане Российской Федерации (Мансуров, Пронина, Юрьев, 2018). Сохранение единого объекта позволяет накапливать эмпирический материал, мониторить выводы, полученные в разные

годы, выявляя динамику отдельных процессов. Результаты совместной работы проходят апробацию на научных мероприятиях, находят отражение в статьях и коллективных монографиях (см., напр., (Спасибо прадеду..., 2020) и др.).

Исследование «Культурное наследие и связь поколений» проведено по решению Президиума РОС от 10 марта 2022 г. в марте-мае текущего года в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) в связи с объявлением в СНГ 2022 года – Годом народного творчества и культурного наследия. Цель и задачи исследования – изучение форм межпоколенных связей в меняющихся социальных контекстах, а также отношения студенческой молодежи к общей истории народов, входивших в состав СССР.

Метод сбора первичной информации – онлайн-анкетирование, проходившее с использованием Google-форм. Как и любой метод, он имеет свои достоинства и недостатки, среди которых способ отбора единиц наблюдения, а именно стихийность выборки. Ее формирует коллектив преподавателей вузов, решивших принять участие в анкетировании, и инициаторы исследования не имеют возможности в полной мере ее контролировать до этапа обработки полученного массива. Мы солидарны с мнением насчет онлайн-опроса студентов, что «по своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия презентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная, таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками – точно

воспроизводит характеристики генеральной совокупности» (Мансуров, Черныш, 2016).

Все технические вопросы, связанные с проведением поля (разработка Google-форм, предварительная обработка данных, формирование общего массива эмпирических данных, его редактирование, обработка данных, полученных в ходе исследования), выполнены кандидатом социологических наук, доцентом УрФУ Д. В. Шкуриным (разработчиком программного комплекса «Vortex»).

В исследовании «Культурное наследие и связь поколений» в базе оказалось 12 679 документов, после этапа контроля и редактирования в массиве осталось 12 340 анкет, из которых 9 751 были студенты вузов РФ – граждане РФ. В рамках данной статьи будут представлены параметры именно этой категории опрошенных. Большой объем эмпирического материала позволяет проследить тенденции и сделать содержательные выводы.

В совокупности опрошенных представлены все федеральные округа страны. В Приволжском федеральном округе (ПФО) опрошено 3433 чел. (35,2%). В Южном федеральном округе (ЮФО) – 2329 чел. (23,9%), Центральном федеральном округе (ЦФО) – 1416 чел. (14,5%), Уральском федеральном округе (УрФО) – 1054 чел. (10,8%), Сибирском федеральном округе (СФО) – 453 чел. (4,6%), Дальневосточном федеральном округе (ДФО) – 431 чел. (4,4%), Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) – 379 чел. (3,9%), Северо-Западном федеральном округе

(СЗФО) – 256 чел. (2,6%). Из-за особенностей стихийной выборки пропорции относительно численности студентов в федеральных округах не выдержаны, но в каждом федеральном округе (за исключением Северо-Западного) опрошено достаточное количество студентов для возможности проведения сравнения между округами.

Девушек в выборке 64% против 36% юношей (среди российского студенчества доля студенток составляет 53%) (Женщины..., 2020).

Студентов гуманитарных специальностей – 38,2%, 25,1% – представители технических направлений подготовки, 14,2% – социально-экономические специальности. Естественнонаучный профиль у 9,0%, медицина – 6,9%, физкультура и спорт – 3,1%, военные вузы – 1,6%, творческие специальности – 1,2%, сельскохозяйственные – 0,5%. На другие направления подготовки приходится менее 10%. На бюджетной основе обучается 72,5% опрошенных. Подавляющая часть респондентов (84,4%) – это студенты с первого по третий курс включительно, что объясняется сроками проведения «поля»: весенний семестр, старшекурсники заняты подготовкой выпускных квалификационных работ.

Студенчество в основном формируется из горожан (см. Таблицу 1). Приведенные в таблице данные подтверждают тенденцию постарения российского села: в сельской местности проживает около 27% россиян, но студентов, родившихся там менее 20%, и почти в 5 раз меньше тех, чьи родители остались селянами.

Таблица 1
Соотношение мест взросления респондентов и их проживания в настоящее время, %
Table 1
The ratio of places of growing up of respondents and their residence at the present time, %

Населенный пункт / Locality	В каком населенном пункте Вы росли? / What locality did you grow up?	В каком населенном пункте Вы сейчас проживаете? / What locality do you currently live in?
В деревне / In the village	4,4	0,9
В селе / In the countryside	15,0	4,1
В поселке городского типа / In an urban-type settlement	14,1	5,5
В малом городе / In a small town	19,9	9,5
В среднем городе / In a middle city	21,3	28,1
В большом городе / In a big city	19,2	42,5
В столице / In the capital	6,0	9,4
Итого / Total	100,0	100,0

**Научные результаты и дискуссия
(Research Results and Discussion).** Как указывалось во Введении, одна из задач исследования – выявление степени преемственности культурной идентификации поколений. На один из основных вопросов: «Должен ли современный человек знать культуру своего народа?» – подавляющее большинство (94,3%) ответили положительно: да, должен (см. Таблица 2 и Таблица 3, в таблицах максимальные значения по каждой строке выделены рамками). Однако мотивация декларируемой оценки у студентов заметно различается. Если 46,7% респондентов высказались за то, что современный человек должен хорошо знать культуру своего народа, если он ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций, то, практически, столько же (47,6%) полагают, что знать культуру своего народа надо, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов. Учитывая разнобразие и многообразие народов, проживающих на территории России, вторая позиция – залог добрососедских отношений, которые требуют постоянной корректировки, о чем свидетельствует «разлом» Советского Союза по границам союзных (национальных) республик и возникшие в связи с

этим взаимные территориальные претензии. История учит, что культура объединяет (на чем, как правило, делается акцент), но и разъединяет, четко проводя границу «свой» – «чужой», когда нарушаются механизмы удовлетворения базовых потребностей населения.

Согласились с тем, что культуру своего народа знать «не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность» – 5,7% респондентов. Незначительность доли высказавших такую оценку, не означает отсутствия проблемы: меняют мир 10 % наиболее активной части населения.

Возвращаясь к результатам исследования, обратим внимание на различия в оценках студентов, проживающих в разных регионах страны (см. Таблица 2). Чем более однороден национальный состав респондентов – представителей малых народов (в СКФО чеченцы составили 44%, а в ДФО якуты – 64,0%, – тем больше доля выбравших первый вариант ответа. В «русских» регионах в большей степени важен не этнический фактор, а степень влияния западной культуры: чем сильнее либерализация, тем меньше сторонников глубоких знаний народной культуры.

Таблица 2
Мнение респондентов о необходимости хорошо знать культуру своего народа, %
Table 2
Respondents' opinion about the need to know the culture of their country well, %

Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа? / In your opinion, should a modern person know the culture of their country well?	Федеральный округ учебного заведения / Federal district of the educational institution								
	ПФО / VFD	ЮФО / SFD	ЦФО / CFD	СЗФО / NWFD	ДФО / FEFD	УрФО / UrFD	СФО / NFD	СКФО / NCFD	Итого: / Total:
Да, если он ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций / Yes, if he feels that he belongs to a certain ethnic group and is interested in preserving its traditions	43,8	49,1	41,0	39,8	61,3	48,7	39,5	70,7	46,7
Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов / Yes, but it is also important to understand the cultural heritage of other nations	49,5	46,3	52,3	55,1	34,1	45,6	56,3	25,6	47,6
Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность / Not necessarily, it doesn't matter in the modern world, individual national cultures have long lost their relevance	6,6	4,6	6,7	5,1	4,6	5,7	4,2	3,7	5,7
ИТОГО: / TOTAL:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,098, Вероятность ошибки (значимость): 0,00

Контрольным по отношению к предыдущему можно считать вопрос с более «жесткой» формулировкой: «Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры?» (см. Таблица 3). Более трех четвертей опрошенных (78,2%) сошлись во мнении, что, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам. «Народная культура – пережиток прошлого...» – с таким мнением согласились 8,4%. Плюс каждый восьмой (11,8%) затруднился с ответом на поставленный вопрос.

Распределение ответов – наглядный итог образовательной и культурной политики последних лет: приоритетность западной детской литературы, мультфильмов, игрушек с детства формируют систему без/

вненациональных ценностей. Показателен рассказ пожилой женщины (бабушки), семилетняя внучка которой, увидев на экране телевизора скульптуру «Родина-мать зовет!», установленную на Мамаевом кургане, радостно заявила: «Это статуя Свободы!». И это не удивительно, учитывая тот факт, что в российском кинопрокате до последнего времени голливудские фильмы в общем объеме кинопроката составляли около 80 %. Реакция бабушки достойна уважения: «Я поняла, надо все бросать и спасать ребенка: садиться книжки с ней читать, фильмы смотреть и обсуждать, по музеям водить... Мой мир ей показать».

Вопрос лежит именно в этой плоскости: насколько совпадают миры новых и предшествующих поколений?

Таблица 3

Мнение респондентов о важности сохранения народной культуры, %

Table 3

Opinion of respondents on the importance of preserving of folk culture, %

Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры? / Do you think it is important to preserve folk culture?	Федеральный округ учебного заведения / Federal district of the educational institution								
	ПФО / VFD	ЮФО / SFD	ЦФО / CFD	СЗФО / NWFD	ДФО / FEFD	УрФО / UrFD	СФО / NFD	СКФО / NCFD	Итого: / Total:
Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам / Yes, every effort must be made to preserve folk culture and pass it on to our descendants	76,8	82,1	75,4	74,2	82,4	76,5	73,5	83,9	78,2
Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления / Folk culture is a relic of the past, there are much more interesting and important cultural phenomena in the world	8,3	7,2	10,5	8,2	8,1	10,0	8,4	6,6	8,4
Затрудняюсь ответить /Difficult to answer	13,3	9,4	11,3	14,8	8,4	12,3	15,7	9,5	11,8
Другое / Other	1,6	1,3	2,8	2,7	1,2	1,2	2,4	0,0	1,6
ИТОГО: / TOTAL:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Коэффициент *V* Крамера [0..1]: 0,054, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание. При относительном равенстве обеих позиций в рамках общего массива полученных в исследовании данных, в ответах юношей акцент чаще смещается к первой («идентификационной») позиции, в ответах девушек – ко второй – «культурное многообразие» (см. Таблица 4 и Таблица 5, значимые различия в оценках юношей и девушек выделены в таблицах рамками).

Заметим, что различия по отношению к культуре отразились в ответах студентов, обучающихся на разных профилях. Вполне ожидаемо, что студенты-«технари» и курсанты военных вузов чаще выражали «идентификационную» позицию. Студенты (но чаще студентки) гуманитарного и социально-экономического профиля – вторую – «культурное многообразие».

Приведенные данные – свидетельство современных «войн памяти», в условиях

которых молодому человеку сделать свой выбор весьма проблематично. Напомним, что «войны памяти», разворачиваются не только за пределами страны (это отдельная тема), но и в России: «В мире идут «войны памяти», но по-настоящему отменить ницию культуру нельзя. Такое уже было в истории цивилизации, но успеха не имело. И Россия сама – пример этому. Мы достаточно часто отменяли свою собственную культуру: сначала царскую, потом – писателей, которые были крепостниками или просто недостаточно рабоче-крестьянскими (включая того же Достоевского), Русскую православную церковь, потом – советскую культуру, сейчас отменяем постсоветскую... Как выяснилось, у нас нет иммунитета от всего этого: мы с удовольствием начинаем отменять неугодные нам пластины отечественной истории снова и снова. В этом смысле история нас не учит...» (Пиотровский, 2022).

Таблица 4

Различие в оценках необходимости знать народную культуру
в зависимости от пола респондентов, %

Table 4

Difference in assessments of the need to know folk culture depending
on the gender of respondents, %

Как Вы считаете, должен ли современный человек хорошо знать культуру своего народа? / In your opinion, should a modern person know the culture of their country well?	Пол / Gender		Всего / Total
	Жен- ский / Female	Муж- ской / Male	
Да, если он ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций / Yes, if he feels that he belongs to a certain ethnic group and is interested in preserving its traditions	43,9	51,7	46,7
Да, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов / Yes, but it is also important to understand the cultural heritage of other nations	51,8	40,2	47,6
Не обязательно, в современном мире это не важно, культуры отдельных народов давно потеряли актуальность / Not necessarily, it doesn't matter in the modern world, individual national cultures have long lost their relevance	4,3	8,2	5,7
Итого: / Total:	100,0	100,0	100,0

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,125, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Таблица 5

Различие в оценках важности сохранения народной культуры
в зависимости от пола респондентов, %

Table 5

Difference in assessments of the importance of preserving folk culture depending
on the gender of respondents, %

Считаете ли Вы важным сохранение народной культуры? / Do you think it is important to preserve folk culture?	Пол / Gender		Всего / Total
	Женский / Female	Муж- ской / Male	
Да, необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить народную культуру и передать ее нашим потомкам / Yes, every effort must be made to preserve folk culture and pass it on to our descendants	79,7	75,4	78,2
Народная культура – пережиток прошлого, в мире есть куда более интересные и важные культурные явления / Folk culture is a relic of the past, there are much more interesting and important cultural phenomena in the world	7,6	10,0	8,4
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	11,2	12,7	11,8
Другое / Other	1,5	1,9	1,6
Итого: / Total:	100,0	100,0	100,0

Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,053, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Опираясь на результаты исследования, сформулируем промежуточный вывод о необходимости постоянного межпоколенческого диалога. Диалога для сохранения, трансляции и воспроизведения народной культуры – фундаментальной основы национального менталитета. Нельзя любить то, о чем даже не знаешь. Не случайна посло-

вица: «О чём не подумал, про то не расскажешь, о чём не поплакал, про то не спопеши...» Другого научить можешь только тому, что знаешь сам.

Сохраняется ли в семьях народная культура? Транслируется ли подрастающему поколению? Ответы на эти вопросы представлены в Таблице 6.

Таблица 6

Мнение респондентов о сохранении народной культуры разными поколениями внутри семьи, %

Respondents' opinion on the preservation of folk culture by different generations within the family, %

Table 6

Проявления отношения к народной культуре в семье / Demonstrations of attitude to folk culture in the family	Вы лично / You personally		Мать, отец / Mother, father		Бабушка, дедушка / Grandmother, grandfather	
	%	Ранг / Rank	%	Ранг / Rank	%	Ранг / Rank
Уважают и соблюдают народные обычаи / Respect and observe folk customs	54,0	4	66,6	4	84,7	1
Знают и поют народные песни / Know and sing folk songs	33,3	7	44,0	7	70,9	5
Играют на национальных музыкальных инструментах / Play national musical instruments	11,3	14	13,6	15-16	28,4	17
Учат и пользуются родным языком в повседневности / Learn and use their native language in everyday life	75,8	1	79,0	2	82,3	3
Слушают национальную музыку / Listen to national music	43,6	5	51,3	6	64,1	6
Читают литературу на родном языке / Read literature in their native language	69,8	2	70,0	3	76,1	4
Собирают библиотеку на родном языке / Collecting a library in their native language	34,7	6	39,8	8	57,3	8
Танцуют народные танцы / Dance folk dances	22,5	8	21,0	13	30,9	14
Используют в одежде элементы народного костюма / Use elements of folk costume in clothing	10,6	15	13,6	15-16	27,9	15
Имеют собственный национальный костюм / Have their own national costume	8,2	17	11,2	17	22,1	16
Исполняют религиозные обряды / Perform religious rites	21,9	9	35,3	9	48,9	10
Готовят блюда национальной кухни / Cooking dishes of national cuisine	56,2	3	81,3	1	82,4	2
Воспитывают детей в традициях своего народа / Raise children in the traditions of their country	17,1	11	51,7	5	61,2	7

Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле / Embroider, knit and mold in folk style	12,2	13	23,6	12	46,7	11
Освоили народные промыслы / Mastered folk crafts	10,2	16	17,9	14	32,4	13
Используют народную медицину / Use traditional medicine	18,4	10	34,9	10	56,2	9
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т.д.) за советами / Turn to a clergyman (mullah, presbyter, lama, shaman, etc.) for advice	14,6	12	28,7	11	41,6	12

Хранителем и транслятором социальной памяти, народной культуры, как и культуры вообще, в семье выступает самое старшее поколение, на что мы уже обращали внимание (Дулина, Ануфриева, 2021). Нельзя не заметить, как по убывающей идет использование элементов народной культуры в повседневной практике от бабушек/ дедушек к внучкам/ внукам (см. Таблицу 6, три наиболее важных, по мнению респондентов, позиции в каждой возрастной группе выделены рамками). Ценность элементов культуры различна для каждого поколения. В большей степени сохраняется язык: около трех четвертей в каждой из выделенных категорий используют его в повседневном общении, читают книги на родном языке, от половины до трети собирают библиотеки. Востребована национальная кухня, что сейчас актуализирует гастрономический туризм.

При общей тенденции уменьшения значимости народной культуры в жизни каждого последующего поколения по сравнению с предыдущим, наиболее быстро «уходят» в прошлое из повседневной практики национальный костюм и использование в одежде его элементов, игра на национальных музыкальных инструментах. Во всех возрастных категориях эти позиции заняли в ранжированном ряду предпочтений последние места. То есть, интерес обуслов-

лен функциональностью тех или иных элементов культуры, обеспечивающих повседневные потребности, либо поддерживается на законодательном уровне: русский сарафан с кокошником красив, но в общественном транспорте и на ферме не удобен, а традиционная женская одежда в Туркмении обязательна в учебных заведениях, госструктурах и т.д.¹. Став экзотикой для многих, национальные культуры стали использоваться как бренд туристическими компаниями. Востребованность их новой функциональности дала запрос на подготовку магистров по направлению «Менеджмент культурного наследия»².

Схожая тенденция отношения к религиозным обрядам: из поколения бабушек/ дедушек исполняют их 48,9%, у родителей – 35,3%, студентов – 21,9%. Уходит в прошлое авторитетность религии как социального института: доля соблюдающих обряды выше, чем доля обращающихся за советом к священнослужителям (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т.д.): 41,6% бабушек/ дедушек, 28,7 % – родителей, а из поколения внуков – 14,6%. Одновременно формируется спрос на религиозный туризм.

С детства человек участвует в символических событиях, которые объединяют «большую семью» (Таблица 7). Согласимся с А. В. Глинкиным, что «в народной культуре всегда осознаваема, в первую очередь,

¹ Права бесправных. Власти Туркменистана озабочились внешним и моральным обликом женщин – Хроника Туркменистана // <https://www.hronikatm.com/2022/04/women-morality/>. 26.04.2022 (дата обращения: 09.08.2022) / “The rights of the deprived of civil rights. The authorities of Turkmenistan are concerned about the external and moral character of women – Chronicle of Turkmenistan”// [Online], available at: <https://www.hronikatm.com/2022/04/women-morality/>. 04/26/2022 (Accessed 09.08.2022).

² Московский педагогический государственный университет // <http://mpgu.su/obrazovanie/dopolnitelnoe-obrazovanie/programmyi-povyisheniya-kvalifikatsii/annotsii-povyisheniya-kvalitsikatsii/institut-sotsialno-gumanitarnogo-obrazovaniya/novaya-programma-3/> (дата обращения: 09.07.2022) / Moscow Pedagogical State University // [Online], available at: <http://mpgu.su/obrazovanie/dopolnitelnoe-obrazovanie/programmyi-povyisheniya-kvalifikatsii/annotsii-povyisheniya-kvalitsikatsii/institut-sotsialno-gumanitarnogo-obrazovaniya/novaya-programma-3/> (Accessed 09.07.2022).

установка на следование принятой традиции, за которой пропасть некое соборное, коллективистское, общинное, корпоративное, анонимное начало, объединяющее сообщество в разных поколениях и получающее значение нормы и образца от давности существования и (или) наличия авторитетов. Опора на традицию – фундаментальное

качество народной культуры» (Глинкин, 2008). Семейные праздники – это традиция, а традиция выступает в роли своеобразной социальной эстафеты, обеспечивающей преемственность поколений. Поэтому важно понимать, подхватывает ли молодежь эстафету или выбирает перпендикулярный путь, бежит параллельно...

Таблица 7

События и праздники, которые отмечаются внутри семьи, %

Table 7

Events and holidays that are celebrated within the family, %

Какие события отмечает Ваша большая семья / What events does your extended family celebrate?	Вы лично / You personally	Мама, папа / Mother, father	Бабушка, дедушка / Grandmother, grandfather
Новый год / New Year	92,9	93,4	92,4
Старый Новый год / Old New Year	53,6	62,2	62,0
Новый год по китайскому и буддийскому календарю / Chinese and Buddhist New Year	10,9	11,1	11,9
День защитников Отечества (23 февраля) / Defenders of the Fatherland Day (February 23)	74,1	80,3	75,1
День Победы (9 Мая) / Victory Day (May 9)	78,2	83,2	83,8
Международный женский день (8 Марта) / International Women's Day (March 8)	80,2	84,8	81,1
Праздник весны и труда (1 Мая) / Spring and Labor Day (May 1)	49,9	55,8	55,8
День России (12 июня) / Russia Day (June 12)	37,9	41,7	40,2
День Конституции (12 декабря) / Constitution Day (December 12)	16,0	17,9	16,6
Дни рождения близких и родных / Birthdays of loved ones and relatives	88,7	89,5	88,4
Другие события / Other events	12,6%	13,1	12,6

Данные, приведенные в Таблице 7, позволяют утверждать, что в жизни всех трех поколений есть события и праздники, которые отмечает большинство: Новый год, Дни рождения близких и родных, Международный женский день (8 Марта), День Победы (9 Мая). Важные для всех, именно они формируют из населения народ. В то же время намечается тенденция угасания значимости Старого Нового года, 1 Мая, 9 Мая. Появляются и другие праздники, при-

шедшие в нашу жизнь сравнительно недавно, но становящиеся популярными, благодаря объявлению их выходными днями и превращению в праздничные шоу. Двойственность их значения не акцентируется, чтобы не вызывать идеологического конфликта. Среди них День России: 12 июня 1990 года Первый съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, ставшей сильнейшим фактором

будущего разрушения Советского Союза. По мнению тех, кто ностальгирует по СССР, – это день не славы, а позора России, отказавшейся от завоеваний предков.

Заключение (Conclusions). В начале статьи оговаривалось, что в ней будут отражены данные одного из аспектов исследования, а именно отношение к народной культуре трех поколений россиян. Они позволяют сделать вывод, что народная культура в большей степени хранится, транслируется старшим поколением. Молодежь, в своем большинстве, осознавая ценность народной культуры в целом, ранжирует ее элементы по степени их соответствия запросам современности. На этом основании можно выделить две равновесные по объему группы. Первая – «идентификационная» – разделяет позицию, что, если современный человек ощущает свою принадлежность к определенному этносу и заинтересован в сохранении его традиций, он должен хорошо знать народную культуру. Вторая группа выступает за «культурное многообразие»: современный человек должен хорошо знать народную культуру, но важно ориентироваться и в культурном наследии других народов.

Картины мира студенческой молодежи и старших поколений формировались/ формируются в разных условиях, поэтому неизбежен поиск площадки для диалога дедов/ отцов/ детей как условия стабильности общества. Если нет старшего собеседника, то его место занимает кто-то другой, внося мировоззренческие корректиры (см., напр., (Спасибо прадеду..., 2020), (Михеева, Дулина, 2021) и др.).

Список литературы

Глинкин А. В. Народная культура и традиции // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. [XI Международная конференция, Екатеринбург, 19-20 марта 2008 г.]: в 5 частях. Екатеринбург: [Факультет политологии и социологии Уральского государственного университета], 2008. Ч. 2. С. 32-35.

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Пожилые женщины России – хранительницы памяти о

Великой Отечественной войне (по материалам устных историй о повседневной жизни в тылу во время Великой Отечественной войны) // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 29-33.

Женщины и мужчины России. 2020: Стат.сб. / Росстат. М., 2020. 239 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (дата обращения: 09.08.2022).

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика присутствия общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 18-30.

Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Общение в молодежной среде: социокультурные особенности ожиданий // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 2 (30). С. 178-189.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: особенности социального регулирования // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО Эпикентр, 2021. С. 24-27.

Кузнецова Н. В., Пронина Е. И. Роль исторической памяти в патриотическом воспитании учащейся молодежи (социологический аспект) // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2020. № 11. URL: <http://science-gsi.ru/wp-content/uploads/17.-Kuznetsova-N.-V.-Pronina-E.-I.-Roli-istoricheskoy-pamyati-v-patrioticheskom-vospitanii-uchashhejsya-molodezhi-sotsiologicheskij-aspekt.pdf> (дата обращения: 05.08.2022).

Лисовский В. Т. Советское студенчество. Социологические очерки. М.: Мысль, 1990. 216 с.

Мансуров В. А., Пронина Е. И., Юрьев П. С. К 60-летию Советской социологической ассоциации Российского общества социологов (CCA/ РОС) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 16-27.

Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред.

Ю. Р. Вишневского. М.: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 10-96.

Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения. М.: Наука, 1988. 430 с.

Михеева И. А., Дулина Н. В. Изменение роли художественных произведений в формировании исторической памяти молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) / «Памяти павших будьте достойны!», сборник материалов научно-практической конференции, 18 ноября 2021 г., Волгоград / ред-кол.: Е. В. Ануфриева, Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева. Волгоград: ВолгГТУ, 2021. С. 241-248.

Павлов Б. С., Дулина Н. В., Пронина Е. И., Павлов Д. Б. Денежные отношения «отцов и детей» в родительской семье как средство консолидации поколений (на примере опросов студентов Урала и Поволжья) // Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории. Сборник докладов секционных заседаний. 2020. С. 26-31.

Пиотровский М. Б. «Отменить культуру нельзя». Михаил Пиотровский – о мягкой силе искусства // АиФ. 2022. № 30. С. 3. URL: https://aif.ru/culture/art/otmenit_kulturu_nelzya_mihaip_piotorovskiy_o_myagkoy_sile_iskusstva (дата обращения: 06.08.2022).

Современное общество: оценка состояния и перспективы развития: монография / под общ. ред. Н. А. Скобелиной, Н. В. Дулиной, И. В. Вasilенко [и др.]. Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 224 с.

Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневского]; Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

Цукерман В. С. Народная культура как социальное явление: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1984. 39 с. URL: <https://www.dissertcat.com/content/narodnaya-kultura-kak-sotsialnoe-yavlenie> (дата обращения: 01.08.2022).

Широкалова Г. С. Мы и они: проблемы самоидентификации поколений и народов // Трансформация общественного сознания в переходную эпоху. Материалы Международной

научно-практической конференции. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова; Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна. Н. Новгород, 2022. С. 176-182. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47942663_91089761.pdf (дата обращения: 09.08.2022).

Широкалова Г. С. Российская семья: близкие метаморфозы // Изучение социальных проблем, вызванных семейно-демографической ситуацией в России, методами социальных наук (к 25-летию кафедры социальной работы МГУ им. Н. П. Огарева). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Под общ. Ред. проф. Л. И. Савинова. Саранск. 2021. С. 39-43. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46299338_93348824.pdf (дата обращения: 09.08.2022).

Юрьев П. С. Применение семиосоциопсихологических методов и подходов в изучении коммуникативных практик современной молодежи // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина. Сборник материалов. 2019. С. 1043-1046.

Юрьев П. С. Социоментальное развитие современной учащейся молодежи (по материалам семиосоциопсихологического исследования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 3078-3085.

References

Glinkin, A. V. (2008), “Folk culture and traditions”, *Kul'tura, lichnost', obschestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya* [Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research]. [XI International Conference, Yekaterinburg, March 19-20, 2008]: in 5 parts. [[Fakul'tet politologii i sotsiologii Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta] [Faculty of Political Science and Sociology of the Ural State University], Yekaterinburg, Russia, 2, 32-35. (In Russian)

Dulina, N. V., Anufrieva, E. V. (2021), “Elderly women of Russia are the keepers of the memory of the Great Patriotic War (Based on oral histories of everyday life on the home front during the Great Patriotic War)”, *The older generation of modern Russia*, Under the general editorship of

prof. Z. Kh. Saralieva. Nizhegorodskiy gosuniversitet im. N. I. Lobachevskogo [N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University], N. Novgorod, Russia, 29-33. (In Russian)

Zhenschiny i muzhchiny Rossii. 2020 [Women and men of Russia. 2020] (2020) [Online], Stat. coll, Rosstat, Moscow, Russia, 76, available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/yhNtbedG/Wom-Man%202020.pdf> (Accessed 09 August 2022). (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chankova, E. V. (2022), "Dynamics of using communication in the communicative space of youth", *News of higher educational institutions/ Volga region. Social Sciences*, (1), 18-30. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chankova, E. V. (2022), "Communication in the youth environment: socio-cultural features of expectations", *Social and humanitarian knowledge*, 8 (2), 178-189. (In Russian)

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2021), "Life activity of youth in a changing reality: features of social regulation", *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki* [Self-regulation of youth life: methodology and social practices]: a monograph in Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky and etc., scient. ed. Yu. A. Zubok, Epitsentr [Ltd Epicenter], Belgorod, Russia, 24-27. (In Russian)

Kuznetsova, N. V., Pronina, E. I. (2020), "The role of historical memory in the patriotic education of students (sociological aspect)", *Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute* [Online], (11), available at: <http://science-gsi.ru/wp-content/uploads/17.-Kuznetsova-N.-V.-Pronina-E.-I.-Rol-istoricheskoy-pamyati-v-patrioticheskem-vospitanii-uchashhejsya-molodezhi-sotsiologicheskij-aspekt.pdf> (Accessed 05 August 2022). (In Russian)

Lisovsky, V. T. (1990), *Sovetskoe studenchestvo. Sotsiologicheskie ocherki* [Soviet students. Sociological essays], Mysl' [Thought], Moscow, Russia, 216 p. (In Russian)

Mansurov, V. A., Pronina, E. I., Yuriev, P. S. (2018), "On the occasion of the 60th anniversary of the Soviet Sociological Association / Russian Society of Sociologists (SSA/ ROS)", *Research Result. Sociology and Management*, 4 (4), 16-27. (In Russian)

Mansurov, V. A., Chernysh, M. F. (2016), "Social justice: theoretical and empirical aspects", *Studencheskvo Rossii o sotsial'nym neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti* [Students of Russia on

social inequality and social justice]: a collection of scientific articles / gen. ed. Yu. R. Vishnevsky. Rossiyskoe obschestvo sotsiologov [Russian Society of Sociologists], Izd-vo UMTs UPI [Pub. House of the Ed. and Method. Center of the UPI], Moscow, Yekaterinburg, Russia, 10-96. (In Russian)

Mid, M. (1988), *Kul'tura i mir detstva: izbrannye proizvedeniya* [Culture and the World of Childhood: Selected Works], Nauka [Science], Moscow, Russia, 430. (In Russian)

Mikheeva, I. A., Dulina, N. V. (2021), "Changing the role of art in the formation of the historical memory of young people (based on the results of applied sociological research)", *Pamyati pavshikh bud'te dostoyny!* [Be worthy of the memory of the dead!]: collection of materials of the scientific and practical conference, November 18, Volgograd / ed. board: E. V. Anufrieva, N. V. Dulina, R. M. Petruneva, VolgGTU [VolgSTU], Volgograd, Russia, 241-248. (In Russian)

Pavlov, B. S., Dulina, N. V., Pronina, E. I., Pavlov, D. B. (2020), "Monetary relations of "fathers and children" in the parental family as a means of consolidating generations (on the example of surveys of students in the Urals and the Volga region)", *Trudy IX Vserossiyskogo simpoziuma po ekonomicheskoy teorii* [Proceedings of IX All-Russian Symposium on Economic Theory], Collection of reports of breakout sessions, 26-31. (In Russian)

Piotrovsky, M. B. (2022), "It is impossible to cancel culture. Mikhail Piotrovsky – about the soft power of art", *AiF [AandF]*, [Online], 2022, (30), 3, available at: <https://goo.su/xRtC> (Accessed 06 August 2022). (In Russian)

Sovremennoe obschestvo: otsenka sotoyaniya i perspektivy razvitiya [Modern society: assessment of the state and development prospects]: monograph (2021), gen. ed. N. A. Skobelina, N. V. Dulina, I. V. Vasilenko [and oth.]. Feder. gos. avt. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. obrazovaniya «Volgogr. gos. un-t». Izd-vo VolGU [Feder. state auton. educat. institution of high. education "Volgograd. state un-ty, VolsU Publ. House], Volgograd, Russia, 224. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R. (gen. ed.) (2020), *Spasibo pradezu za Pobedu...* [Thanks to my great-grandfather for the Victory...]: a monograph based on the materials of the monitoring "Russian students about the Great Patriotic War" (2005–2010–2015–2020) / Min-vo nauki i vysshego obrazovaniya RF. – [Ministry of Science and Higher Education of the RF], Izd-

vo Ural. un-ta [Ulal. un-ty Publ. House], Yekaterinburg, Russia, 352. (*In Russian*)

Tsukerman, V. S. (1984), "Folk culture as a social phenomenon", authoref. of dis. Dr. Phil. Sciences, Sverdlovsk, Russia, 39, [Online], available at: <https://www.dissercat.com/content/narodnaya-kultura-kak-sotsialnoe-yavlenie> (Accessed 01 August 2022). (*In Russian*)

Shirokalova, G. S. (2021), "Russian family: close metamorphoses", *Izuchenie sotsial'nykh problem, vyzvannykh semeyno-demograficheskoy situatsiei v Rossii, metodami sotsial'nykh nauk (k 25-letiyu kafedry sotsial'noy raboty MGU im. N. P. Ogareva)* [Study of social problems caused by the family and demographic situation in Russia, using the methods of social sciences (on the 25th anniversary of the Department of Social Work of the MSU named after N. P. Ogarev)], Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference, Gen Ed. prof. L. I. Savinova, Saransk, Russia, 39-43, [Online], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46299338_93348824.pdf (Accessed 09 August 2022). (*In Russian*)

Shirokalova, G. S. (2022), "We and them: problems of self-identification of generations and peoples", *Transformatsiya obschestvennogo soznaniya v perekhodnyu epokhu* [Transformation of public consciousness in a transitional era], Materials of the International scientific-practical conference. Nizhegorodskiy gosudarstvenniy lingvisticheskiy universitet im. N. A. Dobrolyubova [N. A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University]; Vanadzorskiy gosudarstvenniy universitet im. O. Tumanyana [O. Tumanyan Vanadzor State University, N. Novgorod, Russia, 176-182, [Online], available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47942663_91089761.pdf (Accessed 09 August 2022). (*In Russian*)

Yuriev, P. S. (2016), "Sociomental development of modern student youth (based on semiosociopsychological research)", *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and society: social inequality and social justice], Materials of the V All-Russian Sociological Congress, Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov [Russian Society of Sociologists], 3078-3085. (*In Russian*)

Yuriev, P. S. (2019), "Application of semiosociopsychological methods and approaches in the study of communicative practices of modern youth", *Sotsial'naya stratifikatsiya v tsifrovuyu epokhu: k 130-letiyu so dnya rozhdeniya Pitirima*

Sorokina [Social stratification in the digital era: on the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin], Collection of materials, 1043-1046. (*In Russian*)

Статья поступила в редакцию 15 августа 2022 г.
Поступила после доработки 09 сентября 2022 г.
Принята к печати 09 сентября 2022 г.

Received 15 August 2022. Revised 09 September 2022. Accepted 09 September 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия.

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Science (Sociology), Professor, Head of Department of Sociology, Volgograd State University, Volgograd, Russia.

Мансуров Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Valery A. Mansurov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chief Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena I. Pronina, Senior Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник Приволжского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Нижний Новгород, Россия.

Galina S. Shirokalova, Doctor of Science (Sociology), Professor, Senior Researcher of Volga Branch of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), N. Novgorod, Russia.

Шкурин Денис Вадимович, кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Denis V. Shkurin, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Юрьев Павел Сергеевич, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Pavel S. Yuriev, Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Сорокин О. В.**Смысловые девиации российской молодежи в сфере труда**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия

sorokinov@my.msu.ru

Аннотация. Актуальность проблемы изучения смысловых девиаций российской молодежи в сфере труда обусловлена: изменением характера интеграции молодежи в сферу труда, с одной стороны и особенностями саморегуляции девиантного поведения данной социально-демографической группы в сферу трудовых отношений, с другой. Выбор молодыми людьми в пользу смысловых девиаций рассматривается как следствие усиления процессов инструментализации и рационализации молодежи в сфере труда. Данные процессы отражаются в росте социальной субъектности молодежи через активное достраивание и перестраивание ее социальной реальности. На основании эмпирических данных, полученных в ходе проведенного исследования Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН, анализируются взаимосвязи между ценностными составляющими образа труда, качествами, присущими в сфере труда и отклоняющимися смыслами в культурном пространстве молодежи, что позволяет исследовать смысловую направленность саморегуляции девиантного поведения молодежи в данной сфере. Целью проведенного анализа выступает обоснование механизма саморегуляции девиантного поведения российской молодежи в сфере труда. Изучение роли отклоняющихся смыслов в данном механизме, позволяет выделить формы саморегуляции девиаций в молодежной среде в условиях трансформации современного российского общества.

Ключевые слова: молодежь; сфера труда; смысловые девиации; изменяющаяся социальная реальность

Информация для цитирования: Сорокин О. В. Смысловые девиации российской молодежи в сфере труда // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 79-90. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6.

*Research article***Oleg V. Sorokin****Meanings deviations of Russian youth at work**

Institute of Socio-political Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
sorokinov@my.msu.ru

Abstract. The relevance of the problem of studying the sense deviations of Russian youth at work is due to: changes in the nature of integration of young people at work,

on the one hand, and features of self-regulation of deviant behavior of this socio-demographic group in the field of labor relations, on the other. Young people's choice in favour of meanings deviations is seen as a consequence of intensification of the processes of instrumentalization and rationalization of young people at work. These processes are reflected in the growth of social subjectivity of young people through active completion and reconstruction of their social reality. On the basis of empirical data obtained in the course of research by the Center of Sociology of the Youth of ISPR FCTAS RAS, the author analyzes the relationship between the value components of the image of work, the qualities inherent in the sphere of work and deviant meanings in the cultural space of youth, which allows us to study the sense orientation of self-regulation of deviant behavior of youth in this sphere. The purpose of the analysis is to substantiate the mechanism of self-regulation of the deviant behavior of Russian youth at work. The study of deviant meanings contained in this mechanism makes it possible to determine different types of self-regulation of deviations in the youth environment in the context of the transformation of modern Russian society.

Keywords: young people; the world of work; meaningful deviations; changing social reality

Information for citation: Sorokin, O. V. (2022), "Meanings deviations of Russian youth at work", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 79-90.
DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-6.

Введение (Introduction). Образ труда в молодежной среде наделяется признаками, связанными с влиянием доминирующей культуры и новой культурной повестки. Смысловые образцы доминирующей культуры воспроизводятся благодаря действию элементов социокультурного механизма, а именно архетипов, ментальности, габитусов и стереотипов. Данные характеристики закрепляются в коллективной памяти молодых людей в процессе социализации, когда они активно рефлексируют по поводу своего отношения к труду в процессе освоения трудовых навыков и компетенций (Зубок, Чупров, Романович, 2014: 102). В рамках молодежных субкультурных пространств складываются свои смысловые образы отношения к труду, которые отражают современные молодежные культурные тренды. С позиции нормативного подхода смысловые образцы, представленные в молодежных культурах, могут по своему содержанию отличаться от исходных смыслов, которые представлены в доминирующей культуре, следовательно, они выступают смысловыми девиациями по отношению к исходным смыслам базовой культуры

(Сорокин, 2021: 92). В данном процессе важную роль играет готовность молодого человека разделять смыслы и значения объектов реальности. При этом понимание смысла и значения объектов реальности раскрывается через повседневное взаимодействие молодых людей (Зубок, Чупров, Сорокин, 2021: 39). Так в определенной среде формируются смыслы, которые отражают общие представления о сущности объектов реальности и понимание функций данных объектов, которые они выполняют в жизнедеятельности.

Влияние сферы труда на смысловое пространство молодых людей в первую очередь обусловлено определенными социокультурными контекстами, в которых обретается трудовой опыт (Шендрик, 2017: 78). Благодаря усвоенным жизненным практикам в сфере труда складываются групповые особенности осмысливания объектов социальной реальности, в том числе включающие в себя отклоняющиеся смыслы.

Труд остается одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодежи. По данным статистики, в 2020 г. примерно каждый третий трудящийся был молодой

человек в возрасте до 34 лет¹. В группе 15-19-летних, включенных в трудовые отношения, – 6,8 %, в группе 20-24-летних – 57,7%, в группе 25-29 лет – 88,5%, а в самой старшей группе 30-34 летних – 90,0%². Численность работающих молодых мужчин превышает аналогичные показатели среди девушек и женщин и составляет в группе 15-19 лет соответственно 7,7% против 5,9%; в группе 20-24 лет – 63,5% и 51,7%; в группе 25-29 лет – 95,7% и 84,3 % и в группе 30-34 летних – 95,7% и 84,3% (там же).

Взаимодействуя с другими участниками трудового процесса молодой человек познает объекты социальной реальности, наделяя их новыми значениями и смыслами. Выбор в пользу отклоняющихся смыслов в осмыслиении объектов реальности связан с нарастанием процессов рационализации и инструментализации в сфере труда. В социологии рационализация отражает процессы осознания цели и наполнения образа объекта социальной реальности новыми смыслами, которые позволяют достичнуть данную цель наиболее оптимальными способами. Так, Ю. А. Зубок отмечает, что таким образом в молодежной среде происходит упорядочение социальных связей на основании изменившихся представлений молодых людей о разумно обоснованном и целесообразном (Зубок, 2015: 175). Из этого следует, что смысловые девиации позволяют в текущих условиях призваны рационализировать некоторые ожидания молодых людей в сфере труда. При этом инструментальное отношение к труду связано с пониманием ценности данной сферы преимущественно в утилитарном аспекте как способе заработка, вынужденной необходимости либо как нового способа пообщаться, развлечься, устроить свою личную жизнь, что не связано с терминальным смысловым содержанием труда, как самоценного, основанного на по-

нимании полезности для общества выполняемой человеком трудовой функции (Чупров, Зубок, Романович, 2014: 104). Встраивание смысловых девиаций в процесс формирования отношения к труду свидетельствует о том, что многие возможности, открывающиеся для молодых людей в данной сфере не отвечают их текущим ожиданиям, связанным главным образом с творческим, а не безынициативным характером труда, представлениями о размере заработной платы, возможностями карьерного роста и т.д. Ожидания возможностей самореализации, которые связаны с выполнением трудовых функций в конечном итоге могут сталкиваться и с препятствиями, связанными с ограничениями реализации данных возможностей. В этом случае переосмысление смысла труда и наделение его новыми значениями в социальной реальности молодежи является закономерным итогом данных процессов.

Методология и методы (Methodology and methods). Смысловая девиация в социальной реальности молодежи отражает совокупность новых способов осмыслиения молодежью сущности и предназначения смысложизненных ценностей и норм, как объектов социальной реальности, результатом новых способов осмыслиения выступает укоренение в данной реальности отклоняющихся смыслов, которых не было раньше в культурном пространстве молодежи. В свою очередь проблематика осмыслиения культурного пространства молодежи через призму ее изменяющейся социальной реальности изучается в исследованиях, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН (руководитель Зубок Ю.А.) (Чупров, Зубок, Любутов, Сорокин, 2020, 2021). Данные смыслы отклоняются от первоначальных смыслов, связанных с сущностным предназначением ценностей и норм, задаваемых доминирующей культурой. В этой связи Вал. А. Луков обращает

¹ Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. Росстат. М., 2021.

² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Стат. сб. Росстат. М., 2020. С. 21.

внимание на то, что запрос на инновационные алгоритмы деятельности в молодежной среде возрастает в эпоху социальных перемен и становления информационного общества (Луков, 2014: 66). Так, в интернет-сетях стремительно распространяются знания, которые мгновенно становятся достоянием молодежных сообществ. В форме тезаурусов, как ориентационных комплексов, данные знания, получив статус общезначимых, становятся частью жизненных миров молодых людей, а значит начинают оказывать влияние на восприятие социальных объектов.

Включенность в субкультурные пространства выступает одним из основных оснований укоренения в социальной реальности молодежи отклоняющихся смыслов. Ориентация на отклоняющиеся смыслы базовых ценностей объясняется стремлением молодежи обрести свою социокультурную субъектность. Нахождение в молодежной субкультуре открывает перед молодым человеком возможности, связанные с самореализацией его потребностей. В молодежных субкультурах молодежные потребности находят свое воплощение в форме неформальных социальных практик, которые инситуционализируются в моде, лидерстве, дружбе и т.д. В субкультурных пространствах молодежного движения транслируются смыслы норм и ценностей, которые отвечает интересам создателей данных движений. В самоорганизующихся субкультурных молодежных сообществах конструируются общие представления о способах достижения общественных целей, отличными от официально провозглашаемых в обществе приемов. По мнению В. А. Лукова, молодежные движения выражают внешнюю сторону обретения социокультурной субъектности молодежью.

В рамках изучения смысловых девиаций в конструировании социальной реальности в разных группах российской молодежи Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН было проведено иссле-

дование «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи 2020». Опрошена молодежь в возрасте от 15 до 35 лет включительно, методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Опрос проведен по репрезентативной для населения России выборке в 42 населенных пунктах 10 субъектах Российской Федерации, всего опрошено 1155 человек. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Регионы: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Выявление взаимосвязей, складывающихся между ценностными составляющими образ труда и отклоняющимися смыслами в культурном пространстве молодежи позволяет выявить смысловую направленность саморегуляции девиантного поведения молодежи в сфере труда. В Таблице 1 представлены терминальные и инструментальные проекции труда. Терминальные объединяют следующие значения труда: ощущение своей полезности, внутренняя потребность и творчество. Инструментальные ценности труда отражают следующие характеристики: возможность заработать, вынужденная необходимость и общение. В таблице нашли свое отражение только те значения отклоняющихся смыслов в форме суждений, с которыми выразили полное согласие респонденты.

Таблица 1

Взаимосвязь отклоняющихся смыслов в культурном пространстве молодежи
со смыслами труда

Table 1

Relationship between deviant meanings in the cultural space of young people
and the meaning of work

Смысл труда / The meaning of work	Связь с отклоняющимися смыслами, в % / Relationship to deviant meanings, in %													
	ощущение своей полезно- сти / feeling useful	возможность заработать / op- portunity to make money	внутренняя по- требность / internal need	вынужденная необходимость / a compelling need	творчество / creativity	общение / communication	средние значе- ния / average values	70,0	76,4	75,0	77,5	64,4	74,2	72,9
в нашем мире правят деньги, и неважно, как они заработаны / in our world, money rules, no matter how it is earned	неудачник не заслуживает сочувствия и сострадания - сам виноват / the loser deserves no sympathy and compassion - his own fault	мат – это норма современной жизни, материться нестыдно / profanity is the norm of modern life, there is no shame in swearing	«пранк» – это хороший способ повеселиться / "prank" is a good way to have fun	сегодня в сети главное хайпнуть / today's network is all about hype	кто сильнее – тот и прав / who is stronger is right	закон надо уметь обходить / you have to know how to get around the law	«троллинг» – это норма общения, троллигть допустимо / 'Trolling' is the norm of communication, trolling is acceptable	буллинг допустимы, если человек неприятен / Bullying is acceptable if the person is unpleasant						
23,5	26,1	17,5	30,8	27,6	45,2	45,2	30,8	37,1	39,6	45,0	30,8	44,8	41,3	28,4
32,4	32,4	53,8	36,7	36,8	46,7	46,7	41,7	43,7	43,4	50,0	36,3	21,8	39,6	39,6
37,1	37,5	45,0	37,5	43,7	44,8	44,8	35,6	43,4	43,7	58,1	51,6	32,5	37,8	37,8
43,7	43,4	50,0	46,7	44,8	51,6	51,6	34,5	32,4	37,5	29,0	29,0	35,6	38,7	38,7
24,4	30,0	36,3	30,8	21,8	41,7	41,7	9,2	32,4	30,8	38,7	38,7	35,6	33,1	33,1
32,4	37,5	47,5	41,7	35,6	37,3	37,3	13,3	27,2	30,8	27,5	27,5	34,5	9,7	9,7
7,5	11,4	27,5	32,5	9,2	13,3	13,3								

Как видно из Таблицы 1 во взаимосвязи с отклоняющимися смыслами в культурном пространстве молодежи инструментальные значения труда превалируют над терминальными значениями. Особенно сильно данная связь прослеживается между инструментальной характеристикой труда - общением и отклоняющимися смыслами, характеризующими взаимодействия с другими людьми, в частности отсутствием сострадания к неудачнику (45,2%), допустимостью розыгрышей в форме пранка (45,2%), физического превосходства над оппонентом (51,6%), оправдания нарушения коммуникации в форме троллинга (38,7%) и желанием прославиться в сети в форме хайпа (58,1%). Вынужденная необходимость, как инструментальная составляющая смысла труда пересекается со смыслом о допустимости разных способов заработка денег (77,5%). При этом такие отклоняющиеся смыслы, когда мат воспринимается как норма общения, а закон надо уметь обходить и оправдывается буллинг, как способ коллективной травли жертвы сильнее всего связаны с терминальным смыслом труда – вынужденной необходимостью: 53,8%, 47,5% и 27,5% соответственно.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в сфере труда выбор в пользу девиантных образцов в молодежной среде обусловлен в большей степени инструментальным отношением к труду. Выстраиванию общения также способствуют розыгрыши, шутки над коллегами, когда, по сути, рабочий процесс превращается в зону развлечения, где есть возможность доказать свое превосходство над остальными и прославиться в сети. В этом случае работа превращается в игровое пространство, сценарий игры конструирует сам молодой человек. С точки зрения молодых людей, которые выбирают подобное отношение к работе, люди, которые не смогли добиться успеха в жизни – неудачники, к которым не нуждаются в сострадании, поскольку они не смогли своевременно оценить преиму-

щества современного рабочего пространства, в котором границы между работой и развлечением стираются. Ввиду чрезмерной занятости по основному месту работы у современного молодого человека остается мало свободного времени для отдыха, развлечения, построения межличностных, партнерских отношений. Однако, наиболее предпримчивые все эти недостатки с лихвой компенсируют в работе, превращая ее в игровой квест.

Инструментальное отношение к работе как вынужденной необходимости обуславливает выбор молодым человеком в пользу принятия различных способов зарабатывания денег, в том числе и криминальных. В этом случае содержание самой работы отходит на второй план, а на первый выходит количество заработанных денег.

Терминальное отношение к труду, когда труд рассматривается как внутренняя потребность, усиливает выбор молодого человека в пользу отклоняющихся образцов социальных взаимодействий, построенных на эмоциональной экспрессии, когда обсценная лексика становится инструментом продвижения своего личного влияния в трудовом коллективе. Когда заходит речь о труде как внутренней потребности, то для некоторых молодых людей умение обходить закон становится важной лазейкой в построении своего проекта, бизнеса, поскольку бюрократические препоны могут ограничить его возможности в самопродвижении. Наконец, желание закрепиться на рабочем месте, где ты ощаешь внутреннюю потребность своего присутствия, может подтолкнуть молодого человека в пользу выбора коллективной травли своего конкурента, что рассматривается как вынужденная мера сохранения себя в трудовом коллективе.

В современной этике труда россиян переплелись характеристики, связанные с влиянием православной и протестантской культур, старообрядчества и советского периода развития общества. При этом важными трудовыми качествами, поощряемыми в рамках современной рыночной

тики труда, выступают трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду, ответственность, бережливость. К качествам, которые не относятся к современной этике труда, следует отнести в первую очередь стремление к собственному обогащению любыми возможными способами и выбор в пользу нечестных способов заработка. Присутствие данных характеристик в образе труда молодых россиян отражает проблемные аспекты трудовой этики российского общества. Выбор в пользу отклоняющихся смыслов во многом связан с трудовыми качествами, которые присущи современному молодому поколению, некоторые представители которого могут критично относиться к современной этике труда. Данное положение нашло свое выражение в форме вопросам «В какой мере перечисленные качества присущи в трудовых отношениях представителям Вашего поколения?». Перечисленные качества интерпретировались как этические нормы отношения к труду. В Таблице 2 учитывались только значения ответов по отклоняющимся смыслам «Согласен» и «Скорее согласен», а по трудовым качествам, присущим молодому поколению, учитывалось только значение «В полной мере».

Обращает на себя внимание то, что у большинства отклоняющихся смыслов прослеживается взаимосвязь с качеством «Принцип каждый за себя»: для смысла «В нашем мире правят деньги, и неважно, как они заработаны» – 77,5%, для смысла «Сегодня в сети главное хайпануть» (46,5%), «Закон надо уметь обходить» (41,5%), для смысла «Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно» (39,7%), для смысла «Кто сильнее – тот и прав» (32,2%). Заметно выше данные значения и у смыслов про отсутствие сострадания к неудачнику (31,3%), троллинг как норму общения (35,2%) и буллинг (13,3%). Полученные данные свидетельствуют о том, что выбор в пользу отклоняющихся образцов в культурном пространстве молодежи в больше степ-

пени связан с отрицанием в некоторых молодежных группах традиционной этики труда россиян. Данные образцы встраиваются в механизм саморегуляции девиантного поведения благодаря поддержке в молодежной среде утилитарных аспектов труда, основанных на веру в безжалостную конкуренцию, корыстном отношении к другим людям и нежелании поддерживать слабых. Из этого следует, что дальнейшее укоренение отклоняющихся смыслов в регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде в сфере труда будет напрямую связано с усиливающимися процессами прагматизации в отношении к труду, как ценности. При этом бережливость, как трудовое качество, присущее традиционной этике труда молодых россиян, постепенно дополняется новыми значениями, при котором расчетливость и экономность в отношении к финансовым ресурсам в сфере труда.

В процессе саморегуляции девиантного поведения молодежи в сфере труда отклоняющиеся образцы поддерживаются в различных формах занятости, отражающих существующее разделение в сфере труда. Возникают разные социальные ситуации, влияющие на выбор человеком данных образцов. Выбор профессии влияет на характер деятельности и тип предприятия, на котором будет трудиться молодой человек. Данный выбор тесно связан с реальными интересами данного молодого человека. В таких ситуациях ориентация на девиантные образцы корректируется под влиянием сложившихся условий, возникающих, с одной стороны, противоречий по месту работы, связанных с противоречиями с руководством, с коллегами по коллективу и т.д., а с другой, в связи с открывающимися возможностями обкатки инновационных подходов. Следование определенным образом зависит от производственных условий на разных типах предприятий (государственное, муниципальное, частное, смешанное) и характера труда (умственный или физический).

Таблица 2

Взаимосвязь отклоняющихся смыслов в культурном пространстве молодежи с качествами, присущими в трудовых отношениях

Table 2

The relationship between deviant meanings in the cultural space of young people and the qualities inherent in labour relations

Качества, присущие в трудовых отношениях / Qualities inherent in labor relations	Связь с отклоняющимися смыслами, в % / Relationship to deviant meanings, in %									
	72,6	23,4	30,2	37,4	42,3	25,4	33,9	27,5	11,8	
трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду / hard work, honest, conscientious attitude to work	72,6	23,4	30,2	37,4	42,3	25,4	33,9	27,5	11,8	
взаимопомощь, поддержка друг друга / mutual aid, supporting each other	69,9	23,1	29,3	38,1	41,4	23,7	34,3	26,0	9,1	
ответственность / responsibility	71,6	23,2	29,7	37,4	42,1	26,3	34,4	25,6	10,2	
бережливость / lean	71,0	23,8	31,0	39,0	41,9	24,4	32,7	23,5	9,2	
принцип каждый за себя / the principle of every man for himself	77,5	31,3	39,7	38,5	46,5	32,2	41,5	35,2	13,3	
чувство свободы и независимости ни от кого / a sense of freedom and independence from no one	72,9	26,5	35,3	38,2	43,9	23,9	36,2	28,3	9,1	
дисциплинированность / discipline	71,4	24,4	28,6	39,0	40,0	24,2	32,6	24,4	8,7	

Таблица 3

Взаимосвязь отклоняющихся смыслов в культурном пространстве молодежи с факторами занятости в различных типах предприятий и с характером труда

Table 3

Relationship of deviant meanings in the cultural space of young people with employment factors in different types of enterprises and with the nature of work

Фактор занятости (сфера производства, характер труда, форма собственности) / Employment factor (field of production, nature of labor, form of ownership)	Связь с отклоняющимися смыслами, в % / Relationship to deviant meanings, in %									
	в нашем мире правят деньги, и неважно, как они заработаны / in our world, money rules, no matter how it is earned	неудачник не заслуживает сочувствия и сострадания - сам виноват / the loser deserves no sympathy and compassion - his own fault	мат – это норма современной жизни, матиться нестыдно / profanity is the norm of modern life, there is no shame in swearing	«пранк» – это хороший способ повеселиться / "prank" is a good way to have fun	сегодня в сети главное хайпануть / today's network is all about hype	кто сильнее – тот и прав / who is stronger is right	закон надо уметь обходить / you have to know how to get around the law	«Троллинг» – это норма общения, тролить допустимо / 'Trolling' is the norm of communication, trolling is acceptable	Буллинг допустимы, если человек неприятен / Bullying is acceptable if the person is unpleasant	
общее распределение / overall distribution	75,1	26,0	34,0	36,2	43,4	29,0	37,6	27,8	10,0	
материальное / material	79,6	32,5	37,4	38,9	43,8	35,1	44,5	35,1	14,0	
духовное / spiritual	69,5	17,8	27,1	31,4	39,8	19,5	27,1	25,4	8,5	
социальное обслуживание / social services	77,5	22,5	38,3	35,8	41,7	29,2	35,0	30,0	10,0	
распределение и обмен / distribution and exchange	74,7	28,8	34,9	37,7	49,3	32,9	42,5	22,6	8,9	
умственный / mental	71,0	26,9	31,7	33,9	42,5	26,9	35,8	26,1	11,6	
физический / physical	82,1	28,2	38,3	41,9	46,1	35,1	43,5	33,4	10,4	
государственное, муниципальное / state, municipal	67,8	17,5	24,6	28,7	36,8	17,5	26,9	19,9	4,1	
частное / private	78,1	30,5	37,5	40,6	46,6	35,1	44,0	32,0	13,0	
смешанное / mixed	76,0	29,6	36,6	36,6	43,7	29,6	39,4	25,4	9,9	

Социально-ситуационные аспекты ориентации на отклоняющиеся смыслы проявляются и в принадлежности к разным

социальным группам. Данные аспекты выступают в качестве основных социально-ситуационных характеристик отношения к отклоняющимся смыслам.

Анализ Таблицы 3 демонстрирует, что отклоняющиеся смыслы по-разному воспринимаются в разных социальных ситуациях, возникающих на предприятиях разного типа и в зависимости от характера труда.

Занятость в сфере материального производства в наибольшей степени способствует одобрению следующих отклоняющихся смыслов: «Кто сильнее – тот и прав» (35,1% против 29,0% в общем распределении), «Неудачник или человек, не достигший успеха в жизни, не заслуживает сочувствия и сострадания, сам виноват» (32,5% против 26,0% в общем распределении), «Закон надо уметь обходить» (44,5% против 37,6% в общем распределении), ««Троллинг» – это норма общения, троллить допустимо» (35,1% против 27,8% в общем распределении) и «Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустимы, если человек неприятен» (14,0% против 10,0% в общем распределении). Это не означает, что в сфере материального производства преобладают работники, ориентированные на исключительно на девиантные практики. Из полученных данных следует, что в сфере материального производства создаются ситуации для одобрения отклоняющихся смыслов, что свидетельствует скорее о недовольстве значительной части работников содержанием труда в данной сфере вследствие несправедливой финансовой оценки их деятельности, нечестной конкуренции работников на предприятиях, преимущественно рутинного и монотонного характера выполняемой работы.

Это подтверждается анализом отклоняющихся смыслов в зависимости от характера труда. Среди занятых преимущественно физическим трудом значения одобрения многих отклоняющихся смыслов, выше, чем в группе занятых преимущественно умственным трудом (среднее значение соответственно 39,1% против 34,3%). Среди занятых в сфере физического труда существенно выше значения одобрения отклоняющихся смыслов: «В нашем

мире правят деньги, и неважно, как они заработаны» (82,1% против 71,0% среди занятых умственным трудом) «Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно» (38,3 % против 31,7%), «Пранк» (розыгрыш) – это хороший способ повеселиться, и не надо его стесняться...» (41,9% против 33,9% в общем распределении), «Кто сильнее – тот и прав» (35,1% против 26,9%), «Закон надо уметь обходить» (43,5% против 35,8%). При этом среди занятых преимущественно умственным трудом значения смысла «Буллинг (насмешки, издевательства, травля) допустимы, если человек неприятен» выше, чем среди занятых физическим трудом (11,6% против 10,4% среди занятых физическим трудом).

В сфере социального обслуживания только значение смысла «Мат – это норма современной жизни, материться не стыдно» заметно выше (38,3%), чем в общем распределении (34,0%). Данные свидетельствуют о том, что оказание помощи другим людям воспринимается сами работниками как стрессовая сфера, в которой эмоциональность приходится выражать таким образом. А в сфере распределения и обмена заметно выше, чем в общем распределении значение смысла «Сегодня в сети главное хайпануть» (49,3% против 43,4% в общем распределении). Это означает, что все больше молодых работников в сфере торговли, оказания услуг, финансово-банковской и посреднической деятельности рассматривают популярность в интернете как эффективный источник самоподвижения, поскольку именно сфера распределения и обмена сегодня больше других зависит от сетевых интернет-платформ.

Заключение (Conclusions). Таким образом, в сфере труда в процессе саморегуляции девиантного поведения молодежи противоречие между культурными и социальными основаниями выражается в складывании гибридных форм, сочетающих элементы инструментальной мотивации в отношении к труду с терминальной мотивацией и сужением возможностей для саморе-

ализации в некоторых сферах труда, в частности в сфере материального производства. В социальной реальности молодежи образ труда наполняется признаками, которые, с одной стороны, отражают стремления молодых людей поставить в центр внимания свои сиюминутные интересы, не связанные напрямую с содержанием трудовой деятельности, с другой стороны, они связаны с желанием подстроить под себя открывающиеся в сфере труда возможности, привнести элементы творчества, свободы действий, тем самым повышая свой интерес к содержанию трудовой деятельности. Вследствие этого отношение к труду наполняется новыми смыслами, связанными одновременно и с открывающимися новыми способами зарабатывания денег и наполнением времени, затраченного на выполнение трудовых обязанностей, конкурентной борьбой, развлечением, стигматизацией слабых, желанием выделиться в коллективе и построить личные отношения.

В ходе проведенного анализа были изучены взаимосвязи между смысловыми девиациями и качествами, присущими в трудовых отношениях. В тех трудовых организациях, где среди работников поддерживается принцип «каждый сам за себя», молодые работники готовы чаще делать выбор в пользу суждений, отражающих смысловые девиации. С целью недопущения эрозии трудовых отношений в молодежных коллективах необходимо своевременное внедрение механизмов в социальной политике, направленных на поощрение взаимной поддержки, трудолюбия, ответственности среди работников. Это позволит снизить риски, связанные с девальвацией ценности честного, самоотверженного труда в молодежной среде.

Список литературы

Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции, 27-28 октября 2015 года. М.: Общество

с ограниченной ответственностью «Научная мысль», 2015. С. 173-189.

Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Юридическое издательство «Норма», 2020. 304 с.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 38-59.

Зубок Ю. А. Чупров, В. И., Любутов, А. С., Сорокин О. В. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79-98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Любутов А. С., Сорокин О. В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23-36. DOI: 10.31857/S013216250014766-5.

Луков Вал. А. Информационное общество и молодежь: монография. Москва: Московский гуманитарный университет, 2014. 160 с.

Сорокин О. В. Конструирование смыслов в саморегуляции отклоняющегося поведения молодежи // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.]. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпикентер, 2021. С. 92-105.

Чупров В. И. Отношение к труду в изменяющейся социальной реальности // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. № 1 (17), 2014. С. 10-18.

Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления. Теоретические основы: Учебник. М.: РУДН, 2011. 172 с.

Чупров, В. И., Зубок, Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования. Москва: Юридическое издательство «Норма», 2014. 352 с.

Шендрик А. И. Социология культуры: учеб. пособие для студентов М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 495 с.

References

Zubok, Y. A. (2015), "Youth in a changing social reality: the problem of self-regulation of

choice”, *Man before choice in the modern world: problems, opportunities, solutions: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, Scientific Thought Limited Liability Company, Moscow, Russia, 173-189. (In Russian)

Zubok, Y. A. (2020), *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life activity], Norma, Moscow, Russia, 304. (In Russian)

Zubok, Y. A., Chuprova, V. I., Sorokin, O. V. (2021), “Meaningful self-regulation of youth's life activity: gender differences in the sphere of work”, *Woman in Russian society*, (5), 38-59. (In Russian)

Zubok, Y. A. Chuprova, V. I., Lyubutov, A. S., Sorokin, O. V. (2021), “Life positions of young people: the meaningful basis of formation”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, 12 (3), 79-98. (In Russian)

Chuprova, V. I., Zubok, Y. A., Lyubutov, A. S., Sorokin, O. V. (2021), “Self-regulation of youth life activity: structural and taxonomic modeling”, *Sociological Studies*, (10), 23-36. (In Russian)

Lukov, Val. A. (2014), *Informacionnoe obshchestvo i molodezh'* [Information society and youth], Humanitarian University, Moscow, Russia, 160. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021), “Constructing meanings in self-regulation of youth deviant behaviour”, *Youth self-regulation: methodology and social practices*, Belgorod, Epicentrum LLP, 92-105. (In Russian)

Chuprova, V. I. (2014), “Attitudes to labor in a changing social reality”, *Bulletin of the Moscow State Humanitarian-Economic Institute*, (1), 10-18. (In Russian)

Chuprova, V. I., Osipova, M. A. (2011), *Sociologiya upravleniya. Teoreticheskie osnovy* [Sociology of Management. Theoretical Foundations], RUDN, Moscow, Russia, 172. (In Russian)

Chuprova, V. I., Zubok, Y. A., Romanovich, N. A. (2014), *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya* [Attitudes towards social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation], Norma, Moscow, Russia, 352. (In Russian)

Shendrik, A. I. (2017), *Sociologiya kul'tury* [Sociology of Culture], UNITY-DANA, Moscow, Russia, 495. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 08 июня 2022 г.

Поступила после доработки 31 августа 2022 г.

Принята к печати 11 сентября 2022 г.

Received 08 June 2022. Revised 31 August 2022.

Accepted 11 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Сорокин Олег Владимирович, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Oleg Vladimirovich Sorokin, Senior Researcher, Center for Youth Sociology, Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES***Статья молодого ученого*

УДК 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7

Благорожева Ж. О.**Семейные стратегии региональной молодежи**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
blagorozheva@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях современной экономической и политической трансформации для молодежи начинают транслироваться альтернативные семейные, брачные и репродуктивные установки. Данные изменения прямо коррелируют с отказом от традиционных семейных ценностей, стремлением к самореализации, карьерному росту и последующему отложенному деторождению. Такие ценности активно популяризируются как «правильная и удобная» модель поведения. Насколько результативна такая популяризация новых установок и как меняются семейные жизненные стратегии молодежи – важный вопрос с позиции демографии и национального менталитета. Целью научной статьи является изучение и анализ семейных стратегий региональной молодежи в условиях современных ценностных трансформаций. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного среди молодежи Белгородской области (метод сбора информации – анкетный опрос). В ходе исследования были выявлены представления респондентов о семье, браке, детях, формировании семейных стратегий и их соотношении с другими жизненными стратегиями (миграционными и карьерными). Были определены тенденции в изменении восприятия института семьи в сознании молодежи, которые определяется прежде всего более лояльным отношением к нетрадиционным формам брачно-семейных отношений, сменой консервативных представлений о распределении семейных ролей, стремлением к различным формам самореализации вне семейных отношений.

Ключевые слова: молодежь; семья; брачность; брачное поведение; репродуктивное поведение; семейные стратегии; самореализация

Научный руководитель: Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Информация для цитирования: Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7.

Article by a young scientist

Zhanna O. Blagorozheva | Family strategies of regional youth

Belgorod state national research university
308000, bld. 78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, Russia
blagorozheva@bsu.edu.ru

Abstract. In the conditions of modern economic and political transformation, alternative family, marriage and reproductive attitudes are beginning to be broadcast to young people. These changes are directly correlated with the rejection of traditional family values, the desire for self-realization, career growth and subsequent delayed childbearing. Such values are actively promoted as a “correct and convenient” model of behavior. How effective is such a popularization of new attitudes and how the family life strategies of young people are changing is an important issue from the standpoint of demography and national mentality. The purpose of the article is to study and analyze the family strategies of regional youth in the context of modern value transformations. The article presents the results of a sociological study conducted among the youth of the Belgorod region (the method of collecting information is a questionnaire survey). The study revealed respondents' ideas about family, marriage, children, the formation of family strategies and their relationship with other life strategies (migration and career). Trends in the change in the perception of the institution of the family in the minds of young people were identified, which are determined primarily by a more loyal attitude to non-traditional forms of marriage and family relations, a change in conservative ideas about the distribution of family roles, and the desire for various forms of self-realization outside family relations.

Keywords: youth; a family; marriage; marital behavior; reproductive behavior; family strategies; self-realization

Scientific adviser: Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University.

Information for citation: Blagorozheva, Z. O. (2022), “Family strategies of regional youth”, Research Result. Sociology and management, 8 (3), 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7.

Введение (Introduction). Социальные стратегии современной молодежи являются актуальным объектом для практики социологических исследований. Погружение в поведенческие модели, жизненное целеполагание и ценностные смыслы в принятии жизненного выбора дает информацию не только для оценки статических диспозиций и результатов социализации молодежи (Шаповалова, Заводян, 2021; Шаповалова, 2021b), но и для установления разномасштабного прогноза показателей всех социально-экономических систем. Одной из важнейших социальных стратегий в этом

плане является стратегия брачного и семейного поведения – ее актуальность с позиции демографического планирования не уступает актуальности в контексте изучения индикаторики толерантности и резистентности к влиянию процессов вестернизации, гендерной свободы, гендерного выбора и т.д. – всех тех факторов, которые способны трансформировать конструкт и даже институт современной семьи.

В последние годы под влиянием как внешних, так и внутренних факторов возрастает лояльность к новым формам брака. Традиционные отношения и многодетная

семья, которая является необходимым условием воспроизведения населения из расчёта три ребенка на семью, уходят как ориентир на задний план, освобождая место для карьеры, неофициального брака, нетрадиционных форм отношений. Данные трансформации находят отклик среди молодежи, так как благодаря данным социальным институтам молодые люди могут чувствовать себя свободнее, авторитетнее, популярнее, включаясь или создавая в том числе новые референтные группы.

Несмотря на то что, существует устоявшееся мнение большей вестернизации мегаполисов и консервативности провинции (в том числе и в отношении семейных установок молодежи), мы не можем отрицать, что экономические, культурные, социальные и политические институты, может быть с меньшей скоростью, но также воздействуют и на взгляды провинциальной молодежи – это показывают результаты региональных исследований, где растет количество молодежи склонных к чайлдфри, повышается желательный брачный возраст, увеличивается толерантность к свободным и альтернативным отношениям. Тиражирование свободных взглядов на семью в СМИ и сети Интернет, экономический кризис, изменение геополитической ситуации заставляет молодых людей задумываться не о продолжении рода, а об экономической стабильности и выживании.

Изучение основных потребностей молодых людей, а также восприятия семьи как важнейшего института сохранения общественной стабильности, позволит выделить и проанализировать семейные стратегии современной молодежи, определить насколько сильно трансформировался институт брака и семьи в ее сознании и оценить фатальность или оптимистичность ситуации.

На основании этого целью данной статьи является изучение и анализ семейных стратегий региональной молодежи в условиях современных ценностных трансформаций.

Методология и методы (Methodology and methods). Семейные стратегии и брачное поведение являются элементом демографического поведения молодежи, которое достаточно популярно в качестве объекта исследования. Стоит отметить, что в поле изучения попадают не только особенности, типичные черты и различия демографического поведения молодежи, но и его отдельные структурные элементы. В рамках демографического поведения изучается матримониальное поведение молодежи (Ростовская, 2015, Миронова, 2016), миграционные стратегии (Чернышева, 2021, Сигарева, Сивоплясова 2022), самосохранительное поведение (Ростовская, Шабунова, Князева, 2020). Однако базисом демографического поведения, его основным структурным компонентом, в восприятии большинства ученых, все же являются семья и семейные стратегии молодёжи. Сложность в изучении данного вопроса здесь добавляет то, что семейные стратегии тесно связаны со всеми компонентами демографического поведения, а также с другими социальными стратегиями, например, трудовыми, где приоритет ценностей и ролевое распределение позволяет установить или нарушить баланс между этими двумя сферами (Шаповалова, 2021а); миграционными, где брачный выбор и устремления являются как причиной роста миграции, так и причиной ее снижения.

Основной пласт научных работ посвящён именно особенностям и динамике, трансформации семейных ценностей молодежи, в этом отношении стоит отметить работы Ю. С. Галынской, Н. А. Коростелевой (Галынская, Коростелева, 2020). Изучением трансформации института семьи занимаются Т. А. Гурко (Гурко, 2020), Н. Е Браженская, М. М. Османов (Браженская, Османов, 2021). К сожалению, в ходе такого анализа процесса трансформации институт семьи, некоторые авторы отмечают, что произошли не просто изменения в структуре и функционировании данного института, а произошла его частичная деградация (Палухина, 2016).

В контексте нашей статьи и ее задач по определению места семьи как ценности в общем ценностном ряду, особенно актуальным является исследование авторского коллектива Е. А. Захаровой, О. А. Карабановой, Ю. А. Старостиной, в котором рассматриваются жизненные планы молодых девушек относительно совмещения семейной жизни и профессиональной карьеры (Захарова, Карабанова, Старостина, 2020). В данной статье установлено, что современные девушки не готовы отказываться от семьи в пользу карьеры, а первостепенная ориентация на профессиональную карьеру обусловлена подготовкой материальной базы для будущей семьи. В продолжение этого дискурса аспектам первостепенного выбора карьеры или семьи посвящены работы И. П. Назаровой, М. П. Зеленской (Назарова, Зеленская, 2020), И. А. Савченко, Ю. В. Козовой (Савченко, Козлова, 2020). Данные исследования интересны тем, что авторы изучают гендерные аспекты восприятия партнеров, как в семейной, так и в карьерной сфере.

В целях изучения процесса трансформации и восприятия института семьи современной молодежью в 2021 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено социологическое исследование «Семейные стратегии региональной молодежи» в общем цикле изучения социальных стратегий молодежи региона. Исследование проводилось методом массового онлайн опроса. Объектом исследования стала молодежь Белгородской области в возрасте от 17 до 35 лет ($N=3006$), ошибка выборки составила 3,67%, исследование было репрезентативно по полу, возрасту, типу поселения и группам молодежи (учащаяся, студенческая и работающая молодежь).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исследование показало, что, хотя тенденции к выбору традиционной модели семьи сохраняются (45%), среди более трети респондентов все же превалирует мнение, что модель семьи каждый человек выбирает индивидуально и это личное дело каждого (39%), что свидетельствует об определенной институциональной свободе и лояльности к гендерной трансформации общества и института семьи в целом. Кроме того, есть респонденты, которые первостепенно выбирают для себя саморазвитие и карьеру (11%), либо вообще не рассматривают создание семьи как что-то серьезное и необходимое событие в своей жизни (5%). В связи с этим мы можем говорить от том что Белгородская молодежь, несмотря на свою провинциальность, разделилась уже на неравные части и только менее половины сохраняет ориентацию на традиционные семейные ценности (рис. 1).

Одним из главных вопросов, связанных с изучением семейных стратегий молодежи является намерение молодых людей заключить брак. Чтобы состояться в жизни и быть счастливым человеком обязательным условием заключение брака стало лишь для половины респондентов (51,3%). Важной характеристикой брака является вступление в союз мужчины и женщины, следовательно, мы не можем точно утверждать, что данный вариант ответа выбрали все респонденты, желающие жить в законном браке. Часть респондентов, поддерживающие нетрадиционные брачные отношения, могли и не попасть в данную категорию, вероятнее всего для такой категории людей брачный союз желателен (29,9%) или вовсе не обязательен (18,8%). Также необязателен брачный союз и для респондентов, нацеленных на самореализацию и карьеру.

Я считаю, что семья для человека не обязательна - зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I believe that a family is not obligatory for a person - why these frameworks, obligations, formalities?

Я считаю, что семья, конечно важна, но личность, ее саморазвитие - важнее / I think that family is important, of course, but personality, its self-development is more important

Я считаю, что семья - это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить - дело каждого / I believe that family is very important, but what to consider a family and with whom to start it is everyone's business

Я за традиционные семейные ценности: семья - это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and this is the most important thing

5

11

39

45

Рис. 1. Восприятие семьи в сознании молодежи
Fig. 1. Perception of families in the emotions of young people

Рис. 2. Насколько важно для вас в будущем вступить в брак (где «обязательно» значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия).

Fig. 2. How important is it for you to get married in the future (where “mandatory” means that you will not consider yourself fulfilled in life without this condition)

В плане семейных стратегий молодежи мы видим интересную картину (Таблица 1).

Полюсной выбор семейных диспозиций демонстрирует амбивалентность отношений

молодежи к раннему (в международном понимании) браку – так 46% отдают предпочтению узакониванию отношений до 25 лет, соответственно 54% предпочитают отложить этот момент на более поздний срок. Появившейся перевес в этом вопросе подчеркивает развитие западных тенденций в семейных традициях региональной молодежи.

Только 24,6% отмечают необходимость мононациональной семьи. Большинство молодых людей показывает нам своим выбором национальную толерантность. Несколько смещенный результат получен относительно религиозного баланса в семье – однако, также большинство (62,2%) отмечают

не принципиальность монорелигиозности супругов, тем самым добавляя религиозную толерантность региональной молодежи в общую картину ее брачной свободы.

Говоря об иллюзии консервативности взглядов провинциальной молодежи, стоит их развеять – 83,8% не считают нужным придерживаться консервативных взглядов на функциональное распределение среди супружей, и считают мир и согласие единственными причинами сохранения семьи. Менее 20% молодежи выбирают совместное проживание с пожилыми родителями и вариант расширенной семьи, 81,4% не планируют жить с родителями ни в каком возрасте, предпочитая самостоятельность.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос «Обозначьте свои убеждения по поводу семейной жизни, выбрав одну из двух позиций?»

Table 1

Respondents' answers to the question "Designate your beliefs about family life by choosing one of the two positions?"

46%	Стоит обзаводиться семьей до 25 лет / It is worth acquiring a family before the age of 25	54%	Не стоит обзаводиться семьей до 25 лет / Don't start a family before the age of 25
24,6%	Необходимо чтобы супруги были одной национальности / Spouses must be of the same nationality	75,4%	Супруги не обязательно должны быть одной национальности / Spouses do not have to be of the same nationality
37,8%	Необходимо чтобы супруги были одной религии / Spouses must be of the same religion	62,2%	Супруги не обязательно должны быть одной религии / Spouses do not have to be of the same religion
18,6%	Желательно жить вместе с пожилыми родителями / Preferably living with elderly parents	81,4%	Желательно, чтобы родители в любом возрасте жили отдельно / It is desirable that parents at any age live separately
40,8%	Оба супруга обязательно должны работать / Both spouses must work	59,2%	Если доходы позволяют, один из супружей может заниматься хозяйством / If income allows, one of the spouses can take care of the household
16,2%	Функции жены – готовить, убирать, воспитывать детей, мужа – тяжелая работа по хозяйству, обеспечение семьи / The functions of the wife are to cook, clean, raise children, the husband is hard work around the house, providing for the family	83,8%	Не нужно придерживаться консервативных взглядов на функции супружей / No need to adhere to conservative views on the functions of spouses
19%	Семью надо сохранять в любом случае, особенно ради детей / The family must be preserved in any case, especially for the sake of children	81%	Семью надо сохранять только в том случае, если в ней есть мир, согласие и любовь / A family must be preserved only if there is peace, harmony and love in it

Популярность набирает тенденция, характеризующаяся откладыванием или отказом от семьи в пользу карьеры. Это приводит не только к возрастанию брачного возраста, но и изменению возраста рождения первого ребенка, что косвенно влияет на снижение общего количества детей в семье. И предпосылки для этого скрыты в карьерных стратегиях молодых людей. Прежде всего мы видим их в распределении позиций «я все сделаю для своего карьерного роста» (43,4%) и «я хочу карьеру, но не готов чем-то жертвовать ради нее» (33,5%). Для оставшейся и наименьшей части респондентов карьера не представляет

Я много готов делать для своего карьерного роста, для меня это важно / I am ready to do a lot for my career growth, it is important for me

Я не против карьеры, но не считаю нужным ради нее чем-то жертвовать / I'm not against a career, but I don't think it's necessary to sacrifice something for it

Я не против карьеры, но не вижу возможности для своего роста (сейчас или в будущем) / I'm not against a career, but I don't see an opportunity for my growth (now or in the future)

Я считаю, что карьера не главное и не стремлюсь к карьерному росту / I believe that career is not the main thing and I do not strive for career growth

особой ценности и не является необходимостью. Однако, в данном случае, можно отметить, что большая часть респондентов, которые ориентированы на карьеру и готовы сделать все для карьерного роста, являются обучающимися школ и колледжей, взрослая часть респондентов (работающая молодежь) скорее не считает построение карьеры первой необходимостью. В связи с чем, можно сделать вывод, что карьера более значима для молодых людей, чем для взрослых, что безусловно еще может трансформироваться – в данном случае мы говорим скорее о возрастной динамике, нежели поколенческом портрете (Рисунок 3).

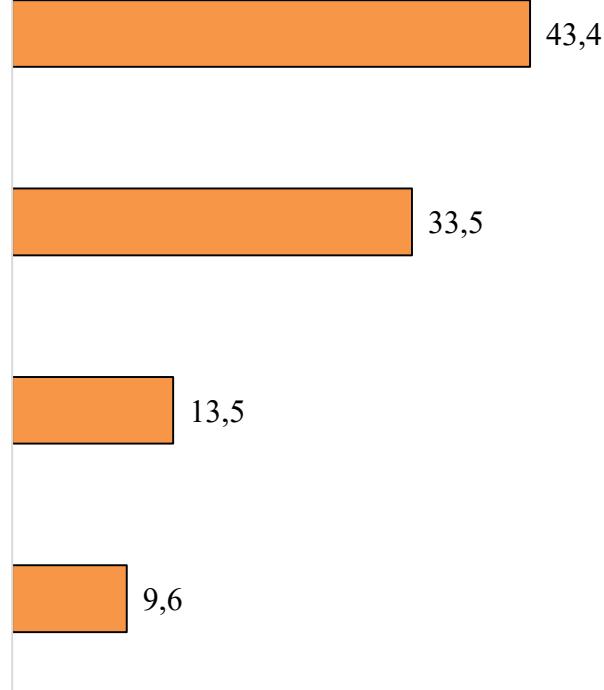
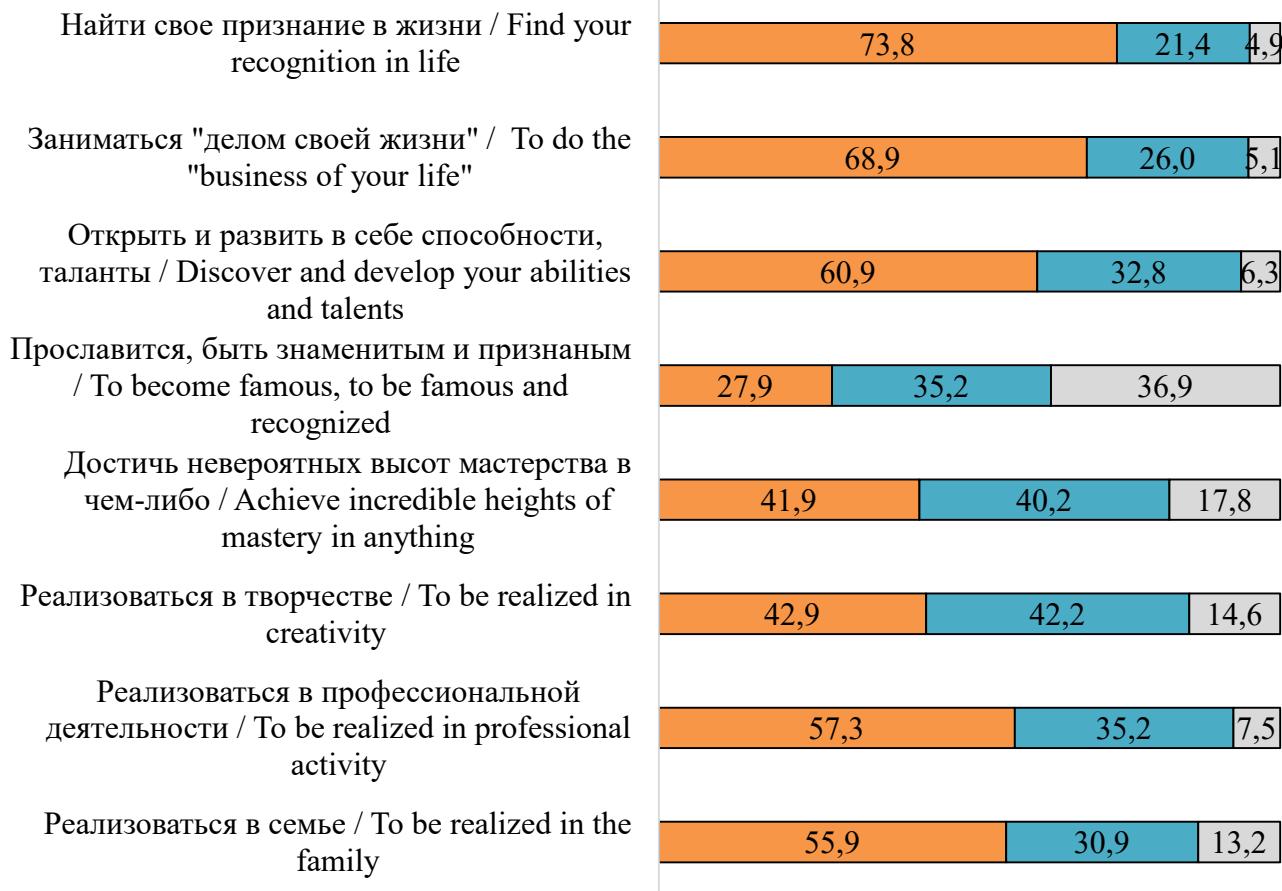

Рис. 3. Значение карьеры для Вас
Fig. 3. The meaning of a career for you

Жизненные выборы молодежи в рамках самореализационной стратегий четко показывают, что современное поколение региональной молодежи не ставить семью на первое место – приоритеты здесь связаны прежде всего с обязательным желанием найти свое призвание в жизни

(73,8%), заниматься делом своей жизни (68,9%), открыть способности и таланты (60,9%) (Рисунок 4). Вектора реализации в разных направлениях показывают очередьность ее для молодежи – реализация в профессии (57,3%), реализация в семье (55,9%), реализация в творчестве (42,9%).

■ Обязательно / Necessarily ■ Желательно /Preferably □ Не обязательно /Not obligatory

Рис. 4. Жизненные стратегии самореализации молодежи
Fig. 4. Life strategies of self-realization of youth

Репродуктивное поведение является частью семейных стратегий, но для современной молодежи мнение о необходимости детей в семье не самое распространенное. Определенно мы можем наблюдать снижение заинтересованности и потребности в детях среди региональной молодежи. Конечно, мы не можем говорить про превалирование отказа от рождения детей (чайлдфри), но и тенденции к многодетности по-прежнему не возникает. Деторождение, как и брачность, конкурирует с карьерными стратегиями, что приводит, в большинстве, случаев к снижению количества детей в семье.

Для молодежи Белгородской области характерна ориентация на малодетное ре-

продуктивное поведение. Так для большинства респондентов, чтобы быть счастливым и состоявшимся человеком, достаточно родить только одного ребенка. При этом для 20,4% рождение даже одного ребенка не является обязательным (см. Таблицу 2). Безусловно ориентация на малодетность приводит к социальным и демографическим рискам. Во-первых, для избежания попадания в демографическую яму, в каждой семье должно рождаться двое детей, с целью замещения двух родителей, чтобы численность населения в стране возрастала необходимо рожать три и более детей. В противоположном случае можно говорить и прогнозировать демографический кризис. Во-вторых, рассматривая социальный аспект, с уменьшением численности населения в

стране, уменьшается человеческий и социальный национальный капитал. В этом вопросе мы также рассчитываем на возрастную динамику – так, не обязательность рожде-

ния ребенка, как правило, становится выбором учащейся молодежи – по мере взросления этот выбор снижается в пропорции к другим.

Таблица 2

Репродуктивные установки молодежи Белгородской области

Table 2

Reproductive attitudes of the youth of the Belgorod region

Желаемое количество детей / Desired number of children	Обязательно / Necessarily	Возможно / Possible	Не обязательно / Not obligatory
Родить первого ребенка / Give birth to the first child	52,0	27,6	20,4
Родить второго ребенка / Give birth to a second child	29,0	33,3	37,7
Родить третьего ребенка / Give birth to a third child	10,3	21,3	68,4
Родить четвертого ребенка / Give birth to a fourth child	8,4	14,4	77,1

Отдельного внимание заслуживает рассмотрение связи факторов семейных и миграционных стратегий. Миграционные процессы могут как стимулировать брачность, так и снижать ее. В первом случае приток молодежи в страну или регион расширяет брачный круг и приводит к образованию новых супружеских пар. Во втором случае происходит обратная ситуация. Кроме, влияния миграция на брачность, можно заметить и обратную ситуацию, когда миграция происходит из-за вступления в брак, такой вид миграции называет брачной.

В результате исследования было выявлено, что большинство респондентов подвержены миграции и считают, что «поколы молод, можно легко менять место жительства, искать что-то лучшее» (64,1%) и «надо стремится в мегаполисы, крупные города, в провинции делать нечего» (17,8%). Эмиграция, как выбор, может быть важной для 22%, и лишь 24,9% молодежи отказываются от миграции, предпочитая оставаться в том регионе, где они родились. Около трети респондентов готовы сменить место жительства из-за вступления брак

(37,7%). Подверженность брачной миграции, безусловно скорее стимулирует создание семьи и улучшает демографическую ситуацию в стране, но только в том случае если речь идет о внутренней миграции (внутри одной страны). Поиск «зарубежного партнера» также выступает миграционным фактором, но повышает эмиграционные процессы, что нежелательно для нашего государства.

Говоря о традиционном восприятии семьи молодежью, в целом молодые люди области удовлетворены (44,5%) воспитанием традиционных семейных ценностей, но скорее не удовлетворены половым воспитанием молодежи (47,7%). Хотя на территории области идет активная и эффективная популяризация традиционных семейных ценностей, все же упущен из вида вопрос полового воспитания. Половое воспитание молодежи может способствовать не только профилактике разводов, нежелательной беременности, изнасилований, но и прививать традиционные семейные ценности, путем освещения важности разнополых сексуальных отношений.

Воспитание традиционных семейных ценностей / Education of traditional family values

Половое воспитание молодежи / Sexual education of young people

- Удовлетворен ситуацией / Satisfied with the situation
- Не удовлетворен ситуацией / Not satisfied with the situation
- Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer

Рис. 5. Выскажите свое отношение к существующей ситуации в вашем район/городе по следующим вопросам

Fig. 5. Express your attitude to the current situation in your district / city on the following questions

Для опрошенных респондентов развитие поддержки молодых семей в рамках реализации молодежной политики является приоритетным, так считает 53,2% опрошенных молодых людей. 26,1% подчеркнули, что также активно должно развиваться и направление молодежной политики по формированию у молодежи традиционных семейных ценностей. На основании этого мы еще раз убеждаемся, что в целом региональная молодежь ориентирована на создание семьи и заинтересована в популяризации семейных ценностей через механизмы государственной молодежной политики.

Заключение (Conclusions). Под влиянием современной трансформации общества изменяется и сознание молодежи. Новые мировые тенденции диктуют новую модель поведения, в рамках, которой семейные установки отличаются от традиционных даже, казалось бы, в самых консервативных регионах нашей страны. Провинциальная молодежь не может считаться носителем консервативных семейных ценностей – вестернизация формирует новый жизненный выбор, новую модель семьи.

Безусловно, на формирование семейных стратегий влияют и ценностные ориентации окружения, родительские установки,

однако, основным механизмом, регулирующим изменение брачно-семейных отношений все же, является «конфликт ценностей» жизненных стратегий. Экономические, карьерные, миграционные установки и диспозиции, выборы и планы оказывают весомое влияние на семейные стратегии. В большинстве случаев перед молодыми людьми стоит выбор между карьерой и семьей, наблюдаются тенденции приоритизации карьеры, откладывание вступления в брак и рождения детей.

Данные тенденции характерны и для молодежи Белгородской области. В ходе исследования было выявлено, что, безусловно, брак и семья являются важной составляющей жизни респондентов, но не стоят на первом месте, проигрывая карьерному и профессиональному росту, саморазвитию и самореализации. Только половина респондентов однозначно поддерживают традиционный брак (между мужчиной и женщиной), остальные проявляют широту взглядов и голосуют за свободу выбора в этом вопросе, несмотря на то, что в регионе достаточно хорошо поставлена популяризация и поддержка семейных ценностей, в том числе и через мероприятия государственной молодежной политики.

Поставив таким образом диагностические точки для региональной молодежи в этом вопросе, и выдвигая гипотезу о более яркой картине свободного выбора для молодежи мегаполисов, мы понимаем, что в отношении института семьи у российской молодежи происходит системная трансформация сознания, обусловленная, возможно, сменой общей парадигмы, восприятия семьи не как атTRACTора жизни, а как свободного выбора, желательного, но необязательного ресурса. Такая ситуация показывает нам риски, связанные как с отторжением общей стратегии государства, направленной на развитие традиционных семейных ценностей, превращение мероприятий стратегии в имитацию и государственный самообман; и, важнейшие национальные социально-экономические риски нарушения воспроизводства населения, о которых нам говорят российские демографы.

Список литературы

Браженская Н. Е., Османов М. М. Трансформация семейных ценностей в условиях цифрового общества // Образование и право. 2021. № 6. С. 126-131.

Галынская Ю. С., Коростелева Н. А. Особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи по отношению к семье, родине и современному обществу // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5. С. 43-48.

Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. № 1. С. 31-54.

Захарова Е. И., Карабанова О. А., Старостина Ю. А. Представленность семейной и профессиональной карьер в жизненных планах девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 203-209.

Миронова Ю. Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4(67). С. 106-112.

Назарова И. Б., Зеленская М. П. Приоритеты студентов российских вузов: обучение, семья, работа // Вестник РУДН. Социология 2020. № 4. С. 919-928.

Палухина Е. С. Угрозы демографической безопасности современной России // Юристъ – Правоведъ. 2016. № 3. С. 93-97.

Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Князькова Е. А. Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 6. С. 1275-1280.

Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С.46-52.

Савченко И. А., Козлова Ю. В. Мужчина и женщина в пространстве карьерного взаимо-восприятия // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. № 6. С. 31-53.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 1. С. 68-91.

Чернышева Н. С. К вопросу о социальной динамике миграционных процессов: мировые и общероссийские трансформации // Logos et Praxis. 2021. № 1. С.89-99.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // В книге: Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа, 2021. С. 25-45.

Шаповалова И. С. (а) Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 173-182.

Шаповалова И. С. (б) Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионалогия. 2021. Т. 29. № 4 (117). С. 902-932.

References

Brazhenskaya, N. E. and Osmanov, M. M. (2021), “Transformation of family values in a digital society”, *Education and Law*, (6), 126-131. (In Russian)

Galynskaya, Yu. S. and Korosteleva, N. A. (2020), “Features of value orientations of student youth in relation to the family, homeland and modern society”, *Society: sociology, psychology, pedagogy*, (5), 43-48. (In Russian)

Gurko, T. A. (2020), “Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institution”, *Sociological Journal*, (1), 31-54. (In Russian)

Zakharova, E. I., Karabanova, O. A. and Starostina, Yu. A. (2020), “Representation of family and professional careers in the life plans of girls

in the period of entry into adulthood”, *Pedagogical Education in Russia*, (6), 203-209. (In Russian)

Mironova, Yu. G. (2016), “Features of the matrimonial behavior of modern youth”, *Discussion*, (4), 106-112. (In Russian)

Nazarova, I. B. and Zelenskaya, M. P. (2020), “Priorities of students of Russian universities: education, family, work”, *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Sociology*, (4), 919-928. (In Russian)

Palukhina, E. S. (2016), “Threats to the demographic security of modern Russia”, *Yurist - Pravoved*, (3), 93-97. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. and Knyazkova, E. A. (2020), “Self-preserving behavior of Russians: assessing the state of health and the possibility of longevity”, *Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*, 28 (6), 1275-1280. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2015), “Features of the matrimonial behavior of Russian youth”, *Man in the world of culture*, (3), 46-52 (In Russian)

Savchenko, I. A. and Kozlova, Yu. V. (2020), “Man and woman in the space of career mutual perception”, *Russian Journal of Education and Psychology*, (6), 31-53. (In Russian)

Sigareva, E. P. and Sivopliasova, S. Yu. (2022), “Influence of external migration on marriage and birth rate in modern Russia”, *Research Result. Sociology and Management*, 8(1), 68-91. (In Russian)

Chernysheva, N. S. (2021), “To the question of the social dynamics of migration processes:

world and all-Russian transformations”, *Logos et Praxis*, (1), p.89-99. (In Russian)

Shapovalova, I. S. and Zavodyan, I. S. (2021), “Generation Z: values, dispositions and socialization results”, *In the book: Generation Z: diversity of identities, orientations, behavior*. Ufa, 25-45. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (a), (2021), “Career strategies of provincial youth”, *Social policy and sociology*, 140, 173-182. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (b), (2021), “Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth”, *Regionology*, 117, 902-932. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 16 июня 2022 г.

Поступила после доработки 23 августа 2022 г.

Принята к печати 05 сентября 2022 г.

Received 16 June 2022. Revised 23 August 2022.

Accepted 05 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Благорожева Жанна Олеговна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Zhanna O. Blagorozheva, Assistance Lecturer, Department of sociology and work with youth, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia.

Кублицкая Е. А.

**Динамика процесса пост/де/секуляризации среди
молодежных групп московского мегаполиса**

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия

eakubl@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируются мониторинговые показатели социологических исследований столицы России, характеризующие включенность молодежи в религиозные и секуляризационные процессы на протяжении последних 15 лет. В основу анализа положены данные мониторинга, проводимого Институтом социально-политических исследований и Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2008-2021 гг. Проблемная ситуация связана с тем, что предмет исследования находится на стыке взаимодействия двух изменяющихся субъектов – молодежи и общества, а также двух культур – светской и конфессиональной. Общая рамка методологии исследования определяется концептами пост/де/секуляризации. Направленность процесса пост/де/секуляризации молодежи определялась через фиксированную систему показателей, включающую: уровень традиционной религиозности и атеистичности молодежных групп; уровень «невоцерковленной», внеконфессиональной религиозности молодежи; динамику пост/де/секуляризации молодежных групп; включенность возрастных групп молодежи в культовую активность. Отмечается, что материалы социологических данных последних лет продолжают выявлять тенденцию постепенного снижения уровня традиционной религиозности и «воцерковленности» молодого поколения столичного мегаполиса. Культовая активность не превышает среди столичной молодежи 7-8%, тогда как у населения в целом она находится на уровне 10-11%. В то же время доля религиозной «внеконфессиональной» молодежи за пять лет возросла. В целом религиозная ситуация в молодёжной среде, как и в обществе, характеризуется размытие границ между религиозным и секулярным сознанием: снижением уровня и степени религиозности с повышением атеистических настроений. Было определено, что самые распространённые мотивы проявления культовой деятельности обусловлены не религиозными, а этнокультурными факторами. Исследователи на основании методолого-методических принципов фиксируют продолжение отрицательной динамики в развитии десекуляризации, констатируя восстановление процесса секуляризации молодежи московского мегаполиса.

Ключевые слова: церковь; религиозные организации; религия; конфессия; секуляризация; уровень и степень традиционной религиозности и атеистичности; «воцерковленность»; внеконфессиональная религиозность⁴ культовая активность; молодежные группы

Благодарность: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

Original article

Elena A. Kublitskaya

Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis

Institute of Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia

eakubl@yandex.ru

Annotation. This article analyzes the monitoring indicators of sociological studies of the capital of Russia, characterizing the involvement of young people in religious and secularization processes over the past 15 years. The analysis is based on monitoring data conducted by the Institute for Socio-Political Research and the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2008-2021. The problematic situation is related to the fact that the subject of research is at the intersection of the interaction of two changing subjects – youth and society, as well as two cultures – secular and confessional. The general framework of the research methodology is defined by the concepts of post/de/secularization. The orientation of the process of post/de/secularization of Moscow youth was determined through a fixed system of indicators, including: the level of traditional religiosity and atheism of youth groups; the level of "unchurched", non-confessional religiosity of youth; dynamics of post/de/secularization of youth groups; involvement of youth age groups in cult activity. It is noted that the materials of sociological data of recent years continue to reveal a trend towards a gradual decrease in the level of traditional religiosity and "church-mindedness" of the young generation of the capital metropolis. Cult activity among the capital's youth does not exceed 7-8%, while among the population as a whole it is at the level of 10-11%. At the same time, the share of religious "non-confessional" youth has increased over the past five years. In general, the religious situation in the youth environment, as well as in society, is characterized by blurring of the boundaries between religious and secular consciousness: a decrease in the level and degree of religiosity with an increase in atheistic sentiments. It was determined that the most common motives for the manifestation of cult activity are due not to religious, but to ethno-cultural factors. Based on methodological and methodological principles, researchers record the continuation of negative dynamics in the development of desecularization, stating the restoration of the process of secularization of the youth of the Moscow metropolis.

Keywords: church; religious organization; religion; denomination; secularization; level and degree of traditional religiosity and atheism; "churching"; non-confessional religiosity; cult activity, youth groups

Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity" (Order of the President of the Russian Federation No. PR-71 dated 16.01.2020).

Information for citation: Kublitskaya, E. A. (2022), "Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 103-115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

Введение (Introduction). Проблематика исследования процесса пост/де/секуляризации в светском обществе, воспроизведения религиозных и атеистических установок в молодежной среде является одной из наиболее актуальных, находясь на стыке взаимодействия двух изменяющихся субъектов – молодежи и общества, а также двух культур – светской и конфессиональной. Светская культура является источником формирования современного типа сознания, в то время как конфессиональная отвечает за воспроизведение традиционных установок. Усиление культурного и политического влияния религии в российском обществе, возвышение позиций Церкви, отмечавшееся на протяжении последних десятилетий, вносило существенные изменения в соотношение светского и религиозного в сознании современных молодых людей.

Процессы, которыми характеризуются эти изменения, описываются в терминах пост/де/секуляризации. Этот процесс протекает неоднозначно. Изменчивость, лабильность структур сознания молодежи и ее ориентаций, а также подвижность, наблюдаемая в отношении к религии и Церкви, вносят противоречивость в формирование и воспроизведение религиозности и атеистичности. С одной стороны, институты религии заняли прочное место в системе общественных отношений; с другой стороны, интерпретировать происходящие процессы как «религиозный бум» нет существенных оснований.

Как показывают исследования, с начала 2000-х годов снижение уровня религиозности, заметный рост критицизма и, как следствие, изменение оценки роли

Церкви и деятельности других традиционных религиозных организаций стали значимым трендом. Одна из причин этих изменений – идеализация религиозных организаций, высокие ожидания в их адрес в части возможностей переустройства жизнедеятельности россиян, включения в жизнь людей и оказания им помощи и поддержки. От религиозных организаций многие ждут массовой благотворительности, не обнаруживая которую, терпят разочарование.

Вторая причина – историческая, и связана с особенностями социализации, происходившей в условиях нарушенной еще в советское время преемственности православной религиозной традиции. Даже известный религиозный ренессанс 90-х годов осуществлялся в условиях секулярных общественных отношений. Поэтому и приобщение к религиозным традициям происходило крайне противоречиво. Во всех сферах доминировало секулярное сознание. А религия приняла на себя функцию «демонстративной идентичности», как способа отразить свою национально-культурную принадлежность.

Однако нельзя не признавать, что религия продолжает играть роль нравственного ориентира, причем не только для старшего поколения, но и для определенной части молодежи. Отчасти это связано с активным духовно-нравственным поиском, присущим молодежи, но в большинстве случаев так проявляется жажда новизны. Поиск «нового» молодежью происходит во всех сферах общественной жизни, в том числе и религиозной. Движимая инновационными установками, она принимает саму идею религиозности, но это не означает

следования каноническим традициям и интериоризацию ценностей, т.е. все то, что составляет основу так называемых «консервативных» конфессий. Молодое поколение переосмысливает религию и Церковь, изменяет мировоззренческие позиции в отношении взаимодействий Церкви и государства, роли и места религии в обществе, оппозиции религии и атеизма, конкретных религиозных идей и их сторонников. Причиной такого переосмысления становится несоответствие между социальной реальностью и объяснительными моделями, выдвигаемыми с религиозных позиций. Особенно это касается традиционных религий. Они не дают исчерпывающих объяснений и оправданий многим негативным явлениям и процессам общественной жизни. Обнаруживаемые недостатки настраивают молодых людей на поиск объяснительных схем и ответов на актуальные вопросы в нетрадиционных верованиях и религиозных течениях. Отсюда интерес молодежи к неохристианским религиозным течениям, эзотерике, неоязычеству, иным духовным практикам. Так религиозный интерес в молодежной среде обретает новый смысл и форму, более близкие субкультуре.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследовательский контекст и эмпирическая база. Исследовательские рамки статьи отражают методологические и методические принципы изучения религиозности и атеистичности (показатели которых характеризуют в целом развитие или стагнацию секуляризации общественных отношений), сформулированные автором в 1990 и уточненных в 2009 годах (Кублицкая, 1990: 95-103; Кублицкая, 2009: 96-107).

Основные принципы:

- главное основание дифференциации религиозного и нерелигиозного населения – наличие или отсутствие веры в существование сверхъестественных сил. Этот критерий является общим и фундаментальным показателем религиозного сознания, а показатели представления о боге и других

догматах религии в исследованиях социологами религиоведами не имеют универсального характера (Угринович, 1976), (Лопаткин, 2010: 266-272), (Гаврилов, 2005: 46-56), (Яблоков, 1979), (Андреева, Андреева, 2010: 95-98), (Дубограй, 2007: 130-136), (Лебедев, 2007: 87-97; Лебедев, 2020: 85-104), (Локосов, Синелина, 2008), (Гараджа, 2007), (Ивлева, Курилов, Россман, 2018: 481-493), (Чеснокова, 2005), (Мчедлов, 2005), (Возмитель, 2007: 110-117), (Тощенко, 2016);

- при определении уровня религиозности населения можно обходиться показателями и индикаторами религиозного сознания, а при измерении степени религиозности и «воцерковленности» населения принцип необходимого сочетания показателей, определяющих религиозное сознание и поведение, остается неизменным в своей сущности;

- применяется сбалансированная система показателей, отражающая как религиозную, так и атеистическую убежденность. Только в этом случае можно получить достоверную информацию об уровне и степени религиозности и атеистичности населения и социальных групп.

Нашиими исследователями при изучении пост/де/секуляризационного процесса строго учитывается факт «латентной» атеизации населения. А также постоянно уточняются показатели атеистического, нерелигиозного сознания и поведения.

Социологический мониторинг указывает, что показатель «самооценки» в постсоветский период «заработал» у религиозного населения, так как уже нет причин скрывать свои убеждения, и в то же время он оказался недостоверным при определении нерелигиозного населения. Так как, если раньше верующие скрывали свои религиозные убеждения, то сейчас мировоззренческие позиции атеистов зачастую подвергаются остроклизму. Поэтому часть нерелигиозных респондентов при самоидентификации по отношению к религии и ате-

изму относят себя к группе «колеблющихся» или «затрудняются ответить», или просто уходят от ответа.

Динамика отношения к религии и атеизму определялась через эмпирические показатели самооценки изменения позиции респондента в течение жизни в оппозиционной паре терминов «верующий – неверующий». Например, мотивы религиозного участия в «воцерковленной» деятельности фиксируются с помощью номинальной шкалы с признаками, характеризующими различные причины и факторы от церковного императива и религиозной мотивации до эстетического переживания.

Эмпирические индикаторы и показатели замера проявлений религиозности на уровне поведения, содержат широкий перечень форм культовой религиозной деятельности: посещение храма (церковь, мечеть, молитвенный дом), совершение ритуальных обрядовых действий (причастие, исповедь, молитва, пост) и т.д. При этом шкалы были единообразными и отражали степень регулярности совершения подобных ритуалов ("часто", «иногда», «никогда»).

Следовательно, схема логического анализа предполагает последовательное сведение к определяемому индексу ту или иную типологическую группу («верующий», «колеблющийся», «неверующий», «атеист»). Вышеизложенные методологометодические принципы представляют собой основу для формирования выводов о процессе пост/де/секуляризации в социальной группе молодежи, то есть уровня включенности молодежи в религиозные и секуляризационные процессы.

Направленность процесса пост/де/секуляризации московской молодежи определялась через:

- уровень традиционной религиозности и атеистичности молодежных групп;
- уровень «невоцерковленной», неконфессиональной религиозности молодежи;
- динамику пост/де/секуляризации молодежных групп;

– включенность возрастных групп молодежи в культовую активность.

Эмпирическая база тематического анализа – результаты мониторинга социологических исследований г. Москвы, проводимых в ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН с 1996 года на основе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами. Метод сбора первичной информации – самозаполняемый опросник. Система показателей и эмпирических индикаторов религиозности и атеистичности в постсоветский период была неизменна, что позволило фиксировать характеристики пост/де/секуляризации (религиозности-атеистичности) населения и молодежи в сравнительной перспективе.

Выбор столичного мегаполиса в качестве эмпирического объекта анализа обусловлен тем, что именно мегаполисы, в частности, столицы государств выступают эпицентром возникновения активности социальных движений различной направленности: от политических, миграционных, национальных до возможных религиозных и пр. трансформаций.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Направленность процесса пост/де/секуляризации московской молодежи. Социологический мониторинг религиозной обстановки мегаполиса ведется сотрудниками вышеуказанных академических институтов в течение 26 лет. В целом, можно говорить о «стабилизации» десекуляризации в столице. К 2021 году уровень религиозности населения практически вернулся к показателям двадцатилетней давности – 47% (1996 г. – 50%).

Отметим, что удельный вес убежденных верующих по результатам отбора эмпирических референтов продолжает снижаться с 2010 года. За эти годы степень религиозной «воцерковленности» жителей города сократилась в 2 раза.

Количественные показатели группы «колеблющихся между верой и неверием» остались на уровне 20%. Нерелигиозное население мегаполиса составляет 26% (11% – группа «неверующие» и 15% – «атеисты»).

Если среди москвичей соотношение религиозного и нерелигиозного населения к 2021 году составляет примерно 2:1, то

среди молодежи в возрасте 14-29 лет – это соотношение практически паритетное: 1:1 (см. Рисунок 1).

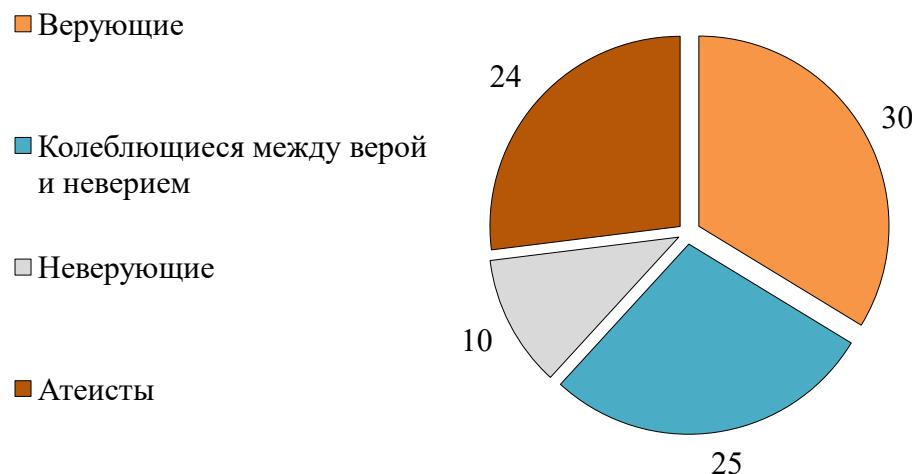

Рис. 1. Соотношение религиозных и нерелигиозных молодых москвичей в 2021 г.
составляет 1:1 (% от числа опрошенной социальной группы)

Fig. 1. The ratio of survey and non-religious young Muscovites in 2021 is 1:1
(% of the number published in social groups)

Динамика изменения численности номинальных групп молодёжи г. Москвы в части отношения к религии за период

2008-2022 гг. приведена ниже (см. Рисунок 2 и Таблица):

Рис. 2. Динамика пост/де/секуляризации московской молодежи
(2008-2021 гг.) (% от опрошенной социальной группы)
Fig. 2. Dynamics of post/de/secularization of Moscow youth
(2008 - 2021) (% of surveyed social group)

Таблица

Уровень религиозности и атеистичности московской молодежи
в динамике за 14 лет (в % от опрошенной социальной группы)

Table

The level of religiosity and atheism of Moscow youth
in dynamics over 14 years (in % of the surveyed social group)

Типологические группы / Typological groups		Москва / Moscow								
		2008	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2021	
Религиозная молодежь	Верующие / religious	60	56	53	47	44	46	40	30	
«Неопределен- шиеся»	Колеблющиеся между верой и неверием / Hesitant between belief and unbelief	19	18	19	28	23	23	24	25	
Нерелигиозная молодежь	Неверующие / non religious	5	9	8	11	11	13	16	10	
	Атеисты / atheist	3	11	15	11	17	10	13	24	
	Неверующие + атеисты / non religious + athe- ist	8	20	23	22	28	23	29	34	

За последние 14 лет уровень религиозности по показателям религиозного сознания (самоидентификация и вера в Бога и другие сверхъестественные силы: соответственно 30% и 33% соответственно) в молодежной среде упал в два раза (2008 г. – 60%; 2021 г.

– 30%). Нерелигиозная молодежь «выросла» в 4 раза (группы «неверующие» + «атеисты»): 2008 г. – 8%; 2021 г. – 34%. Следует отметить, что в 2021 году в «атеисты» себя определили 24% опрошенной молодежи (см. Табл., Рис. 2).

К 2021 году 25% молодежи причислили себя к группе «колеблющихся между верой и неверием».

Удельный вес группы «неопределенного состояния» населения во всех исследованных регионах России за четверть века остался на уровне 20-21%.

С 90-х гг. прошлого века при измерении уровня религиозности группы «колеблющихся» нами не причисляются к религиозному населению. Религиозные мировоззренческие позиции постоянно трансформируются и модифицируются в результате кардинального изменения во всех направлениях жизнедеятельности российского общества и, в частности, в духовно-нравственной сфере. «Промежуточное состояние» религиозного сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и отношения к религии и религиозным организациям. Незавершенность религиозного выбора – типичная черта мировоззрения «колеблющегося». Результаты последних мониторинговых данных Москвы показывают, что среди респондентов, идентифицирующих себя с «колеблющимися», 60% «допускают существование Бога или другой сверхъестественной силы, но не убеждены в этом» или «не верят в Бога и другие сверхъестественные силы». И пополнять религиозное население за счет «колеблющихся» вряд ли правомерно.

В 2022 году в ИДИ ФНИСЦ РАН было проведено углубленное исследование молодежных групп. Изучалась студенческая молодежь в нескольких субъектах РФ. Среди опрошенной молодежи московских ВУЗов (МГУ, МГИМО, РГСУ, ИПЭЭ РАН и др.) с неполным и высшим образованием показатели секуляризации (с использованием вышеизложенных методологического принципов) еще выше: верующие – 27%, «колеблющиеся» – 23%, неверующие – 16%, атеисты – 26%. Нерелигиозная молодежь с высшим образованием «перекрывает» религиозную на 15%.

Таким образом, можно фиксировать, что продолжается отрицательная динамика десекуляризации или, иными словами, восстанавливается процесс секуляризации молодежи и населения мегаполиса в целом.

Возвращаясь к эмпирическим результатам пост/де/секуляризационного процесса, отметим, что схема социологического анализа для более полной характеристики молодого поколения предполагала рассмотреть три возрастные молодежные группы (14-18 лет, 19-24 года, 25-29 лет).

Уровень религиозности внутри изучаемых молодежных групп в Москве распределился между 2018 и 2021 году соответственно следующим образом:

- 32-26% верующих среди молодежи 14-18 лет;
- 43-9% верующих среди молодежи 19-24 года;
- 65-34% верующих среди молодежи 25-29 лет.

Религиозность за четыре года понизилась в каждой возрастной группе. Тенденция сохраняется: чем старше возрастная группа, тем выше уровень религиозности.

В группе «колеблющихся между верой и неверием» - обратно пропорциональную зависимость: чем моложе респондент, тем в большей степени у него незавершенность религиозного выбора. Сегодня типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «промежуточное состояние» религиозного сознания:

- 39-26% «колеблющихся» в возрасте 14-18 лет;
- 21-24% «колеблющихся» в возрасте 19-24 лет;
- 13-22% «колеблющихся» в возрасте 25-29 лет.

Среди возрастных молодежных групп более секуляризована средняя молодежная группа (в основном состоящая из студентов). Более трети этой группы нерелигиозная:

- 24-33% нерелигиозная молодежь в возрасте 14-18 лет;
- 30-36% нерелигиозная молодежь в возрасте 19-24 лет;

– 13-33 % нерелигиозная молодежь в возрасте 25-29 лет.

Показатели «воцерковленности» возвращющей молодежи всех возрастных групп значительно «отстает» от старшего поколения. Показатели и индикаторы: частота и религиозная мотивация включенности в различные религиозные ритуалы, обряды и праздники. Мотивы участия в религиозных обрядах и праздниках очень разнообразны. По религиозным мотивам совершают обряды от 8% в младшей возрастной группе до 19% – старшей. В большинстве случаев мотивы увязаны с семейными, родственными и национальными традициями. Об этом свидетельствуют следующее распределение ответов: «совершаю обряды по традиции, потому что у нас так принято (в семье, у родственников)» – от 61% до 35% соответственно; «эти обряды являются национальными традициями» – от 61% до 46%. Таким образом, чем моложе москвич, тем чаще его участие в религиозных праздниках имеет общекультурную направленность.

За 4 года на 6% во всех молодежных возрастных группах снизилась активность в постоянном совершении молитв: в 2008 году с 11-13% до 5-7% в 2021 году. Почти по всем показателям культового поведения за эти годы (исповедь, причащение, посты) религиозная активность упала до уровня статистической погрешности (1-4%). Частое посещение храмов (церковь, мечеть, молитвенный дом) у молодежи всех возрастных групп в 2021 году зафиксировано на уровне 6-7%.

Вполне закономерно, что население мегаполиса (26% от опрошенных) чаще участвуют в культовых ритуалах (обрядах и праздниках) по религиозным мотивам («необходимость выполнения религиозных предписаний», «поддержание регулярного религиозного взаимодействия с сообществом единоверцев») по сравнению с молодежью. Тем не менее, остальные показатели религиозного поведения практически совпадают со старшей возрастной молодежной группой.

Динамику снижения уровня религиозности москвичей по методолого-методическим принципам подтверждают эмпирические характеристики самооценки молодых респондентов при ответе на вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к религии и атеизму на протяжении жизни?» В 2021 году 5% молодых москвичей отметили индикатор: «Был неверующим, стал верующим» и 21% молодежной группы (14-29 лет) изменили свою мировоззренческую позицию в пользу атеизма: «Был верующим, стал неверующим».

На основании изложенного социологического материала можно делать выводы не только о снижении уровня традиционной религиозности, но и степени «воцерковленности» молодежи мегаполиса, характеризующейся, прежде всего, низкой культовой активностью, которая не превышает среди молодежи 7-8%. Религиозная активность населения в целом – на уровне 10-11%. Было определено, что самые распространенные мотивы проявления культовой деятельности обусловлены не религиозными, а этнокультурными факторами.

Следовательно, результаты мониторинговых социологических данных продолжают показывать постепенное снижение уровня религиозности и «воцерковленности» не только молодого поколения, но и населения столичного мегаполиса.

Внеконфессиональные религиозные ориентации молодежи московского мегаполиса. Социологические исследования, проведенные сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН в последние годы в мегаполисе выявляют определенную часть среди населения и, в частности, молодежи, которую можно отнести к «внеконфессиональным» верующим. Значительная группа молодых москвичей, отвечая на вопрос принадлежности к какой-либо конфессии, отметили индикатор: «Верю в существование сверхъестественных сил, но ни к какой Церкви не принадлежу». Динамика роста религиозной «невоцерковленной», «внеконфессиональной»

молодежи за пять последних лет увеличилась на 16%. Так, в 2017 году на данный показатель религиозного сознания ответило 14% молодежи московского мегаполиса, а в 2021 году – 30% (Рисунок 3). Именно

«внеконфессиональные» верующие, в первую очередь, проявляют интерес к восточным религиям, новым религиозным и мистическим учениям и практикам.

Рис. 3. Тезис: «Верю в существование сверхъестественной силы» (в % от числа опрошенных среди молодежи 14-29 лет), Москва, 2017, 2018, 2020, 2021 гг.

Fig. 3. Thesis: «I believe in the existence of a supernatural power» (in % of the number of respondents among young people aged 14-29), Moscow, 2017, 2018, 2020, 2021

Во времена глобальных цивилизационных кризисов, связанных с политическими, религиозными и общественными потрясениями, серьезными изменениями всемирной экономики, происходят, как мы уже отмечали, активный интерес молодежи к внеконфессиональным религиям, нетрадиционным религиозным, оккультным, мистическим учениям. Отметим, что распространение нетрадиционных религий в молодежных субкультуратах, проникнутых религиозно-мистическими настроениями, способствует всесторонней трансформации социальной жизнедеятельности, в том числе потребностей и интересов молодого поколения.

С ростом недоверия к традиционным религиям возрастает интерес к восточным религиям и нетрадиционным религиям среди населения и в молодежной среде (Балагушкин, 1999), (Балагушкин, Шохин,

2006: 62-78), (Toffler, 1980), (Roszak, 1976), (Баркер, 1997), (Дворкин, 2002), (Кублицкая, Франчук, 2018: 227-242)¹.

Заключение (Conclusions). В целом направленность религиозной обстановки московского мегаполиса можно оценивать в сторону пост/де/секуляризационного процесса, для которого характерно размытие границ между религиозным и секулярным сознанием: снижением уровня и степени религиозности с повышением атеистических настроений.

Социологический мониторинг показывает, что в настоящее время меньше половины московской молодежи можно считать религиозной. На протяжении последних пятнадцати лет этот показатель сократился в два раза до уровня 30%. Нерелигиозная молодежь Москвы увеличилась в 4 раза и составила 34%. «Размытость» рели-

¹ В России запретили Каббалу. Newsland.com [сайт]. URL: <https://goo.su/iWv7> (дата обращения 27.08.2022); Верховный суд запретил «Свидетелей Иеговы» в России. Rbc.ru

[сайт]. URL: <https://goo.su/i4o6x> (дата обращения 27.08.2022).

гиозных представлений верующей молодежи свидетельствуют о том, что данная социальная группа не слишком четко представляет себе то, во что она верит и слабо соотносит как традиционные, так и нетрадиционные религиозные доктрины со своими жизненными ценностями, целями и мировоззренческими позициями. Полученные эмпирические показатели традиционной религиозности доказывают серьезный разрыв между религиозностью, выраженной на вербальном уровне, с одной стороны, и более строгими установками религиозного сознания, и регулярными практиками религиозного поведения, которые должны быть присущи воцерковленным верующим. Доля последних в структуре молодежных групп оказывается небольшой и колеблется на протяжении последнего времени в пределах 6-7%.

На основании социологического анализа можно фиксировать, *не только постепенное снижение уровня традиционной религиозности, но и степень «воцерковленности» молодежи мегаполиса*. Отметим важное: наиболее распространённые причины проявления культовых религиозных действий обусловлены этнокультурными, нежели собственно религиозными факторами.

Следовательно, анализ социологических данных последних лет продолжает выявлять тенденцию постепенного снижения уровня традиционной религиозности и «воцерковленности» молодого поколения столичного мегаполиса.

В то же время, доля религиозной «вневоцерковленной» молодежи за пять лет увеличился на 16%. Именно «внеконфессиональные» верующие, в первую очередь, проявляют интерес к восточным религиям, новым нетрадиционным религиозным, оккультным и мистическим учениям и практикам. Это является продолжением более долгосрочного тренда, когда религиозный «возрождение» в постсоветские годы постепенно сменяется более умеренным и критичным отношением к традиционным конфессиям, религиозным организациям.

Можно фиксировать продолжение отрицательной динамики в развитии десекуляризации или, иными словами, восстанавливается процесс секуляризации молодежи и населения мегаполиса.

Список литературы

Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95-98.

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М.: ИФ РАН, 1999. 245с.

Балагушкин Е. Г., Шохин В. К. Религиозный плюрализм в современной России: новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 62-78.

Баркер А. Новые религиозные движения. Спб: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 284 с.

Возьмитель А. А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110-117.

Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Нижний Новгород, 2002. 502 с.

Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М. П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 46-56.

Гараджа В. И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2007. 348 с.

Дубограй Е. В. Религиозность военнослужащих России // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 130-136.

Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016. 367 с.

Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ. 2018. Т. 18. № 3. С. 481-493.

Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.

Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96-107.

Кублицкая Е. А., Франчук Д. В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодёжи (социологический опыт) // Секуляризация в контексте измерения религиозных трансформаций современного общества (под ред. Глазьева С.Ю., Рязанцева С.В., Кублицкой Е.А. Серия «Демография. Социология. Экономика». М.: Изд-во Экономинформ, 2018. Т. 4. № 4. С. 227-242.

Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодёжи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87-97.

Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 4(3). С. 85-104.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы / Приложение к журналу. Рубрика: К 80-летию со дня рождения Ремира Александровича Лопаткина. Цикл статей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАНХ и ГС при Президенте РФ. 2010. Т. 28. № 4. С. 266-272.

Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf> (дата обращения 01.09.2022).

Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005. 448 с.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1976. 240 с.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.

Roszak Th. The Making of a Counter Culture. University of California Press, 1969. 313 p.

References

Andreeva, L. A., Andreeva L. K. (2010), “The religiosity of student youth. The experience of comparison with the religiosity of Russians”, *Sociological Studies*, (9), 95-98. (In Russian).

Balagushkin, E. G. (1999), *Netraditsionnye religii v sovremennoj Rossii: morfologicheskij analiz* [Non-traditional Religions in Modern Russia:

Morphological analysis], IF RAN, Moscow, Russia, 245. (In Russian)

Balagushkin, E. G., Shohin, V. K. (2006), “Religious pluralism in modern Russia: new religious movements at the post-Soviet stage”, *Universe of Russia*, (2), 62-78. (In Russian)

Barker, A. (1997), *Noyye religioznye dvizheniya* [New religious movements], Saint-Petersburg, Russia, 284. (In Russian)

Voz'mitel', A. A. (2007), “Sociology of religion in Russia: problems and prospects”, *Sociological Studies*, (2), 110-117. (In Russian)

Dvorkin, A. L. (2002), *Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematiceskogo issledovaniya* [Sectology. Totalitarian sects. Experience of systematic research], N. Novgorod, Russia, 502. (In Russian)

Gavrilov, Yu. A., Kofanova, E. N., Mchedlov, M. P., Shevchenko, A. G. (2005), “Confessional features of religious faith and ideas about its social functions”, *Sociological Studies*, (6), 46-56. (In Russian)

Garadzha, V. I. (2007), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Moscow, Russia, 348. (In Russian)

Dubograj, E. V. (2007), “Religiosity of Russian military personnel”, *Sociological Studies*, (7), 130-136. (In Russian)

Zhiznennyj mir rossiyjan: 25 let spustya (konets 1980-h – середина 2010-h gg.) [The Life world of Russians: 25 years later (late 1980s - mid 2010s)] (2016), in ZH.T. Toshchenko (ed.), CSP i M, Moscow, Russia, 367. (In Russian)

Ivleva, M. L., Kurilov, S. N., Rossman, V.I. (2018), “Religious values through the eyes of youth: the experience of sociological research”, *RUDN Journal of Sociology*, 18(3), 481-493. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (1990), “Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study”, *Sociological Studies*, (5), 95-103. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), “Features of religiosity in modern Russia”, *Sociological Studies*, (4), 96-107. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Franchuk, D. V. (2018), “Non-traditional religions and esoteric teachings in the life of Moscow youth (sociological experience)”, *Sekulyarizatsiya v kontekste izmerenija religioznyh transformatsij sovremennoj obshchestva* [Secularization in the context of measuring religious transformations of modern society] in Glaz'ev S.YU., Ryazantseva S.V., Kublitskoy E.A.

(ed), Ekonom-inform, Moscow, Russia, 4 (4), 227-242. (*In Russian*)

Lebedev, S. D. (2007), "The attitude of students to religion", *Sociological Studies*, (7), 87-97. (*In Russian*)

Lebedev, S. D. (2020), "Virtualization of the religious community as a key to understanding the evolution of sociological concepts of religiosity", *Concept: philosophy, religion, culture*, 4 (3), 85-104. (*In Russian*)

Lopatkin, R. A. (2010), "Sociology of religion in Russia: past experience and current problems", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], Moscow, Russia, 28 (4), 266-272. (*In Russian*)

Lokosov, V. V., Sinelina, Yu.Yu. "Interrelation of religious and political orientations of Orthodox Russians" [Electronic], available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf> (Accessed 01 September 2022). (*In Russian*)

Mchedlov, M. P. (2005), *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v duchovnoj i obshchestvenno-politicheskoy zhizni sovremennoj Rossii* [Religious studies essays. Religion in the spiritual and socio-political life of modern Russia], Moscow, Russia, 448. (*In Russian*)

Ugrinovich, D. M. (1976), *Vvedenie v teoreticheskoe religiovedenie* [Introduction to theoretical religious studies], Moscow, Russia, 240. (*In Russian*)

Chesnokova, V. F. (2005), *Tesnym putem: Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [In a close way: the process of church formation of the population of Russia at the end of the XX century], Moscow, Russia, 304. (*In Russian*)

Yablokov, I. N. (1979), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Moscow, Russia, 182. (*In Russian*)

Roszak, Th. (1969), *The Making of a Counter Culture*, University of California Press, 313.

Статья поступила в редакцию 05 сентября 2022 г. Поступила после доработки 14 сентября 2022 г. Принята к печати 15 сентября 2022 г.

Received 05 September 2022. Revised 14 September 2022. Accepted 15 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

¹Певная М. В.²Шуклина Е. А.³Киенко Т. С.⁴Тарасова А. Н.⁵Андрianова Е. В.⁶Худякова М. В.⁷Шаповалова И. С.**Страхи российского студенчества
в ситуации социальной неопределенности
(весна 2022 года)**

^{1, 2)}Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия

*m.v.pevnaya@urfu.ru
e.a.shuklina@urfu.ru*

³⁾Южный федеральный университет,
улица Б. Садовая, дом 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия
tskienko@sfedu.ru

⁴⁾Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия
a.n.tarasova@urfu.ru

⁵⁾Тюменский государственный университет,
улица Володарского, дом 6, Тюмень, 625003, Россия;
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
улица Свердлова, дом 5, корп. 2, Тюмень, 625002, Россия
e.v.andrianova@utmn.ru

⁶⁾Тюменский государственный университет,
улица Володарского, дом 6, Тюмень, 625003, Россия
m.v.khudyakova@utmn.ru

⁷⁾Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Победы, дом 85, Белгород, 308015, Россия
shapovalova@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу репертуара страхов студенческой молодежи в четырех российских регионах в событийном контексте весны 2022 года. Описаны привычные и новые аспекты страхов и тревожности, их региональные различия, обусловленные событийным контекстом и территориальной близостью/удаленностью от арены специальной военной операции. Эмпирические данные собраны среди студентов 1-4 курсов очной формы обучения экономических и социально-гуманитарных направлений подготовки в Свердловской, Тюменской, Ростовской и Белгородской областях в период с 10.03.2022 по

15.03.2022 г. В исследовании использован метод группового фокусированного интервью (8 фокус-групп). В ходе качественного анализа данных реализованы процедуры осевого и тематического кодирования. Выявлено, что структура доминирующих элементов в репертуаре страхов сохраняется во всех анализируемых регионах (страх болезни родных и близких, войны, собственной болезни и потери работоспособности, произвола со стороны властей, бедности). Для студентов Урала и Сибири на первом месте стоит страх болезни родных и близких, в приграничных регионах первую позицию занимает страх войны. Внешние средовые факторы влияют на усиление страхов: чем ближе и реальнее угрозы – тем острее и конкретнее страхи студенчества. Социально-психологическое напряжение вызывают диффузные, естественные страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей, собственное социальное будущее, будущее страны и мира, которые под влиянием ситуации неопределенности обретают конкретность и угрожающую остроту. Новые аспекты в палитре страхов связаны с экономическими, политическими, культурными изменениями в стране и мире, в первую очередь, с проявлениями «культуры отмены». Ее экономический аспект обусловлен тотальными и долговременными экономическими санкциями в отношении РФ, вызвавшими всплеск экономических страхов, необходимость справиться с которыми потребует серьезных изменений в экономическом сознании и поведении молодежи. Политический аспект культуры отмены связан у студенческой молодежи с ростом опасений в отношении внешней политической изоляции России и отчуждением от разных форм политической активности внутри страны. Социокультурный аспект феномена отмены проявился в новых видах страхов перед культурной изоляцией России в целом, сокращением доступа к привычным социальным сетям и сервисам, ограничением студенческих культурных, научных, образовательных обменов и возможностей получения образования за рубежом.

Ключевые слова: молодежное сознание; социальное настроение; страхи, травма; общественное мнение в чрезвычайных ситуациях

Информация для цитирования: Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Т. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.

Research article

¹Maria V. Pevnaya

²Elena A. Shuklina

³Tatyana S. Kienko

⁴Anna N. Tarasova

⁵Elena V. Andrianova

⁶Marina V. Khudyakova

⁷Inna S. Shapovalova

Fears of Russian students in a situation
of social uncertainty (spring 2022)

^{1, 2})Ural Federal University,
620002, bld. 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia
m.v.pevnaya@urfu.ru
e.a.shuklina@urfu.ru

³⁾Southern Federal University,
344006, bld. 105/42, Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia,
tskienko@sfedu.ru

⁴⁾Ural Federal University,
620002, bld. 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia,
a.n.tarasova@urfu.ru

⁵⁾University of Tyumen,
625003, bld. 6, Volodarsky St., Tyumen, Russia;
West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
625002, bld. 2/5, Sverdlova Street, Tyumen, Russia
e.v.andrianova@utmn.ru

⁶⁾University of Tyumen,
625003, bld. 6, Volodarsky St., Tyumen, Russia
m.v.khudyakova@utmn.ru

⁷⁾Belgorod State National Research University,
308015, bld. 85, Pobedy St., Belgorod, Russia
shapovalova@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the repertoire of Russian students' fears in four Russian regions in the context of the spring events of 2022. The usual and new aspects of fears and anxiety are described, as well as their regional differences due to the event context and territorial proximity/remoteness from the arena of a special military operation. Empirical data were collected among students of 1-4 full-time courses of study in economic, social and humanitarian areas of training in the Sverdlovsk, Tyumen, Rostov and Belgorod regions from 03/10/2022 to 03/15/2022. The study used the method of group focused interviews (8 focus groups). In the course of qualitative data analysis, axial and thematic coding procedures were implemented. It was revealed that the structure of the dominant elements in the repertoire of fears is preserved in all analyzed regions (fear of illness of relatives and friends, war, one's own illness and loss of working capacity, arbitrariness on the part of the authorities, poverty), however, for students of the Urals and Siberia, the fear of illness of relatives is in the first place, while in the border regions the first position is occupied by the fear of war. It was revealed that the external environmental factors of the border areas affect the strengthening of fears: the closer and more real the threat is, the sharper and more specific the students' fears are. Socio-psychological tension is caused by diffuse, natural fears for the life, health and well-being of loved ones, one's own social future, the future of the country and the world, which, under the influence of a situation of uncertainty, acquire concreteness and menacing acuteness. New aspects in the palette of fears are associated with economic, political, cultural changes in the country and the world, and, first of all, with manifestations of the "cancel culture". Its economic aspect is due to the total and long-term economic sanctions against the Russian Federation, which caused a surge in economic fears, the need to cope with which will require serious changes in the economic consciousness and behavior of young people. The political aspect of cancel culture is associated among students with growing fears about the external political isolation of Russia and alienation from various forms of political activity within the country. The socio-cultural aspect of the cancellation phenomenon

manifested itself in new types of fears of the cultural isolation of Russia as a whole, reduced access to familiar social networks and services, limited student cultural, scientific, educational exchanges and educational opportunities abroad.

Keywords: youth consciousness; fears, trauma; public opinion in emergency situations

Information for citation: Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, E. V., Khudyakova, M. V., Shapovalova, I. S. (2022), "Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.

Введение (Introduction). Несмотря на тревожный информационный фон массмедиа, начало специальной военной операции для многих россиян стало неожиданным событием, вызвавшим в обществе обширное число противоречивых оценок, суждений, мнений в отношении происходящего. События, стремительно развивающиеся на территории соседнего с РФ государства, детерминировали проявление множества ранее непрогнозируемых политических, экономических и социальных рисков для страны. Противоречивый и турбулентный характер общественных процессов наряду с непониманием населением происходящего спровоцировали взрыв тревожности и расширение спектра опасений россиян в отношении своего настоящего и будущего. Повышенное беспокойство, поляризация мнений на фоне гиперинформированности и растерянности целого поколения были более характерны для молодых россиян.

По данным опроса ВЦИОМ, в конце февраля 2022 года 56% россиян испытывали тревогу¹. Левада Центр (организация признана в РФ иностранным агентом) провел 24–30 марта 2022 года опрос и выяснили, что доминирующими чувствами у россиян, вызванными выше названными событиями, являются «гордость за Россию» (51%), «тревога, страх, ужас» (31%) и «шок» (12%). В группе 18–24 года, в отличие(и) от других возрастных групп, преобладает «тревога, страх, ужас» (37%), затем

идут «гордость за Россию» (33%) и «шок» (15%). В дополнение, именно среди этой возрастной когорты, выделяется «подавленность, оцепенение» (12%)². Неопровергнутым фактом в такой ситуации является социальный и культурный шок, детерминирующий индивидуальную и коллективную травмы, усиливающие страхи и страдания людей, обостряющие эмоционально-чувственную сферу и расшатывающие коллективную и индивидуальную идентичность (Айерман, 2013).

Начало специальной операции стало тем очевидным фактом, который резко изменил жизнь многих россиян. Это травматическое событие вызвало нарушение привычного образа мысли и действий, как и многие трагедии поменяло жизненный мир людей, их модели поведения и мышления (Штомпка, 2001). Оно запустило социальный процесс, который будет продолжать оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие настоящего и будущего. В этой логике травматизация сознания в начале «нового времени испытаний» становится отправной точкой и многоточием, траекторией, цепью событий и переживаний (Травма: пункты..., 2009).

В сложившейся ситуации сложно было дать однозначные оценки происходящему в контексте повседневной жизни, еще проблематичнее выработать адекватную

¹ Эмоциональный фон, страхи и ожидания россиян: стресс-факторы в точках бифуркации. Опубликовано 27.02.2022. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/ehmocionalnyi-fon-strakh-i-ozhidaniya-rossijan-stress-faktory-v-tochkakh-bifurkacii> (дата обращения: 21.04.2022).

² Конфликт с Украиной. Опубликовано 31.03.2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/31/konflikt-s-ukrainoj/> (дата обращения: 21.04.2022).

происходящему аргументацию в академической и образовательной среде. Это сподвигло группу социологов (авторов данной статьи) инициативно собрать актуальную информацию о страхах, беспокойствах, тревожности российской студенческой молодежи, зафиксировать вариативность мнений и субъективных оценок.

Цель статьи – проанализировать репертуар страхов студенческой молодежи в четырех российских регионах, выявив актуальные аспекты и региональные различия в событийном контексте весны 2022 года.

Методология и методы (Methodology and methods). Научные трактовки и исследования страхов в кризисных ситуациях. Проблема социальных страхов междисциплинарна. Она актуализирована в философии, культурологии, ряде отраслей социологического знания (социологии безопасности, социологии рисков, социологии катастроф, социологии эмоций, концепциях общественного сознания и социального настроения), психологии и социальной психологии, экономике, менеджменте и др. Подходы к ее решению разнообразны: от рассмотрения страха как онтологического феномена до количественных расчетов экономических угроз и рисков.

В контексте нашего исследования целесообразно обратиться к феноменологической традиции, где страх (*Furcht*) отнесен к экзистенциалам, характеризующим целостность и неразрывность бытия человека и мира, позволяющим анализировать процессы создания индивидами жизненного мира (Хайдеггер, 2003). Феномен страха – это априорная, конститутивная характеристика бытия человека, при этом как часть повседневности представляет уникальный опыт присутствия индивида в условиях ситуативности, совокупность возможностей и ограничений, реализующихся в его судьбе (Гагарин, 2009: 8). С одной стороны, страх – способ бытия, в котором раскрывается потеряность, неподлинность, ничтожность человека, с другой – это «скованная свобода». Экзистенциальный страх

комплексно исследуются как базовая эмоция и мощная первичная программа человека в психологии (Лакан, 2010). В социальной психологии страхи рассматриваются как в логике понимания индивидуальных механизмов их осознания, так и коллективной идентификации с чем-то глобальным и устойчивым, что заставляет переосмысливать трансформирующуюся под влиянием страха концепции конформизма, патриотизма, консьюмеризма, тоталитаризма. (Routledge, Vess, 2018).

В социологии страх – это социальный феномен, механизм воспроизведения социального порядка и социальных изменений, средство социальной мобилизации, инструмент адаптации, социализации, моральной регуляции. Его изучение базируется на принципах социальной обусловленности и комплексного анализа в контексте парадигм макро- и микроуровня. В социальных исследованиях страхи классифицируются на индивидуальные – массовые; ситуативные – постоянные; универсальные и специфические; явные – фоновые; социализированные – несоциализированные; рациональные – иррациональные; идеологические – обыденные; конструктивные – деструктивные; конкретные причинные – беспричинные диффузные – экзистенциальные – религиозно-мистические или нумиозные (страх конца света, кары Божьей). Страхи анализируются как состояние и как процесс. Они различаются по интенсивности (от обеспокоенности до паники), по сфере локализации (социально-политические, социально-экономические и пр.). Их можно аналитически оценивать по объекту угрозы, по степени осознанности.

Страх имеет конкретно-исторический характер, зависит от трансформации социальных настроений, является проявлением культуры эмоций. Как социокультурный феномен он во многом обуславливает выбор личностью стратегии поведения: активной (конструктивной либо разрушительной, включая агрессию) и пассивной в виде апатии и эскапизма в разных сферах, влияя

в политике на распределение власти, циркуляцию элит, социальные движения. В экономике страхи затрагивают потребление и рынок труда, в общественной жизни – конституируют общественные настроения (Furedi, 1997). Исследователями анализируется социально-культурная матрица, в которой страх возникает и обуславливает модели социального действия, связанные с ним (Симонова, 2016).

В социологических исследованиях страхи изучаются в концепции катастрофического сознания (Drabek, 2019; Matthewman, 2015). Драматизация сознания начинается с «травмирования» смыслов, обретенных индивидами в процессе социализации, которые замещаются новыми мистифицированными представлениями о ценностях и референтах (Кравченко, 2020: 63). В зеркале общественного мнения идентифицируются страхи разных уровней и интенсивности своего выражения (Гудков, 1999). Страх – массовый феномен (Шляпентох, Шубкин, Ядов, 1999). Страхи связаны с личным опытом людей (Седова, 2010). Их источником часто становятся угрозы катастрофических социальных трансформаций разного уровня от глобального до локального (Шубкин, Иванова, 1999),

В исследованиях социальных настроений и социологии эмоций страх изучается как индивидуально типичный, имеющий коллективный характер, сложный и многокомпонентный феномен, включающий биологические, аффективно-когнитивные и поведенческие элементы (Stets, Turner, 2014). Страх существует как эмоциональный комплекс, будучи совмещен с иными эмоциональными состояниями. Источником страхов подчас выступает отчужденность человека от собственной жизни (Горшков, Петухов, Крумм, 2009), либо отчужденность от отдельных сфер социальной жизни, например, от власти (Амбарова, 2012).

В социология риска и социологии безопасности «страх» включен в комплекс комплементарных понятий «тревога», «риск», «надежность», «опасность»,

«угроза». Социальные страхи рассматриваются как индикаторы социального благополучия, социальной напряженности, уровня безопасности. Если понятие «опасность» связано с воздействием на ситуацию внешних факторов, то «риск» зависит от принимаемых решений. Риск – рациональное поведение социального субъекта (индивидуа, социальной группы, общности, социальной организации, социума) в условиях неопределенности. Ситуация риска характерна для любого субъекта и любого его решения или не решения. «Свободного от риска поведения не существует» (Луман, 1994: 155). Это сущностная характеристика человеческой деятельности, «способ адаптации к неопределенности и неизвестности будущего, структурирующий и рационализирующий человеческое поведение» (Зубков, 2001: 124). Разделение понятий риска и отношения к риску позволяет увидеть место феномена страха в понимании субъективных характеристик риска.

Страх выступает в роли универсального тревожного индикатора в динамике социальных и культурных, экономических, техногенных, экологических изменений. Он фиксирует возможные нежелательные последствия нарушения общеизвестных правил, традиций, закономерностей. (Витковская, 2003). Социологический подход позволят выявлять репертуар страхов, характерных для конкретного общества или отдельных социально-демографических групп в определенных пространственно-временных границах, оценивать силу, специфику и распространенность какого-то конкретного страха, моделировать доминантный модус массового сознания, апелируя к страхам через термины врагов и угроз стране/обществу (Нарбут, Троцук, 2014).

На основании анализа существующих исследований в статье страхи рассматриваются в широкой трактовке как социальный, социально-психологический феномен. Авторами был сформулирован ряд исследовательских вопросов. Каким образом сту-

денты идентифицируют свои опасения, тревоги и как соотносят их с происходящими в мире, стране, в их личной жизни событиями? Каким образом в студенческой среде происходит индивидуальное осмысление и коллективная идентификация страхов в социально-экономической, социально-политической и социокультурной сферах? Какие новые аспекты тревожности появляются в молодежном сознании и артикулируются студенчеством в событийном контексте весны 2022 года?

Данные и метод. В кризисных условиях качественные методические стратегии являются более адекватными быстрым, кардинальным изменениям, снимают де-персонализацию количественных подходов, позволяют зафиксировать новые социальные феномены, дают предварительную информацию для дальнейших обобщений, выработки новых направлений исследования. Эти цели были поставлены в исследовании, проведенном авторским коллективом с 10.03.2022 по 15.03.2022 в вузах Ростова-на-Дону и Белгорода (приграничные с Украиной районы), Екатеринбурга, Тюмени (Урал, Зауралье), с использованием метода группового фокусированного интервью.

В каждом вузе проведено по две фокус-группы. В первой принимали участие студенты 1-2, во второй – 3-4 курсов бакалавриата очной формы обучения следующих направлений подготовки: «Социология», «Организация работы с молодежью», «Социальная работа», «Публичная политика и социальные науки», «Государственное и муниципальное управление». Использовался классический тип фокус-группы из 8-12 человек, продолжительностью 95-150 минут.

Целью исследования стало выявление репертуара страхов студенчества в четырех российских регионах, сформировавшихся в начале специальной военной операции, в ситуации геополитической и социальной

неопределенности. Осуществлялась оценка разных видов страхов и их интенсивности, выявлялись привычные и новые аспекты страхов, их связь с событийным контекстом, региональные различия. Был выделен внутренний или внешний локус тревожности в представлениях молодежи о настоящем и перспективах своего будущего и будущего страны.

Ход группового интервью выстраивался согласно заданным в гайде тематическим блокам: идентификация и конкретизация страхов, тревог и опасений, определение представлений молодежи о будущем страны, выявление ракурсов видения молодежью собственного будущего, их сопряженность с актуализированными страхами. Иерархия страхов определялась по результатам обсуждения со студентами предложенной линейки страхов, которую традиционно используют социологи, замеряя страхи, угрозы и тревоги россиян¹. Каждый участник фокус-групп выстраивал свою индивидуальную иерархию страхов и аргументировал ее.

Полученные и транскрибированные данные анализировались посредством процедур кодирования в соответствии с методологическим подходом А. Страусса и Д. Корбин (Страусс, Корбин, 2001) и стратегией анализа данных К. Чармаз (Charmaz, 2006). На первом этапе аналитики были выделены типы страхов, как категории, имеющие концептуальную значимость. Авторы статьи индивидуально формулировали для себя аналитические вопросы, искали ответы на них непосредственно в самих данных, реализуя процедуру первичного кодирования и проведение сравнений. В транскриптах выделялись отдельные фрагменты данных, которые кодировались произвольно. Далее выявленные категории были классифицированы на несколько групп: социально-экономические, социально-политические, социокультурные и социально-психологические страхи. На

¹ Страхи и проблемы российского общества. Опубликовано 10.03.2022. URL:

<https://www.levada.ru/2022/03/10/strahi-i-problemy-rossijskogo-obshhestva/> (дата обращения: 21.04.2022).

следующей стадии в каждой группе выделялись страхи информантов с внешним и внутренним локусом переживаний. На втором этапе благодаря процедуре фокусированного кодирования были определены новые аспекты тревожности студенчества, их интенсивность и взаимосвязи. На третьем этапе аналитической оценки эмпирических данных, выявлены сходства и различия страхов студентов, которые учатся в приграничной зоне и в глубине страны (Урал, Сибирь).

Реализованное исследование имеет ряд ограничений, которые связаны с выбором регионов и университетов, студенты, которых принимали участие в фокус-групповых интервью. Безусловно, полученные данные отражают суждения, мнения и оценки социально-благополучной части студенчества ведущих региональных вузов. Однако выбор территорий соответствует исследовательской стратегии, которая позволила провести сравнение между оценками студентов двух территориальных зон. Некоторые ограничения на данные накладывает и специфика образовательной подготовки вовлеченных в исследование студентов социально-гуманитарных направлений, что обусловлено рядом причин. Во-первых, выбором в пользу гомогенности студенческих сообществ при разработке методологии сравнительного фокус-группового исследования. Во-вторых, особенностями этих групп специальностей информантов, имеющих в своем профессиональном треке ориентацию на анализ социальной проблематики и аналитические возможности для самоанализа, вербализации, артикуляции своих эмоциональных состояний, позиций, точек зрения, стратегий поведения в условиях неопределенности. Актуальность обращения авторов в исследовании только к определенной части российского студенчества обусловлена и тем, что в ближайшие годы именно это поколение молодых специалистов придет работать в сферу публичного управления и в ключевые социальные институции страны, будет определять их развитие.

В целом, новизна полученных результатов обусловлена как спецификой социальной ситуации, объективно обладающей значительным потенциалом новизны, так и стратегией исследования, позволившей сформировать эмпирическую типологию страхов, осуществить сопоставление оценок тех представителей социальной общности студенчества, кто находится в приграничной зоне риска и удален от нее, зафиксировав имеющиеся различия. Именно поэтому кажущиеся очевидными полученными результатами не столь очевидны на самом деле.

Исследование сделано по горячим следам, представляет собой первый этап, имеющий разведывательный характер. На последующих этапах оно позволит зафиксировать изменения в процессе адаптации студентов к текущей ситуации, динамику их социальных настроений и страхов.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Иерархия страхов студенчества в начале весны 2022 года. Результаты проведенного исследования позволяют выделить актуализированные социальные страхи, присущие студенчеству. Частотный анализ в рамках описанной методики анализа иерархии страхов показал, что среди ключевых – страх болезни родных и близких (42 упоминания), страх войны (38 упоминаний), собственной болезни и потери работоспособности (29 упоминаний), произвола со стороны властей (29 упоминаний) и страх бедности (26 упоминаний). Структура доминирующих в репертуаре страхов сохраняется во всех исследуемых регионах, несколько меняется лишь их порядок. Студенчеством Урала и Сибири на первое место ставится страх болезни близких, в приграничных регионах молодежь на первую позицию относит страх войны. Личный опыт сохранения здоровья, а для кого-то утрата близких, административные ограничения, с чем столкнулись россияне в пандемийный период, политические события и экономическая ситуация последних месяцев вполне объясняют

сформировавшийся репертуар страхов молодежи. Далее охарактеризуем палитру страхов, разделив их на группы.

Социально-психологические страхи студентов. Данная группа включает в себя страх перед неизвестным будущим, прежде всего близких людей, своей семьи, а также в целом будущим страны, мира и своим собственным. В числе опасений, имеющих внешний локус контроля, отмечается «отрицание и непонимание», страх за будущее, «потому что оно туманно, и неизвестно, что будет завтра дальше», страх «за ситуацию в мире». Фоновые страхи макроуровня усиливаются непониманием, неопределенностью и непредсказуемостью развития событий в стране и мире: «не знаешь, что делать», потому что «не знаем, что будет завтра», ситуация определяется как «страшная», «неопределенная», «негативная», «напряженная».

«Все мы стали более тревожными, депрессивными, потому что ситуация такая. Не знаешь, что делать. Мы не знаем, что будет завтра, это нагоняет тоску, печаль» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«Если ситуация в мире, которая сейчас творится, затягивается, то я думаю, может все поменяться, все перевернется» (Тюмень, м., 1 курс).

Информационное давление и постоянное муссирование текущих событий в СМИ приводит к психологической перегрузке, усталости. Растет недоверие к информации и ее источникам, особенно официальным, что усиливается цензурой и уходом из России ряда популярных среди молодежи массмедиа. Избыточность и недоверие к информации приводят к «взрыву в голове», росту тревожности, стрессам, отказу от чтения новостей, разговоров на политические темы, потому что «страшно», «непонятно», «невозможно скрыться от этой информации».

«В первое время ... пыталась мониторить это все, потом мне стало страшно и не интересно уже потому, что очень много информации, которая не правдивая ... не

понятно и устает от этого потока информации, ... информации больше никакой нет и только политика, только спецоперация» (Тюмень, ж., 4 курс);

«... как бы ты не хотела ни видеть, ни слышать об этом... невозможно как-то скрыться от этой информации и от всего этого потока» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«... я была подписана на украинские источники информации и на российские, и у меня был большой взрыв в голове, когда я это все соединяла... Последнюю неделю я решила полностью отказаться от чтения новостей...» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

В числе страхов и опасений, имеющих внутренний локус контроля и направленных на ближайшее окружение, отмечаются страхи за семью, близких людей. Это самый типичный страх, который характерен для молодежи всех регионов, направлений подготовки и возрастных групп. Он осознается молодежью, проявляется в диапазоне от тревоги до паники. Страх за семью, родных выступает проявлением роли семьи как базовой ценности, отражением естественных, постоянных, повседневных и глубинных человеческих опасений за жизнь и здоровье близких людей.

«Есть страхи в данный момент и есть страхи постоянные. Вот про болезнь близких можно было спросить студента двадцать лет назад, и он бы, скорее всего, ответил то же самое, и большинство бы выбрало то же самое» (Екатеринбург, м., 1 курс).

С другой стороны, растет «волнение», «тревога», «беспокойство» о психологическом и социальном благополучии родных и близких в связи с переживанием ими текущих событий и тем, как на семье отразятся политические, экономические последствия спецоперации и антироссийских санкций (на семейном бизнесе, достатке семьи, взаимоотношениях, жизни).

«Для моих близких это такой стресс, что они находятся в какой-то прострации. Не понимаешь, что происходит. Вообще ничего не хочется делать и мы находимся в

каком-то вакууме. Некоторые из моих знакомых переживают какую-то депрессию, испытывают большой стресс и также сталкиваются с непониманием» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Санкции негативно отразились на моей семье. Непонятно, как дальше будет развиваться бизнес родителей, что вызывает у них беспокойство. Беспокойство передается и мне, и становится довольно тревожно» (Екатеринбург, ж., 3 курс).

Чем конкретнее и вероятнее угрозы – тем острее страхи. Для людей, оказавшихся близко к зоне конфликта, проживающих в приграничных территориях, имеющих близких родственников и друзей в зоне спецоперации, ситуация начинает приобретать черты реальной и конкретной угрозы. Диффузный страх гипотетической потери близких, нарушения основ их благополучия, стабильной жизни и здоровья становится конкретным, явным, возможным, угрожает нарушением фундаментальных основ жизни близких людей. Страх усиливается, его конкретизация на фоне непонимания и неспособности повлиять на происходящее достигает острых панических форм. Если члены семьи имеют разные точки зрения на происходящее, студенты переживают по поводу рисков внутрисемейных конфликтов.

В числе страхов и опасений, имеющихся внутренний локус контроля и направленных на себя, отмечаются страхи за свою жизнь и личное социальное будущее: самореализацию, возможность успеть сделать нечто важное в жизни, «здоровье», «учебу», «работу», «карьеру», за то «что делать дальше», «не зря ли я трачу свое время», что эмоционально проявляется в диапазоне от беспокойства и тревожности до страха и паники. В когнитивном и поведенческом плане предпринимаются слабые попытки рационализации и перестройки стратегий планирования будущего, но значительная часть молодежи находится в состоянии неопределенности, бездействия и непонимания собственного настоящего и будущего.

«...кто-то сумасбродно запасается на будущую жизнь, не знает, что делать. А кто-то наоборот начал жить одним днем» (Белгород, ж., 4 курс);

«Да, у меня бывает ... нахлынет страх перед будущим: «Что делать? Как быть?»» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«...Неопределенность будущего. Пойти дальше учиться или работать, или еще что-то. Потом, ну вот эта военная ситуация, положение.... Что сейчас происходит? И потраченное зря время... Зачем я пошел в высшее...А не зря ли я трачу свое время?» (Тюмень, ж., 1 курс).

Отмечаются и другие страхи, которые не связаны с ситуацией (страх моральной и физической боли, старости и беспомощности), либо чья значимость существует вне контекстов, но выросла на фоне ситуации (экзистенциальный страх собственной смерти). Однако наибольшее социально-психологическое напряжение вызывают диффузные, естественные в обычных обстоятельствах страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей, за собственное социальное будущее, будущее мира, которые под влиянием ситуации обретают конкретность и угрожающую остроту.

Социально-политические страхи студентов. Эти страхи представлены достаточно весомой и вариативной группой тревог, опасений и панического беспокойства. К страхам макроуровня, с одной стороны, относятся видимые, ощущаемые и обсуждаемые активно в массмедиа экзистенциальные угрозы для человечества, страны, такие как, «эскалация конфликта», «мировая война», «ядерный удар», «гибель человечества», «терроризм». Во многом это тревоги средней интенсивности. Они осознаются, проговариваются, но не являются доминантами, определяющими общую тревожность молодого поколения.

С другой стороны, студенты серьезно опасаются пугающих последствий возможных альтернативных сценариев развития конфликтной геополитической ситуации,

которые влияют не только на внутреннюю политику в стране в целом, но и их личную судьбу и свободу как молодых граждан. Молодежь пугает «развал страны», «падение политического авторитета РФ», «политическая изоляция», «железный занавес», а также «страх непродуманных законодательных инициатив и управлеченческих решений», «возможность установления тоталитарного режима». В палитре политических страхов-следствий особое место занимают, явно доминируя в молодежном сознании, «массовые репрессии и произвол властей». В структуре последних проявляется три основания, объясняющие природу этих страхов: апелляции к истории страны, обращение к истории семьи, а также влияние медиасреды, прежде всего, сети интернет, социальных сетей, в частности.

«Они (репрессии) коснулись моей семьи, причем очень коснулись и есть по этому поводу серьезные опасения» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«Вот я теперь понимаю, что пережила моя бабушка. Возможно, это пережить придется и мне, я не готова, мне страшно» (Тюмень, ж., 4 курс);

«Я заходил в комментарии под этой новостью. Люди пишут, что начался произвол, мы вернемся к железному занавесу, будут массовые репрессии, непонятно, за что нас будут судить» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«Массовые репрессии – это сравнимо с войной и всякими конфликтами. По сути, это враждебность к собственному народу, к собственной стране ... и это все ужасно» (Екатеринбург, ж., 1 курс).

Рационализируя свои тревоги, чувства психологического дискомфорта и отчаяния, студенты осмысливают сложившуюся ситуацию как страх перед «своей беспомощностью», «зависимостью от воли других, тех, кто играет на политической арене». Эмоциональная напряженность переживается и преодолевается через самооправдание своей исключенности, устранимости от происходящего. Во многом это

свидетельствует об отстраненности большинства молодых россиян от различных форм гражданского, социального, политического участия, об их ощущении отчужденности от собственной жизни, где довлеют внешние силы и обстоятельства.

«Это страх беспомощности, возможно. За себя, за будущее, за близких» (Ростов-на-Дону, ж., 3 курс);

«Беспокоит потеря себя. ... Это безысходность от того, что ничего не можешь сделать» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Мы ничего не можем с этим сделать, никак повлиять на ситуацию. Нас не услышат и не поймут нигде. Пытаться что-то там кричать бесполезно, как уже было много раз сказано сегодня, бессмысленно абсолютно. (Екатеринбург, ж., 1 курс).

К страхам микроуровня (внутренний локус тревожности) относятся две условно выделенные группы страхов – непосредственные следствия боевых действий: 1) страх «собственной физической гибели и гибели своих близких, семьи», тревога за «личную безопасность», 2) страх «потери личной свободы», «свободы слова и мыслей», «обман государства». Студенчество артикулирует слабость своей социальной позиции, физическую и эмоциональную беспомощность. Эти беспокойства и опасения характерны практически для всех, но различаются степенью тревожности за родных и близких людей, которая определяется территориальной близостью либо отделенностью от арены военного столкновения.

Если в первом случае опасения сопряжены с ближайшим социальным кругом студентов, то во втором тревога вызвана внутриполитической ситуацией, в которой только усилился разрыв между россиянами и властью, зафиксированный и сохранявшийся в стране последние годы (по Ж. Т. Тощенко в обществе травмы). Студенты определяют характер своих отношений с властью в стране в целом и на уровне университета, в частности, следующим образом:

«Страх, что государство нас обманет. Ну, сейчас все так классно, а в один момент окажется, что все это обман» (Белгород, ж., 4 курс);

«Власти, такое впечатление, как будто они нас обратно в 90-е загоняют. Пожили-пожили нормально и хватит с вас» (Белгород, м., 2 курс);

«Я лишний раз промолчу, чтобы меня не отчислили, вот, потерплю, соглашусь с чужим мнением» (Тюмень, ж., 4 курс).

Наиболее выражено тревожное напряжение относительно социально-политической повестки в сфере принятия нормативных и правовых актов, регламентирующих распространение информации в мас-медиа. На фоне определенного недоверия к лицам, принимающим решения, опасения у студентов вызывает покушение на их свободу доступа к информации.

«Свобода СМИ все-таки была. Мы видели и оппозицию, которая осуждала действия властей. Я все же за плюрализм мнений, за свободу слова, что у нас сейчас отнимают» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«Вышел закон о фейках. Все что не подходит под одну идеологию – это фейк. И, следовательно, все, что остается сейчас – это слушать, что нам навязывают кто-то. Все эти опасения возникают у тех людей, которые могут критически размышлять и понимать, что что-то не так» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Социокультурные страхи студентов. Анализ данных фокус-групп позволил выявить у студенческой молодежи актуализацию отдельной группы страхов, которые можно отнести к социокультурным, а также практики осмысления ценностных изменений, оказывающих фоновое воздействие на динамику всего комплекса страхов в целом.

Большая группа страхов, актуализированная в начале марта связана с феноменом так называемой «культуры отмены» (*cancel culture*) или культуры исключения (*call-out culture*), что на глобальном уровне обусловлено нарушением социокультурных межстранных обменов в сфере обра-

зования, науки, искусства, а также радикальной сменой имиджа российского государства и россиянина в мире, ограничивающей возможности диалога и интеграции граждан многомиллионной страны в мировое культурное пространство. Страхи культурной изоляции страны для студентов сопонесены с изменением статуса российского образования и науки, нарушением научно-образовательных обменов.

«Одна из главных причин для беспокойства – это проблема образования. Реформирование Болонской системы, закрытие индексов цитирования – это всё значительно скажется на образовании и науке» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Многих студентов сегодня беспокоит обесценивание российского образования в масштабе мира. Для многих уже закрылись возможности уехать учиться и провести месяц или семестр заграницей» (Тюмень, м., 1 курс).

На уровне повседневных практик у студентов проявляется страх перед возникающей интолерантностью в сфере культурной коммуникации оффлайн и онлайн. Они озвучивают свои опасения следующим образом:

«Как потом ездить заграницу с российским паспортом, знакомиться с людьми и говорить, что ты русский человек? Вот это тоже страшно» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«У нас ребят из группы, когда они просто играли в онлайн-игру и сказали, что они русские, начали хейтить и угнетать» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Болезненно воспринимается студентами трансформация межстранового культурного диалога с тотальным навязыванием вины и ответственности, когда в контексте морализаторских установок патерналистского типа артикулируется чувство вины, носителем которого объявляются все граждане России и конструируется представление о благотворном действии санкций в сфере культуры, призванных «научить» цивилизованному поведению.

«На меня очень сильно влияет ненависть к русским и тот факт, что как будто должно быть стыдно за то, что ты русский» (Екатеринбург, ж., 3 курс);

«Если ты русский, значит ты убийца и начнешь против них войну» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Допустим вводят санкции, но это же влияет на обычных людей. А обычные люди чем это заслужили?» (Тюмень, ж., 1 курс).

Одним из проявлений этих процессов можно считать страх русофобии, на который студенты многократно ссылаются, обозначая свои переживания:

«Отношение западных стран к нам и проявления русофобии меня очень сильно пугают» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«Все русскоязычное население уже столкнулось с русофобией. Не боится ее, наверное, только не русскоязычные» (Екатеринбург, ж., 3 курс).

Сталкиваясь с такими явлениями, относительно индифферентная студенческая молодежь, объективно не встроенная в систему демократического участия в политической жизни и влияния на принятие политических решений, не понимает, что делать с предъявляемыми им требованиями и нормами культуры, вины и стыда.

Общей ценностной основой многих страхов, по мнению студентов, вне зависимости от территории, на которой они проживают, выступают межпоколенческие различия, обусловленные более глубокой встроенностю молодежи в глобальный мир, чем поколение старших.

«Мы всё-таки поколение 2002-2003 гг., это XXI век..., современное общество всё-таки и никакие операции и даже спецоперации и супероперации – ну, это неприемлемо вообще» (Екатеринбург, м., 1 курс);

«Я, например, имею причастность к европейской культуре и ценностям... Если очень сильно разрушатся отношения с европейскими странами, это будет большой удар и для молодежи, и для остальных людей» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Социально-экономические страхи студентов. В данной группе на макроуровне выявлены страх за устойчивость национальной экономики в условиях санкционных ограничений, страх перед нестабильностью международных рынков и связанных с этим последствий. К проявляющимся на микроуровне страхам, имеющим внутренний локус тревожности, были отнесены страхи за собственный бизнес или бизнес семьи, страх невозможности своей профессиональной самореализации и трудоустройства, потери накопленных ресурсов, снижения покупательских возможностей. Эти страхи характерны для студентов всех вузов исследуемых регионов. Практически все информанты отметили, что эта проблема беспокоит студенчество. Этот тип страхов имеет предельно конкретные проявления:

«... Многих студентов беспокоит три вещи: как купить сахар, что я буду делать после выпуска, и как сильно изменится мое финансовое положение, то есть хватит ли мне денег» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«... Я боюсь бедности, потому что слишком много сил положил на то, чтобы развиваться. Скатываться обратно не хочется» (Екатеринбург, м., 3 курс);

«Я думаю, многим страшно столкнутся лицом к лицу с бедностью, с неплатежеспособностью...» (Тюмень, ж., 4 курс.).

Изменение экономической ситуации, обусловленное санкционными ограничениями, высокий уровень включенности российской экономики в глобальные логистические цепочки, волатильность международных сырьевых, товарных и валютных рынков вызывают определенное беспокойство у студенчества. Их опасения усиливаются общим информационным фоном, формирующим катастрофическую картину экономического кризиса.

«Беспокоит уход компаний, массовое бегство с нашего рынка – этот страх на первом месте...» (Екатеринбург, ж., 1 курс);

«...По сути у нас всё завозится из других стран, и мало, что мы производим абсолютно самостоятельно» (Екатеринбург, ж., 1 курс).

Боязнь «краха экономики» усиливает в студенческой среде «страх потери в будущем работы, бизнеса». Этот страх особенно остро проявляется у тех студентов, кто сам работает, занимается предпринимательской деятельностью или вовлечен в бизнес своих родителей.

Внутренний локус тревожности проявляется в страхах невозможности самореализации, потери накопленных ресурсов, бедности. Студенты боятся «не реализоваться», «не построить карьеру», «не найти работу», «зарабатывать мало и жить в нищете». Типичные опасения студенчества, характерные для этой возрастной когорты в целом, усиливаются в связи с происходящими событиями.

«Первое, что беспокоит всех студентов, это их собственное будущее: куда идти работать, какая будет зарплата, идти ли в магистратуру и все такое» (Тюмень, ж., 1 курс);

«Вот ты выпустился и нужно что-то делать, куда-то устраиваться официально работать, а не подрабатывать. В целом я сильно беспокоюсь о будущем, то есть какая будет жизнь, получится ли с работой, как жить дальше» (Белгород, м., 4 курс);

«Беспокоит сильно карьера, поскольку без карьеры никак. Под карьерой я подразумеваю работу, материальный достаток и все, что с этим связано. А эти события непосредственно влияют на карьеру, потому что идут сокращения, возможно уменьшение заработной платы...» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

Студенты, имеющие опыт предпринимательской деятельности, боятся утраты уже имеющихся достижений. Тревога особенно нарастает у тех, кто столкнулся с потерей каких-либо ресурсов или возможностей (финансовых, инфраструктурных, коммуникативных и др.).

«Как я теперь буду зарабатывать? ... Инстаграм – площадка, которая даёт заработка и собственно давала мне контакт с многими людьми, которые могли поспособствовать этому заработка» (Белгород, м., 4 курс);

«Эта ситуация уже отразилась на моей деятельности в дизайне. Очень многие программы ушли из России. И один из проектов, которым я пользовалась, полностью закрыт для санкционной страны, которой стала Россия» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс).

Один из ярко выраженных страхов студенчества в данной группе – страх снижения уровня жизни, ухудшения ее качества. Он соотносится в суждениях молодежи с изменениями привычных моделей потребления. По мнению многих студентов, «большинство волнует, как им обеспечить себя, своих близких, чтобы они могли не просто выживать, а полноценно жить». Тревожность вызывают реальные и возможные нарушения привычного образа жизни, поскольку многие не смогут позволить себе те практики, которые были для них привычны и комфортны.

«Некоторым моим друзьям уже пришлось отказаться от поездок на такси и покупки товаров, выходящих за пределы жизненно необходимого» (Екатеринбург, ж., 3 курс);

«Я не буду ничего говорить. Есть ходильник, он все сам скажет спустя время, поскольку цены растут...» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс);

«Сейчас даже если у тебя есть деньги, ты не сможешь купить хорошую машину, телефон, да что угодно» (Тюмень, м., 1 курс).

Терпеть ухудшение своего материального положения молодое поколение не готово. Все выделенные страхи пока только артикулируются. Студенты боятся возможного выхода из зоны комфорта, проводя параллели с экономическим кризисом 1990-х годов и прошлым опытом их родителей, не желая его повторять, переживать «возврат

к тому уровню жизни, из которого мы вышли и гордимся тем, что мы победили в 90-е...» (Белгород, м., 4 курс). Стратегий нового экономического поведения студенты пока не продумывают и, тем более, не реализуют, их цели на будущее не поменялись, поставлены под сомнение, либо отдалились.

Особенности репертуара страхов студентов приграничных районов. Для их выявления сопоставлялись суждения студентов вузов, размещенных на близких и отдаленных от реального места проведения специальной военной операции территориях. В приграничных районах конфликтные события затронули практически каждого. Страхи студентов предельно конкретны, четко идентифицируются, имеют явные причины. Их природа обусловлена реальным опытом человека, тем, что каждый видит, слышит, с чем сталкивается ежедневно в реальности, а не только в медиасреде.

«Мы близко находимся к границе, поэтому страх реальный. И многие могли ощущать страх, что сейчас будет какой-нибудь ядерный удар. Все понимают куда он будет направлен» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Военные везде. Что у них в голове? ... поэтому ты не чувствуешь себя в безопасности» (Белгород, ж., 4 курс);

«Если мы с вами находимся условно недалеко от границы, нас это волнует в любом случае намного больше, чем людей, которые живут в каком-нибудь Петропавловске-Камчатском» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

Студенты приграничных территорий благодаря личным контактам владеют конкретной информацией от участников событий, тех, кому, с их точки зрения, можно доверять. Их социально-политические тревоги и опасения поддерживаются фактами, формирующими представления о масштабах происходящего на территории Украины, вызывающими боль и чувство невозвратных потерь.

«Для меня страшно, что не восстановят Украину. Не восстановят вообще. Я люблю Украину, люблю очень Харьков. Мысль о том, что там люди озлоблены на нас и что скорее всего никогда больше мы не увидим эту страну – вот это очень страшно» (Белгород, ж., 4 курс);

«У меня еще страх относительно всего этого восстановления. С парнем одним работал, он сейчас в Харькове живет, скидывает постоянно мне какие-то фотографии. Ну, там просто ни одного живого здания практически нет ...» (Белгород, м., 4 курс);

«Приехал друг, обсудили всю эту ситуацию, как она на самом деле там выглядит, какое у них вообще там положение.... Как можно оценить потерю близкого человека, просто не знаю» (Ростов-на-Дону, м., 2 курс).

В приграничных регионах для студенческой молодежи более остро стоят проблемы осмысливания и переосмысливания общечеловеческих гуманистических ценностей и моральных стандартов. Реальность, которую они непосредственно наблюдают, подталкивает к размышлениям об экзистенциальных проблемах смерти, «расчеловечивания», когда, например, по их мнению, происходит «обесценивание человеческой жизни», воспринимаемой не как «высшая ценность, а расходный материал» (Белгород, ж., 4 курс).

В идеологической сфере для них болезненно столкновение с противоречиями в проявлениях патриотизма, представления о котором были ранее усвоены. Отмечая «нарастающее чувство патриотизма» (Белгород, ж., 4 курс), студенты в то же время констатируют: «а я вижу, что это не патриотизм, это ответ на требование «идите и делайте» (Белгород, м., 4 курс). Противоречивые эмоции у них вызывает pragматическая мотивация контрактников, с которыми приходилось общаться:

«Каждый второй-третий говорит, что у них в селе нет работы, нет денег. Для

них 60 тыс. это колоссальные деньги и армия – реальный способ заработать» (Белгород, ж., 4 курс).

Информанты из приграничных территорий испытывают психологическую напряженность, вызванную военным присутствием, видом оружия, военной формы, военной техники, звуками военных самолетов, вертолетов и пр.

«Почти каждый день постоянно самолеты летают над тобой... как-то нервничать начинаешь» (Ростов-на-Дону, ж., 2 курс);

«Едет военная техника – мне прямо страшно. Вот, военные ходят, а у меня ужас какого-то... люди в форме...» (Белгород, ж., 4 курс).

Заключение (Conclusions). В статье представлен анализ страхов российского студенчества, зафиксированных в ходе исследования, реализованного в самом начале военно-политического конфликта между Россией и Украиной (первая половина марта 2022 года). В этот период в иерархии страхов студенчества доминировали страхи по поводу экономического и психологического благополучия ближайшего окружения, опасения студентов за собственное будущее, страх войны, бедности, социально-политического произвола со стороны власти. В целом полученные данные о структуре страхов не противоречили результатам массовых опросов россиян, проведенных в этот же период. Однако в приграничных территориях комплекс страхов, связанных с военными действиями, явно превалировал.

Выявлено, что социально-психологические страхи, выступающие в обычных условиях как фоновые, диффузные, естественные экзистенциальные страхи за жизнь, здоровье и благополучие близких людей и др., под влиянием текущей ситуации обрели конкретность, угрожающую остроту, особенно в приграничных районах. Страх неопределенности будущего

стал драйвером усиления социально-политических страхов: железного занавеса, установления тоталитарного режима, массовых репрессий, доносов, произвола властей и политического давления на личность. Политически окрашенные тревоги сопрягаются с четко неопределенной политической ориентацией студенчества. Наши выводы в этом плане соотносятся с данными опроса ВЦИОМ, согласно которым скорее поддерживают специальную военную операцию 72% россиян старше 18 лет, тогда как среди студентов такую позицию обозначили только 45% студентов, принявших участие в опросе.¹

Интенсифицировался комплекс экономических страхов студенчества на макроуровне (международных санкций и экономической изоляции РФ, дестабилизации рынков, имеющих серьезные экономические последствия) и микроуровне (бедности, безработицы, снижения уровня и качества жизни, нарушения привычных потребительских практик). Ощущался всплеск социокультурных страхов, связанных с культурной изоляцией России и кардинальной сменой ее имиджа в глазах мирового сообщества. Страхи с внешним локусом контроля, как правило, являются фоновыми. Страхи с внутренним локусом в сознании молодежи более вариативны по интенсивности.

Выявлены гендерные различия. Для юношей оценка текущей ситуации была сдержанной, проявлялась через ощущения «тревоги», «госки и печали», «беспокойства за будущее», «неопределенности от всего происходящего». Для девушек характерна большая эмоциональность, выражавшаяся в терминах «депрессии», «стресса», «страха», «ужаса», «паники», и готовность к неуправляемым эмоциональным реакциям («хочется спрятаться», «сейчас заплачу»).

¹ Специальная военная операция: мониторинг. Опубликовано 30 мая 2022 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cpecialnaja-voennaja-operacija-monitoring> (дата обращения 07.06.2022)

Видимые гендерные особенности проявления страхов и прежде описывались в социологических исследованиях (Гудков, 1999).

В ходе анализа данных стало понятно, что палитра страхов студенчества имеет типичную структуру, которую и ранее социологи фиксировали в исследованиях, не привязанных к конкретным ситуациям и событийным контекстам. В повседневной жизни на кануне спецоперации молодежь, как и россияне в целом, тревожилась за здоровье – свое и близких. Молодые чаще остальных возрастных групп волновались из-за невозможности реализоваться в жизни¹. Наше исследование позволило выявить в проявившихся страхах не только устоявшиеся антропологические, аффективно-когнитивные и поведенческие черты, но и индивидуальную и групповую динамику страхов (Stets, Turner, 2014). Так, текущая ситуация неопределенности, усилила социально-психологическое напряжение, где наиболее выражен характерный для всех групп студентов страх не за себя, а за свою семью, ближайшее окружение. Ориентация на ближний социальный круг как главный охранительный «оплот» и источник поддержки свидетельствует о сохранении у студенчества традиционных для российского общества ценностных ориентаций – на родных и близких как основу личного мирозданья, утраты которой является наиболее болезненной и пугающей (Нарбут, Троцук, 2014).

Специфика событийного контекста проводимой спецоперации в Украине, заключается в том, что социально-политические тревоги и опасения начали занимать в репертуаре страхов российского студенчества важное место. Неполитизированное поколение оказалось обеспокоено политической повесткой страны, где наряду с глобальными geopolитическими вопросами ему видятся проблемными два ракурса: «возврат к прошлому» с серьезными ограничениями свободы мысли и действия, а

также дискомфортный практически для всех без исключения страх невозможности повлиять на сложившуюся политическую и экономическую ситуацию в стране. Если ранее в исследованиях при высоком уровне тревожности студенчеству не был характерен пессимизм и безрадостный жизненный настрой (Нарбут, Троцук, 2014), то в текущей ситуации фиксируется иное отношение молодежи к происходящему вне зависимости от личного опыта и отдаленности реальных угроз.

В палитре страхов студенческой молодежи появились новые оттенки, связанные со сферой культуры отмены. Ее экономический аспект, обусловленный экономическими санкциями в отношении РФ, в той или иной мере учитывался студентами в планировании своего будущего ранее. Но новая ситуация неопределенности, сформировавшаяся в условиях прогнозируемой тотальности и долговременности санкций, вызвала всплеск экономических страхов, необходимость справиться с которыми потребует изменений в экономическом сознании и поведении молодежи.

Политический аспект культуры отмены связан у студенческой молодежи с ростом опасений в отношении политической изоляции России на мировой арене и отчуждением от разных форм политической активности внутри страны, которое проявляется в страхах в отношении возможного нарастания политических репрессий и ограничения в правах.

Социокультурный аспект феномена отмены проявился в новых видах страхов не только перед культурной изоляцией России, но и ограничениями в онлайн и офлайн коммуникациях с молодежью из других стран, сокращением доступа к привычным социальным сетям и сервисам, возможностям ведения бизнеса в онлайн среде, отказа от студенческих культурных, науч-

¹ Тревоги и опасения людей. Опубликовано 11 февраля 2022 года. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14685> (дата обращения 07.06.2022).

ных, образовательных обменов и возможностей получения образования или работы за рубежом.

Исследование выявило и подтвердило влияние внешних средовых факторов на усиление страхов. Так, чем ближе и реальнее угрозы – тем острее и конкретнее страхи студенчества. Если в целом ценностный бэкграунд студенческой молодежи определяет и характер страхов, и стратегии их преодоления, то в приграничной зоне страхи становятся конкретными и значительно усиливаются территориальной близостью конфликта, вероятными рисками для жизни и здоровья, социального благополучия и психологического комфорта людей. Как говорит теория и подтверждает практика, динамика массовой тревожности общества следует за отдельными ситуациями, возникающими в жизни людей и порождающими страх – как своего рода психическое заражение (Седова, 2010: 154).

В дополнение к полученным исследовательским данным нельзя не отметить в среде российского студенчества запрос на психологическую защиту, выраженную в необходимости обсуждения того, что их, как и многих россиян сегодня волнует и беспокоит. Проговаривание страхов, опасений и сомнений без осуждения и споров нужно и крайне важно для молодого поколения, вузовской академической среды, страны в целом в период потрясений и неопределенности.

Фокус-групповые интервью позволили зафиксировать реакцию студенчества на спецоперацию в Украине и ее реальные и гипотетические политические, экономические, социокультурные, социальные последствия как на травматическое событие, которое повлияло на изменение их повседневных практик, социального настроения и образа мыслей. В силу этого, перспективным видится дальнейшее изучение динамики страхов в молодежном сознании, фиксация изменений в оценках происходящего, определение и изучение выбираемых моло-

дежью моделей поведения, индивидуальных стратегий, обеспечивающих преодоление актуализированных страхов. Выявленные в репертуаре страхов новы аспекты могут в дальнейшем рассматриваться как индикаторы изменения студенческого сознания и поведения в связи с трансформацией политической, экономической, социокультурной ситуации в стране и за ее пределами.

Список литературы

- Айерман Р., Хлевнюк Д. О. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138.
- Амбарова П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 24-27.
- Витковская М. И. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 86-91.
- Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. №. 9. С. 7-26.
- Гудков Л. Д. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 46-53.
- Зубков В. И. Проблемное поле социологической теории риска // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 123-127.
- Кравченко С. А. Социологические теории травмы // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60-69.
- Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Логос, 2010.
- Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 69-74.
- Нарбут Н. П., Троцук И. В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии):

сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 2. С. 284-302.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.

Седова Н. Н. Массовые тревоги и личные страхи россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 135-156.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник СПбГУ. Социология. 2016. № 4. С. 12-27. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>.

Страус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи на постсоветском пространстве: Россия, Украина и Литва // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 3 (41). С. 30-37.

Charmaz K. (2006) Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London: Sage.

Drabek T. E. (2019) The Sociology of Disaster: Fictional Explorations of Human Experiences. Milton: Routledge.

Furedi F. (1997) Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation. London: Cassell.

Matthewman S. (2015) Disasters, Risks and Revelation: Making Sense of Our Times. London: Palgrave Macmillan.

Routledge C., Vess M. (eds.) (2018) Handbook of Terror Management Theory. New York, NY: Academic Press.

Stets J. E., Turner J. H. (eds.) (2014) Handbook of the Sociology of Emotions. New York, NY: Springer.

References

- Eyerman, R., Hlevnjuk, D. O. (2013), "Social Theory and Trauma", *Russian Sociological Review*, 12(1), 121-138. (In Russian)
- Ambarova, P. A. (2012), "Society and Power through the Prism of Public Fears", *Society and Power*, (6), 24-27. (In Russian)
- Vitkovskay, M. I. (2003), "Theoretical and Methodological Aspects of "Fear" Research in Sociology", *RUDN Journal of Sociology*, (4-5), 86-91. (In Russian)
- Gagarin, A. S. (2009), "Phenomenological Topic: Meaning-of-Life' Space Existentials of Human Life", *Research Yearbook. Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, (9), 7-26. (In Russian)
- Gudkov, L. D. (1999), "Fear as a Framework of Understanding of Current Events", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (6), 46-53. (In Russian)
- Zubkov, V. I. (2001), "The Problem Field of Sociological Risk Theory", *Sociological Studies*, (6), 123-127. (In Russian)
- Kravchenko, S. A. (2020), "Sociological Theories of Trauma", *Sociological Studies*, (4), 60-69. (In Russian)
- Lacan, J. (2010), Le Séminaire. Livre X, tome 10. L'angoisse (1962-1963)", *Logos*, Moscow, Russia. (In Russian)
- Luhmann, N. (1994), "Soziologie des Risikos", *THESIS*, (5), 135-160.
- Narbut, N. P., Trotsuk, I. V. (2014), "Fears and Hopes of the Russian Students: Possibilities of Empirical Fixation", *Theory and Practice of Social Development*, (2), 69-74. (In Russian)
- Narbut, N. P., Trotsuk, I. V. (2018), "The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): comparative analysis of fears and hopes", *RUDN Journal of Sociology*, (2), 284-302. (In Russian)
- Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. and Krumm, R. (eds.) (2009), *Russia at a New Turning Point: The Fears and Anxiety*, Alfa-M, Moscow, Russia. (In Russian)
- Sedova, N. N. (2010), "Mass anxieties and personal fears of Russians", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (1), 135-156. (In Russian)

Simonova, O. A. (2016), "Basic Principles of the Sociology of Emotions", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, (4), 12-27, available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>. (In Russian)

Strauss, A., Corbin, J. (2001), *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedure i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques], Translated by T. S. Vasilyeva, Editorial URSS, Moscow, Russia. (In Russian)

Ushakin, S. (eds.) (2009), *Travma: punkty* [Trauma: Points: A Collection of Articles], New Literary Observer, Moscow, Russia. (In Russian)

Heidegger, M. (2003), *Bytie i vremya* [Sein und Zeit], Translated by V. V. Bibikhin, Folio, Kharkov, Ukraine. (In Russian)

Shlyapentokh, V. E., Shubkin V. N., Yadov V. A. (eds.) (1999), *Catastrophic Consciousness in the Modern World in the Late XX Century (Based on International Studies)*, Moscow Public Science Foundation, Moscow, Russia. (In Russian)

Sztompka, P. (2001), "Social Change as Trauma", *Sociological Studies*, (1), 6-16. (In Russian)

Shubkin, V. N., Ivanova V. A. (1999), "Fears in the Post-soviet Area: Russia, Ukraine, and Lithuania", *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 30-37. (In Russian)

Charmaz, K. (2006), *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis*, Sage, London, UK.

Drabek, T. E. (2019), *The Sociology of Disaster: Fictional Explorations of Human Experiences*, Routledge, Milton, UK.

Furedi, F. (1997), *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*, Cassell, London, UK.

Matthewman, S. (2015), *Disasters, Risks and Revelation: Making Sense of Our Times*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Routledge, C., Vess, M. (eds.) (2018), *Handbook of Terror Management Theory*, Academic Press, New York, USA.

Stets, J. E., Turner, J. H. (eds.) (2014), *Handbook of the Sociology of Emotions*, Springer, New York, USA.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2022 г. Поступила после доработки 31 августа 2022 г. Принята к печати 11 сентября 2022 г.

Received 25 August 2022. Revised 31 August 2022.
Accepted 115 September 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Elena A. Shuklina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Киенко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Tatyana S. Kienko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Тарасова Анна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Anna N. Tarasova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Андианова Елена Владимировна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия.

Elena V. Andrianova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia.

Худякова Марина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей

и экономической социологии Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия.

Marina V. Khudyakova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Исследовательская статья

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10

Зайцева А. А.[✉]

**Академическая мобильность студентов:
ценности, установки и социальные практики на Юге России**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
nas89043419793@mail.ru

Аннотация. Актуальность: Академическая мобильность, как особый вид перемещения с целью образовательных и научных практик, представляет собой один из механизмов саморегуляции процесса обучения сегодняшних российских студентов. Расширение перспектив внутривузовской и внутрироссийской академической мобильности в текущей геополитической ситуации, в том числе на Юге России, способствует повышению качества образования, созданию единой интеллектуальной среды и продвижению туристских практик. Научная проблема: Критический анализ научной литературы показал, что в научной литературе пока не рассматривалось, как сложившиеся представления об образовании и ценности влияют на установки студентов на академическую мобильность. Целью настоящего исследования являлось выявление особенностей установок и социальных практик академической мобильности российских студентов, ограниченных формальными внешними барьерами, существующими в вузах Юга России. Методы: Для изучения представлений об образовании как ценности, установок и социальных практик академической мобильности используется теория ментальных программ. В основе анализа лежит изучение значимых связей переменных через критерий Хи-квадрат. Научные результаты: Установки на внутривузовскую мобильность наиболее высоки у студентов с прагматическими взглядами, хотя в целом представления об образовании в незначительной степени влияют на внутривузовскую мобильность. Студенты с консервативными представлениями проявляют большую склонность к практикам внутрироссийской мобильности, видят в них образовательную ценность. В то время как студенты с либеральными и прагматическими взглядами считают, что это может помешать учебе в родном вузе или это им неинтересно. Абсолютное большинство студентов обладают установками на международную мобильность, но не имеют для нее финансовой возможности. Непосредственное число реализованных социальных практик в большей степени обусловлено внешними факторами, то есть возможностями, которые есть в вузах Ростовской области и Республики Крым, а также от состояния академической мобильности в российском высшем образовании в целом. Выводы: Академическая мобильность студентов в России имеет особую значимость для повышения качества высшего образования в

стране. Студенческая молодежь на Юге России, проявляя высокую степень саморегуляции, демонстрирует высокие установки на все виды академической мобильности. Однако, характер установок во многом предопределен консервативными и либеральными представлениями студентов, сложившимися в процессе социального программирования.

Ключевые слова: академическая мобильность; студенты; ценности; установки; социальные практики; саморегуляция жизнедеятельности; Юг России

Информация для цитирования: Зайцева А. А. Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальные практики на Юге России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 137-154. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10.

Research article

Anastasiya A. Zaytseva

Academic mobility of students: values, attitudes and social practices in the South of Russia

Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
119333, bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, Russia
nas89043419793@mail.ru

Abstract. Relevance: Academic mobility, as a special type of movement for the purpose of educational and scientific practices, is one of the mechanisms of self-regulation of the learning process of Russian students. In the South of Russia, expanding the prospects for intra-university and intra-Russian academic mobility contributes to improving the quality of education, creating a unified intellectual environment and promoting tourism practices. Scientific problem: A critical analysis of the scientific literature has shown that the scientific literature has not yet considered how the prevailing ideas about education and values affect students' attitudes to academic mobility. The purpose of this study was to identify the features of attitudes and social practices of academic mobility of Russian students, limited by formal external barriers existing in universities in the South of Russia. Methods: The theory of mental programs is used to study the concepts of education as a value, attitudes and social practices of academic mobility. The analysis is based on the study of significant relationships of variables through the Chi-square criterion. Research results: Attitudes to intra-university mobility are highest among students with pragmatic views, although, in general, ideas about education have little effect on intra-university mobility. Students with conservative ideas show a great attitude to the practices of intra-Russian mobility, see them as an educational value. While students with liberal and pragmatic views believe that this may interfere with their studies at their native university or they are not interested in it. Most students have an attitude to international mobility, but do not have the financial opportunity for it. The number of implemented social practices is largely due to external factors, that is, the opportunities that exist in the universities of the Rostov region and the Republic of Crimea, as well as the state of academic mobility in Russian higher education in general. Conclusions: Academic mobility of students in Russia is of particular importance for improving the quality of higher education in the country. The student youth in the South of Russia, showing a high degree of self-regulation, demonstrates high attitudes to all types of academic mobility. However, the nature of attitudes

is largely determined by the conservative and liberal ideas of students that have developed in the process of social programming.

Keywords: academic mobility; students; values; attitudes; social practices; self-regulation of life; South of Russia

Information for citation: Zaytseva, A. A. (2022), "Academic mobility of students: values, attitudes and social practices in the South of Russia", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 137-154. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10.

Введение (Introduction). Мобильность – это одна из тенденций современного общества, которая распространяется на все его сферы, включая систему высшего образования. Академическая мобильность, как особый вид перемещения с целью образовательных и научных практик, представляет собой один из механизмов саморегуляции процесса обучения сегодняшних российских студентов. Процесс приобрел импульс при вступлении России в Болонскую систему, а сегодня, наоборот, в условиях обратных процессов приобретает новые черты. Возможностей создания единого образовательного пространства с Европой все меньше, а вот перспектива создания российского единого образовательного пространства на основе внутрироссийской академической мобильности представляется эффективной.

Академическая мобильность студентов вузов на Юге России обладает своей спецификой, так как региональные вузы пока имеют разные организационные, финансовые возможности для ее осуществления. Различия выявляются при сравнении такого типичного южно-российского региона как Ростовская область, и Республики Крым как региона с особым международным статусом. И если в Республике Крым существовали бюрократические барьеры, связанные с санкционными мерами до проведения специальной военной операции, то в 2022 году ограничения для международной академической мобильности возникли для большинства российских студентов. И, с одной стороны, это можно рассматривать

как барьер для развития академической мобильности, с другой стороны – как возможность для улучшения российского образования с помощью внутрироссийских обменов. Развитие академической мобильности как внутрироссийского процесса обмена студентами между различными регионами нашей страны представляется перспективным по следующим причинам. Во-первых, это освобождает от перманентной погони за западными стандартами. Во-вторых, это способствует созданию единой интеллектуальной среды в стране. В-третьих, это позволит повысить качество образования для студентов из региональных вузов. В-четвертых, это помогает развитию туристских практик внутри страны.

Согласно исследованиям, проводимым по проблемам академической мобильности, этот процесс пока не получил должного распространения в социальной практике в России: доля студентов, обучавшихся за рубежом, не превышает 1%, а обучающихся по обмену между российскими вузами еще меньше¹. Готовы ли сами студенты к таким практикам? Целью настоящего исследования является выявление особенностей установок и социальных практик академической мобильности российских студентов, ограниченных формальными внешними барьерами, существующими в вузах Юга России.

Методология и методы (Methodology and methods). В научной литературе рассматривались различные аспекты, связанные с исследованием академической мобильности. Так в МГУ им. М. В. Ломоно-

¹ Eurasianet (США): поток студентов в заграничные вузы растет, возвращается лишь малая часть // Информационный ресурс ИноСМИ. ru URL:

<https://inosmi.ru/20190812/245623547.html> (дата обращения 15.08.2022).

сова было проведено комплексное исследование различных аспектов организации академической мобильности: были выявлены общие тенденции развития, многозначность понятия «совместных программ» между вузами, изменения нормативно-правовой базы, а также были внесены предложения по внедрению и развитию академической мобильности в данном вузе (Сёмин и др., 2007).

Учеными рассматриваются также барьеры для реализации процессов международной академической мобильности в России (Нестеров, Кузнецова, 2018), проблемы понимания стратегической важности развития мобильности для российских вузов (Матухин, 2012), правовые аспекты обеспечения академической мобильности в России и специфика ее формирования в отдельных вузах РФ (Микова, 2010), особенности организации международной академической мобильности иностранных студентов в России (Наумов, Карай, Ковнир, 2019). По мнению некоторых исследователей, санкции 2015-2018 гг. привели к снижению внимания и финансирования зарубежных проектов, что, с одной стороны, стимулировало государственную поддержку, с другой стороны, ограничило партнерские отношения с зарубежными коллегами (Рязанцев, Ростовская и др., 2019).

Исследователи рассматривали подходы к трактовке термина «академическая мобильность». Так за рубежом выделяется международная академическая мобильность, транснациональная и академическая мобильность в рамках программы Эразмус, каждой из которыхдается своя коннотация. В отечественных исследованиях академическая мобильность рассматривается не только как ограниченные поездки с образовательными и научными целями, но и личностная характеристика студента (Шакирова, Валиева, 2018). Анализируются количественные показатели входящей академической мобильности в Россию: откуда приезжают студенты, на какой форме обучаются, какие направления их привлекают в российских вузах (Громов, 2016).

Критический анализ научной литературы по проблемам академической мобильности в России показал, что в большинстве научных работ академическая мобильность рассматривается как возможность внедриться в мировое образовательное пространство, как желание получить международный передовой научный и образовательный опыт (Алиева, Фомина, 2019). Однако на сегодняшний день такая повестка в условиях современной сложившейся геополитической ситуации не представляется актуальной. Кроме того, в научной литературе пока не рассматривалось, как сложившиеся представления об образовании, ценности влияют на установки в данной сфере. Таким образом, необходимо изучить готовность студентов к различным формам академической мобильности, что было бы актуально для разработки образовательных программ в изменяющейся социальной реальности.

В настоящем исследовании для изучения особенностей феномена академической мобильности студентов используется концепция ментальных программ А. В. Лубского. Основанные на разработанном В. И. Чупровым, Ю. А. Зубок и Н. А. Романович социокультурном механизме формирования и воспроизведения социальной реальности (Чупров, Зубок, Романович, 2014), ментальные программы представляют собой структуры сознания студента, сформированные на основе его жизненного опыта, социализации и интеориоризации социальных норм, существующих в российском обществе, и предопределяющие его готовность к реализации социальных практик (Лубский, 2017). Ментальные программы включают в себя консервативные и либеральные представления об образовании как ценности и установки как готовность к академической мобильности. Консервативное представление об образовании как ценности – это получение качественных знаний, умений и навыков, а также интересной профессии. Либеральное представление об образовании – это образование как основа для будущего карьерного роста, материальных

благ и высокого социального статуса. Прагматическое представление об образовании, отличное от консервативного и либерального, это просто получение диплома или возможность отсрочить момент выхода на работу или призыва в армию.

Традиционно под академической мобильностью понимается «перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный (обычно от семестра до года) период в другое образовательное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное заведение» (Микова, 2011: 267). В настоящем исследовании рассматривается три вида практик академической мобильности: внутривузовская, которая предполагает обучение на разных направлениях в рамках одного вуза, внутрироссийская – обучение в других вузах России, помимо дочернего, и международная академическая мобильность – обучение за рубежом.

В качестве эмпирической основы настоящего исследования выступают данные авторского анкетного опроса, проводившегося со студентами вузов Юга России: Ростовской области и Республики Крым в 2020 году. Общая выборка составила 762 респондента, из которых 58% женщин и 42% мужчин, 72% из городов и 27% из сельской местности, 46% студенты 1-2 курсов бакалавриата и специалитета, 40% студенты 3-4 курса бакалавриата и 3-6 специалитета, а также 14% магистрантов. В исследовании принимали участие студенты из 7 вузов Ростовской области (382 чел.) и 5 вузов Республики Крым (380 чел.). Доверительный интервал 95%, ошибка выборки 5%.

Анализ полученных эмпирических данных осуществлялся в программе SPSS

Statistics 23. Связь переменных ценности образования, а также установок и практик академической мобильности строится через критерий Хи-квадрат. Статистически показательной оказывается связь, где ассоциативная значимость ниже 0,05, при этом критерий Фи указывает на прямую или обратную связь переменных. Кроме того, для анализа использовались простые кросс-распределения переменных представлений об образовании как ценности, установок и практик академической мобильности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Первым рассмотрим такой вид студенческой академической мобильности как внутривузовская. Поскольку в большинстве вузов Юга России пока нет возможностей для кратковременного обучения на разных структурных подразделениях, установка на нее изучалась через готовность к составлению индивидуальной образовательной траектории, которая предполагает, в том числе, освоение дисциплин на других направлениях и факультетах родного университета. Среди вузов, рассматриваемых в настоящем исследовании, только в федеральных вузах имеются подобные активности для студентов. В 2021 году в Крымском федеральном университете студентам представлялась возможность выбрать часть дисциплин¹. А в Южном федеральном университете ежегодно проводится Неделя академической мобильности, которая позволяет студентам получить краткосрочный опыт обучения на других направлениях².

По полученным данным в ходе авторского анкетного опроса, почти 70% студентов ответили, что в случае составления индивидуальной образовательной траектории, посещали бы нужные дисциплины и получили навык самоорганизации. При этом 16% считают, что удобно, когда есть общее расписание, все структурировано и

¹ Крымские студенты смогут сами выбрать часть предметов // Официальный сайт «ВестиКрым». URL: <https://vestik.ru/news/2021/09/14/krymskie-studenty-smogut-samivbyrat-chast-predmetov/> (дата обращения 15.08.2022).

² Отчет ректора И. К. Шевченко о деятельности университета за 2020 год // Официальный сайт Южного федерального университета. URL: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/Otchet_rektora_2020%20_30_03.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

понятно. И, наконец, 13% не уверены, что смогли бы сделать осознанный выбор. Такие результаты заставляют задуматься о высокой готовности студентов к саморегуляции и планированию собственной образовательной программы.

Но на самом деле все не так просто. Результаты изучения связи переменных представлений об образовании как ценности и установок на внутривузовскую мобильность через критерий Хи-квадрат показывают значительную связь между переменными «Образование как просто получение диплома об образовании» и «Да, я бы посещал нужные для меня дисциплины и получил бы навык самоорганизации» (Таблица 1). Это означает, что чем чаще у студентов сформирован чисто прагматический взгляд на образование, ценность обучения

«ради диплома», тем чаще студенты хотели бы посещать пары на выбор. И, вернее всего, в этом случае идет речь о желании «избавиться» от ненужных пар, снизить нагрузку, нежели получать опыт дополнительный опыт обучения. Имеет ли смысл в таком случае говорить о высокой степени саморегуляции? Кроме того, такое небольшое количество выявленных связей между ценностями и установками указывает на тот факт, что консервативное или либеральное представление об образовании как ценности в незначительной степени влияет на внутривузовскую мобильность. То есть в большинстве своем студенты просто хотят посещать только пары, которые им интересны, независимо от представления об образовании как ценности (Таблица 1).

Таблица 1

Связь переменных представления об образовании как ценности и установки на внутривузовскую мобильность (асимптотическая значимость по критерию Хи-квадрат, значимо при $\leq 0,05$)

Table 1

Relationship between idea variables of education as a value and attitudes towards intra-university mobility (asymptotic significance according to the Chi-square criterion, significant at < 0.05)

Ценности/Установки	да, я бы посещал нужные для меня дисциплины и получил бы навык самоорганизации / yes, I would attend the disciplines necessary for me and get the skill of self-organization	не уверен, что смог бы осуществить осознанный выбор / I'm not sure I could have made an informed choice	нет, удобно, когда есть общее расписание, все структурировано и понятно / no, it is convenient when there is a common schedule, everything is structured and clear
это основа для получения интересной профессии / this is the basis for getting an interesting profession	0,268	0,451	0,511
это основа для достижения материальных благ, высокого дохода / this is the basis for achieving material benefits, high income	0,492	0,821	0,312
это получение качественных знаний и умений / this is the acquisition of high-quality knowledge and skills	0,168	0,345	0,305

это необходимая ступень для успешной карьеры / this is a necessary step for a successful career	0,523	0,438	0,777
это способ достижения высокого социального статуса / this is a way to achieve a high social status	0,765	0,128	0,065
это возможность «отсрочить» момент выхода на работу или призыва в армию / this is an opportunity to "postpone" the moment of going to work or conscription	0,113	0,423	0,326
это просто получение диплома об образовании / it's just getting a diploma of education	0,003 (по Фи=0,106) (the Fi-criterion=0,106)	0,096	0,086

Немного иная ситуация обстоит с установками на внутрироссийскую мобильность. В ходе анализа было выявлено, что готовность к обучению в других вузах России ниже, чем готовность к индивидуальной образовательной траектории в рамках одного вуза, однако все же является высокой. Около половины студентов считают, что это отличная возможность академической мобильности, которая позволяет расширить знания, получить опыт обучения в других вузах России. Стоит отметить, что 20% опрошенных считают, что мобильность в другие вузы слишком сложно организовать, могут быть проблемы с учебой в своем вузе. Около 16% респондентов не готовы ехать в другой регион России, то есть им интересны другие вузы, но для ростовчан в пределах Ростовской области, а для крымчан – в пределах Республики Крым. Необходимо добавить, что только для 12% ответивших, что им вообще неинтересно обучение в других вузах России. Таким образом, как минимум у половины студентов наблюдается запрос на практики обучения в других вузах, на возможность расширить знания, получить другой опыт, послушать лекции передовых преподавателей страны.

Высокая готовность к внутрироссийской мобильности российских студентов отмечается и в других российских исследованиях. Так при опросе студентов Тюмени, Омска, Томска, Ханты-Мансийска

(n=1142), только 25% отметили, что не готовы получить опыт обучения в другом российском вузе. В то время как 25% готовы учиться весь период, 25% – семестр, 16% – учебный год, 9% – не более месяца (Волосникова и др., 2019). Высокая установка на внутрироссийскую академическую мобильность подтверждается и в исследовании ВШЭ, 66% бакалавров проявляют готовность к переезду в другой город для обучения в магистратуре (Емельянова, Теплякова, Тепляков, 2020: 136).

Более подробно рассмотрим статистические связи показателей представлений об образовании как ценности и установки на внутрироссийскую мобильность (Таблица 2).

Связь по критерию Хи-квадрат наблюдается между консервативным представлением об образовании как основой для получения интересной профессии и различными установками на внутрироссийскую мобильность. Отмечается связь положительной коннотации с ответом – «да, это отличная возможность академической мобильности, которая позволяет расширить знания, узнать об обучении в других ВУЗах России» – 0,001 (критерий Фи= 0,122) и отрицательной коннотации с ответом «мне это не интересно» – 0,000 (критерий Фи= - 0,136). Такая тенденция подтверждается и в кросс-распределениях.

Таблица 2

Связь переменных представления об образовании как ценности и установки на внутрироссийскую мобильность (асимптотическая значимость по критерию Хи-квадрат, значимо при $\leq 0,05$)

Table 2

Relationship between idea variables of education as a value and attitudes towards intra-Russian mobility (asymptotic significance according to the Chi-square criterion, significant at < 0.05)

Ценности / Установки / Values / Attitudes	да, это отличная возмож- ность академической мо- бильности, которая позво- ляет расширить знания, узнать об обучении в других ВУЗах России / yes, this is a great opportunity for aca- demic mobility, which allows you to expand your knowledge, learn about study- ing at other universities in Russia	нет, это слишком сложно организовать, могут быть про- блемы с учебой в своем ВУЗе / no, it's too difficult to organ- ize, there may be prob- lems with studying at your university	мне это не ин- тересно / I'm not interested in it
это основа для получения интересной профессии / this is the basis for getting an interesting profession	0,001 (по Фи=0,122) (the Fi-criterion=0,122)	0,586	0,000 (по Фи=-0,136) (the Fi-criterion= -0,136)
это основа для достижения материальных благ, высокого дохода / this is the basis for achieving material benefits, high income	0,004 (по Фи= -0,104) (the Fi-criterion= -0,104)	0,026 (по Фи=0,081) (the Fi-criterion=0,081)	0,704
это получение качественных знаний и умений / this is the acquisition of high-quality knowledge and skills	0,371	0,208	0,199
это необходимая ступень для успешной карьеры / this is a necessary step for a successful career	0,063	0,952	0,474
это способ достижения высокого социального статуса / this is a way to achieve a high social status	0,512	0,953	0,153
это возможность «отсрочить» момент выхода на работу или призыва в армию / this is an opportunity to "postpone" the moment of going to work or conscription	0,936	0,800	0,303
это просто получение диплома об образовании / it's just getting a diploma of education	0,109	0,188	0,009 (по Фи=0,095) (the Fi-crite- rion=0,095)

По данным параметрам выявляется, что для студентов с консервативными установками, для которых образование является основой для получения интересной профессии, внутрироссийская мобильность – это отличная возможность, которая позволяет расширить знания, узнать об обучении в других вузах России (58%). И одновременно низка вероятность, что для них это окажется неинтересно – 6%. Таким образом, студенты с консервативными представлениями проявляют большую склонность к таким практикам, видят в них образовательную ценность.

Наблюдается также обратная связь между либеральной ценностью образования как основой для достижения материальных благ и дохода, а также высокой установкой на внутрироссийскую мобильность (0,004 – ассоциативная значимость, критерий Фи = -0,104) и прямая связь с отказом от такой практики в связи со сложностью ее организации (0,026 – ассоциативная значимость, критерий Фи = 0,081). Кросс-распределения этих показателей демонстрируют, что такие студенты в меньшей степени, чем «традиционисты» заинтересованы в возможностях внутрироссийской мобильности (43%), для них это слишком сложно организовать, могут быть проблемы в своем вузе (25%). Предположительно, это связано с тем, что обучение в других вузах предполагает траты на проезд, проживание в другом городе, поэтому студенты, озабоченные материальными вопросами, не уверены, что это финансово целесообразно.

Отмечается связь показателей образования как прагматическая ценность «просто получение диплома» и отсутствие интереса к внутрироссийской мобильности (ассоциативная значимость – 0,009, критерий Фи = 0,095). Такие студенты считают,

что внутрироссийская мобильность им неинтересна (19%). Это объясняется их посредственным отношением как к образованию в родном вузе, так и к российскому образованию в целом.

Зачастую установки студентов как внутренний фактор для осуществления практик академической мобильности не являются определяющим при изучении соответствующего поведения. Внешний фактор среды может также являться важным для непосредственного осуществления таких практик. В связи с этим необходимо рассмотреть, какими возможностями обладают вузы двух южно-российских регионов.

В некоторых отчетах о самообследовании вузов Ростовской области указывается, что постепенно внедряются программы сетевого формата с организациями-партнерами, включая учреждения высшего образования¹. Здесь предполагаются связи вузов различного характера: совместное проведение всероссийских конференций, межвузовских конкурсов и проектов. Однако информация о реализации конкретных сетевых программ внутрироссийской мобильности с широким использованием онлайн-возможностей есть только в Южном федеральном университете. В 2020 году на бакалавриате реализовывалось 4 программы, в магистратуре 10 программ, причем использование онлайн-курсов университетов-партнеров используется в 24 программах бакалавриата и 8 программах специалитета с контингентом обучающихся в 1108 человек².

Крымские вузы, в отличие от вузов Ростовской области, делают больший акцент на развитии внутрироссийской мобильности. В Крымском федеральном университете им. Вернадского в 2018 году было реализовано 13 сетевых образовательных программ, большая часть из которых федеральные университеты. В 2021 году в

¹ Отчеты о результатах самообследования ЮРГПУ (НПИ) 2019–2020 // Официальный сайт Южно-российского государственного политехнического университета URL: <https://www.npi-tu.ru/sveden/document/> (дата обращения 15.08.2022).

² Отчет ректора И.К. Шевченко о деятельности университета за 2020 год // Официальный сайт Южного федерального университета URL: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/Otchet_rektora_2020%20_30_03.pdf (дата обращения: 15.08.2022)

рамках академической мобильности 97 обучающихся прошли обучение по девяти основным образовательным программам магистратуры, одной программе специалиста, трем программам бакалавриата¹. Крымский инженерно-педагогический институт принимает участие в проекте «Сетевая электронная библиотека педагогических вузов», который объединяет в себя 31 образовательную организацию высшего образования Российской Федерации. В рамках проекта вузы-участники размещают научный и учебный материал, книги по различным направлениям подготовки. В Севастопольском государственном университете были заключены договоры о сетевом взаимодействии с Московским государственным психолого-педагогическим университетом, Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова, Ростовским государственным экономическим университетом (РИНХ). 36 онлайн-курсов вузов-партнеров включены в 25 основных образовательных программ с возможностью перезачета результатов обучения. 149 обучающихся выбрали форму онлайн-обучения на курсах сторонних организаций. Таким образом, в связи с меньшими возможностями для международной академической мобильности, вузы Республики Крым делали акцент деятельности на развитии связей с российскими вузами. Последнее время такая практика набирает актуальность в связи с геополитической ситуацией.

Международная академическая мобильность является одной из наиболее распространенных форм образовательных активностей студентов по всему миру. Согласно данным авторского анкетного опроса, абсолютное большинство, более 90% опрошенных студентов на Юге России обладают установкой на международную мобильность, поэтому для выявления особенностей необходимо было выяснить, есть ли специфика мотиваций среди студентов с консервативными и либеральными представлениями об образовании.

В Таблице 3 выделены связи переменных представлений об образовании и мотиваций для международной мобильности. Анализируя результаты, можно утверждать, мотивация международной мобильности в возможности улучшить знания иностранного языка наиболее характерна для студентов, которые рассматривают образование как интересную профессию (ассимптоматическая значимость по Хи-квадрат 0,007, критерий Фи = 0,098).

Для студентов с консервативными представлениями об образовании характерно желание узнать о системе образования в другой стране. Для тех студентов, для которых образование – это интересная профессия ассимптоматическая значимость связи переменных равна 0,021, критерий Фи = 0,084, для которых образование – это качественные знания и умения ассимптоматическая значимость связи переменных равна 0,000, критерий Фи = 0,157. Такие данные указывают, что для студентов с консервативными, традиционными представлениями знания о том, как строится система образования за рубежом, каковы ее особенности являются предметом интереса и основой для мотивации.

Престиж зарубежных образовательных практик характерен скорее для студентов с либеральными взглядами на образование, для которых оно является ступенью для успешной карьеры (ассимптоматическая значимость 0,010, критерий Фи = 0,093) и условием для достижения высокого социального статуса (ассимптоматическая значимость 0,023, критерий Фи = 0,082)). Для консерваторов, наоборот, характерна обратная зависимость переменных: чем чаще студенты говорили о том, что образование для них – это качественные знания и умения, тем реже престиж иностранного образования был для них важен (ассимптоматическая значимость 0,004, коэффициент Фи = - 0,104).

¹ Отчет о самообследовании за 2021 год // Официальный сайт Крымского федерального университета URL:

<https://cfuv.ru/sveden/document> (дата обращения 15.08.2022).

Таблица 3

Связь переменных представления об образовании как ценности и мотивации к международной мобильности (асимптотическая значимость по критерию Хи-квадрат, значимо при $\leq 0,05$)

Table 3

Relationship between idea variables of education as a value and motivation for international mobility (asymptotic significance according to the Chi-square criterion, significant at < 0.05)

Ценности / Установки / Values / Attitudes	это отличная возможность улучшить навык иностранного языка / this is a great opportunity to improve your foreign language skills	это позволит больше узнать о системе образования в другой стране / this will allow you to learn more about the education system in another country	это отличная возможность полутешствовать / this is a great opportunity to travel	за рубежом качество образования выше / the quality of education abroad is higher	это престижно / it's prestigious
это основа для получения интересной профессии / this is the basis for getting an interesting profession	0,007 (по Фи=0,098) (the Fi-criterion=0,098)	0,021 (по Фи=0,084) (the Fi-criterion=0,084)	0,294	0,276	0,203
это основа для достижения материальных благ, высокого дохода / this is the basis for achieving material benefits, high income	0,728	0,710	0,410	0,592	0,704
это получение качественных знаний и умений / this is the acquisition of high-quality knowledge and skills	0,335	0,000 (по Фи=0,157) (the Fi-criterion=0,157)	0,270	0,105	0,004 (по Фи = - 0,104 (the Fi-criterion= - 0,104)
это необходимая ступень для успешной карьеры / this is a necessary step for a successful career	0,269	0,437	0,609	0,414	0,010 (по Фи=0,093) (the Fi-criterion=0,093)
это способ достижения высокого социального статуса / this is a way to achieve a high social status	0,571	0,320	0,666	0,886	0,023 (по Фи=0,082) (the Fi-criterion=0,082)
это возможность «отсрочить» момент выхода на работу или призыва в армию / this is an opportunity to	0,994	0,099	0,009 (по Фи=0,094) (the Fi-criterion=0,094)	0,357	0,530

"postpone" the moment of going to work or conscription					
это просто получение диплома об образовании / it's just getting a diploma of education	0,665	0,016 (по Фи= -0,060) (the Fi-criterion= -0,060)	0,263	0,000 (по Фи=0,130) (the Fi-criterion=0,130)	0,968

Прагматический взгляд на образование как возможность отсрочить момент выхода на работу четко коррелирует с желанием попутешествовать в рамках международной мобильности (ассимптоматическая значимость – 0,009, критерий Фи = 0,094). Необходимо дополнить, что студенты, для которых образование – это просто диплом, не интересуются системой образования в другой стране (ассимптоматическая значимость – 0,016, критерий Фи = -0,060). Наблюдается прямая связь между переменными образование как просто диплом и высокая значимость качества образования за рубежом (ассимптоматическая значимость – 0,000, критерий Фи = 0,130). На первый взгляд парадоксальная ситуация может объясняться тем, что такие студенты относятся негативно к получаемому в России образованию и имеют сформированное мнение об образовании за рубежом, которое, в том числе, может основываться как на имеющемся опыте, так и на стереотипных представлениях.

В 2021 году проблемы, связанные с международной мобильностью в Ростовской области и Республике Крым, имели свою специфику. На полуострове наблюдалось меньше возможностей международной мобильности в связи с санкциями зарубежных государств и закрытостью границ. Это отмечалось в том числе в отчетах о самообследовании крымских вузов: «осуществление международной деятельности

до настоящего времени затруднено введением режима санкций и ограничений в отношении Крыма»¹. Однако в 2022 году на фоне проведения специальной военной операции и зарубежных санкций, вузы Ростовской области также переориентируют возможности для международной академической мобильности на восточное направление².

И все же основной причиной отсутствия практик международной академической мобильности и для ростовских, и для крымских студентов, был скорее недостаток финансовых возможностей (Zaytseva, 2021). Поэтому по коэффициенту Хи-квадрат между переменными выявляется не так много связей (Таблица 5). Например, студенты с консервативными представлениями об образовании как интересной профессии скорее считают, что не хотят пропускать часть занятий в родном вузе, ведь международная мобильность предполагает обучение не меньше семестра с другой стране (ассимптоматическая значимость – 0,032, критерий Фи = 0,078). А вот для студентов, для которых образование – это просто диплом, факт отсутствия на занятиях в родном вузе не был бы препятствием (ассимптоматическая значимость – 0,04, критерий Фи = -0,104). Основная причина отсутствия у них практик международной мобильности – это недостаток финансов (ассимптоматическая значимость = 0,050, критерий Фи = 0,071).

¹ Отчет о самообследовании за 2021 год // Официальный сайт Российской государственный университет правосудия. Симферополь. URL: https://crb.rgup.ru/sveden/document/#anchor_reportEduDocLink (дата обращения 15.08.2022).

² Отчет ректора И. К. Шевченко о деятельности университета за 2020 год // Официальный сайт Южного федерального университета URL: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/Otchet_rektora_2020%20_30_03.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

Таблица 4

Связь переменных представления об образовании как ценности и причин отказа от международной мобильности (асимптотическая значимость по критерию Хи-квадрат, значимо при $\leq 0,05$)

Table 4

Relationship between idea variables of education as a value and the reasons for rejecting international mobility (asymptotic significance according to the Chi-square criterion, significant at < 0.05)

Ценности / Установки / Values / Attitudes	у меня нет финансовой возможности / I don't have a financial opportunity	я не хочу пропускать занятия в своем вузе / I don't want to miss classes at my university	в нашем вузе нет программ для обуче- ния за границей / there are no programs for studying abroad in our university	я ничего не знаю о программах обра- зования за границей / I don't know any- thing about education programs abroad	я не хочу надолго уезжать из дома / I don't want to leave home for a long time	мне это не интересно / I'm not inter- ested in it
это основа для получения интересной профессии / this is the basis for getting an interesting profession	0,955	0,032 (по Фи=0,078) (the Fi-criterion = 0,078)	0,735	0,364	0,286	0,259
это основа для достижения материальных благ, высокого дохода / this is the basis for achieving material benefits, high income	0,254	0,846	0,538	0,137	0,936	0,343
это получение качественных знаний и умений / this is the acquisition of high-quality knowledge and skills	0,051	0,211	0,709	0,440	0,262	0,113
это необходимая ступень для успешной карьеры / this is a necessary step for a successful career	0,421	0,665	0,632	0,254	0,811	0,954
это способ достижения высокого социального статуса / this is a way to achieve a high social status	0,705	0,611	0,153	0,849	0,633	0,158
это возможность «отсрочить» момент выхода на работу или призыва в армию / this is an opportunity to "postpone" the moment of going to work or conscription	0,224	0,860	0,555	0,279	0,917	0,431
это просто получение диплома об образовании / it's just getting a diploma of education	0,050 (по Фи=0,071) (the Fi-criterion= 0,071)	0,004 (по Фи= -0,104) (the Fi-criterion = -0.104)	0,668	0,100	0,692	0,164

Таблица 5

Связь переменных представления об образовании как ценности и практик академической мобильности (асимптотическая значимость по критерию Хи-квадрат, значимо при $\leq 0,05$)

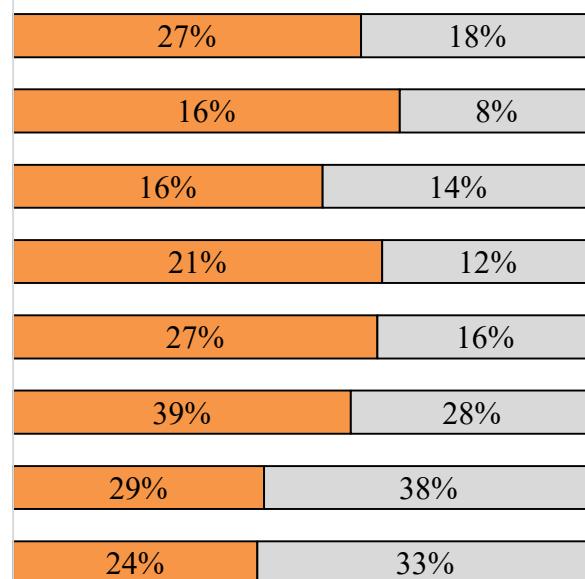
Table 5

Relationship between idea variables of education as a value and practices of academic mobility (asymptotic significance according to the Chi-square criterion, significant at $< 0,05$)

Ценности / Установки / Values / Attitudes	на других направлениях в рамках моего вуза / in other faculties within my university	в других вузах моего города / in other universities of my city	в другом регионе в России / in another region in Russia	в другой стране / in another country	занятия и мастер-классы в моем городе вне вуза / classes in my city outside the university	Нигде / nowhere
это основа для получения интересной профессии / this is the basis for getting an interesting profession	0,585	0,327	0,632	0,822	0,649	0,107
это основа для достижения материальных благ, высокого дохода / this is the basis for achieving material benefits, high income	0,313	0,827	0,182	0,386	0,885	0,297
это получение качественных знаний и умений / this is the acquisition of high-quality knowledge and skills	0,121	0,822	0,810	0,731	0,500	0,868
это необходимая ступень для успешной карьеры / this is a necessary step for a successful career	0,832	0,300	0,488	0,443	0,521	0,719
это способ достижения высокого социального статуса / this is a way to achieve a high social status	0,836	0,186	0,407	0,582	0,653	0,620
это возможность «отсрочить» момент выхода на работу или призыва в армию / this is an opportunity to "postpone" the moment of going to work or conscription	0,452	0,608	0,422	0,004 (по Фи= 0,104) (the Fi-crite- rion= 0,104)	0,059	0,405
это просто получение диплома об образовании / it's just getting a diploma of education	0,505	0,594	0,386	0,502	0,495	0,678

Данные из Таблицы 5 позволяют сделать вывод о том, что практики различных видов академической мобильности не зависят от представлений об образовании как ценности. Это означает, что число практик зависит в большей степени обусловлено

- на других направлениях в рамках моего вуза/in other faculties within my university
- в других вузах моего города/in other universities of my city
- в другом регионе в России/in another region in Russia
- в другой стране/in another country
- занятия и мастер-классы в моем городе вне вуза
- научные практики/scientific practices
- онлайн-курсы/online courses
- нигде/nowhere

■ Ростовская область/Rostov region □ Республика Крым/Republic of Crimea

Рис. Доля студентов вузов Ростовской области и Республики Крым, реализовавших образовательные практики, в %
Fig. The share of university students of the Rostov region and the Republic of Crimea who have implemented educational practices, in %

Если сравнить число образовательных практик, реализованных студентами двух регионов по результатам анкетного опроса, мы увидим значительный перекос в сторону Ростовской области (см. Рисунок). Студенты Крыма имеют меньший опыт образовательных практик и внутри вуза (18% против 27%), и в других вузах города (8% против 16%), и в других регионах России (14% против 16%), и в другой стране (12% против 21%), в занятиях и мастер-классах вне вуза (16% против 27%), в научных практиках (28% против 39%). Исключение составляют только онлайн-практики, которые значительно актуализировались в период пандемии, и формально все студенты оказались в них вовлечены (38% против 29%).

Соответственно среди студентов полуострова больше тех студентов, которые не принимали участие ни в каких образовательных практиках (33% против 24%).

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что академическая мобильность студентов в России имеет особую значимость для повышения качества высшего образования в стране. Студенческая молодежь на Юге России, проявляя высокую степень саморегуляции, демонстрирует высокие установки на все виды академической мобильности: внутривузовскую, внутрироссийскую и международную. Однако, характер установок во многом предопределен консервативными и либеральными представлениями

студентов, сложившимися в процессе социального программирования. Студенты с консервативными взглядами проявляют высокую готовность к внутрироссийской мобильности, а также интересуются системой образования за рубежом и изучением иностранного языка. Для студентов с либеральными представлениями характерны более низкие установки на внутрироссийскую мобильность, но более высокие на международную на основе оценки престижа зарубежного образования. Для прагматичных студентов, которых российское образование не является ни консервативной, ни либеральной ценностью, значимы самостоятельный выбор дисциплин и международная мобильность по причине высокой оценки качества образования за рубежом.

Условий для реализации всех видов академической мобильности в вузах Ростовской области и Республики Крым недостаточно. Изменявшаяся геополитическая ситуация должна дать толчок для развития внутривузовской и внутрироссийской мобильности с целью повышения образовательных возможностей студентов регионов, создания единого научно-образовательного пространства в России и развития туристских практик.

Список литературы

Академическая мобильность в России: нормативно-методическое обеспечение / Сёмин Н. В., Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л., Лукшин А. В., Муравьева А. А., Олейникова О. Н. М.: Изд-во МГУ, 2007. 208 с.

Алиева Л. Р., Фомина Е. А. Организация исходящей академической мобильности в вузе: современная ситуация и направления развития // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С. 119-127.

Волосникова Л. М., Федина Л. В., Кукуев Е. А., Патрушева И. В., Огороднова О. В. Академическая мобильность для всех // Презентационные материалы. URL: https://rtmc.utmn.ru/upload/medialibrary/f85/Akademicheskaya-mobilnost-dlya-vsekh_Volosnikova-LM.pdf (дата обращения 15.08.2022).

Громов А. Д. Академическая мобильность иностранных студентов // Факты образования. Выпуск 7. 2016. URL: <https://publications.hse.ru/> (дата обращения 15.08.2022).

Емельянова И. Н., Теплякова О. А., Тепляков Д. О. Мобильность студентов российских вузов как явление и управленческая проблема // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 131-144.

Матухин Д. Л. Академическая мобильность студентов в вузах России: проблемы и перспективы // Официальный сайт «Руснаука», URL: <http://www.rusnauka.com> (дата обращения 15.08.2022).

Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А. В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

Микова И. М. Академическая мобильность в вузах России // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2010. № 1 (26). С. 16-22.

Микова И. М. Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-akademicheskoy-mobilnosti-studentov> (дата обращения: 05.08.2022).

Наумов Р. А., Карай М. З., Ковнир В. Н. Механизмы и роль международной академической мобильности в российском образовании // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 10. С. 1893-1904.

Несторов Е. Ю., Кузнецова А. Д. Современные реалии академической мобильности для высшего образования в Российской Федерации // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: https://scienceforum.ru/2018/article/201800031 (дата обращения: 15.07.2022).

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 420-435.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к реальности в российском

общество: социокультурный механизм формирования и воспроизведения. М.: Норма, 2014. 352 с.

Шакирова А. А., Валеева Р. А. Развитие академической мобильности студентов в России и за рубежом. Учебно-методическое пособие для студентов вузов. Казань: КФУ, 2018. 55 с.

Zaytseva A. A. Social Behavior of University Students in the Educational Sphere in the Rostov Region and the Republic of Crimea: A Comparative Perspective // International Journal of Early Childhood Special Education. 2021. Vol. 13. № 2. P. 319-326.

References

Sjomin, N. V., Artamonova, Ju. D., Demchuk, A. L., Lukshin, A. V., Murav'eva, A. A., Olejnikova, O. N. (2007), *Akademicheskaja mobil'nost' v Rossii: normativno-metodicheskoe obespechenie* [Academic mobility in Russia: regulatory and methodological support], Izd-vo MGU, Moscow, Russia, 208. (In Russian)

Alieva, L. R., Fomina, E. A. (2019), "Organization of outgoing academic mobility at the university: current situation and directions of development", *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, (5), 119-127. (In Russian)

Volosnikova, L. M., Fedina, L. V., Kukuev, E. A., Patrusheva, I. V., Ogorodnova, O. V. (2019), *Akademicheskaja mobil'nost' dlja vseh*, Prezentatsionnye materialy [Online], available at: https://rtmc.utmn.ru/upload/media/library/f85/Akademicheskaya-mobilnost-dlya-vsekh_Volosnikova-LM.pdf (Accessed 15 August 2022). (In Russian)

Gromov, A. D. (2016), "Academic mobility of international students", *Fakty obrazovanija* [Online], 7, available at: <https://publications.hse.ru/> (Accessed 15 August 2022). (In Russian)

Emel'janova, I. N., Tepljakova, O. A., Tepljakov, D. O. (2020), "Mobility of Russian university students as a phenomenon and management problem", *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 24 (2), 131-144. (In Russian)

Matukhin, D. L. (2012), "Academic mobility of students in Russian universities: problems and prospects", *Oficial'nyj sajt «Rusnauka»* [Online], available at: <http://www.rusnauka.com> (Accessed 15 August 2022). (In Russian)

Mental'nye programmy i modal'nye modeli sotsial'nogo povedenija na Juge Rossii: mono-

grafija [Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia] (2017), otv. red. A. V., Lubskij, Sotsial'no-gumanitarnye znanija, Moscow, Russia, 396. (In Russian)

Mikova, I. M. (2010), "Academic mobility in Russian universities", *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*, (1), 16-22. (In Russian)

Mikova, I. M. (2011), "The concept and essence of academic mobility of students", *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Online], (10), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-akademicheskoy-mobilnosti-studentov> (Accessed 05 August 2022). (In Russian)

Naumov, R. A., Karaja, M. Z., Kovnir, V. N. (2019), "Mechanisms and role of international academic mobility in Russian education", *Kreativnaja ekonomika*, 13 (10), 1893-1904. (In Russian)

Nedelja akademicheskoy mobil'nosti [Academic Mobility Week] (2022), Ofitsial'nyj sajt Juzhnogo federal'nogo universiteta [Online], available at: https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=NAM/N3750/D (Accessed 15 August 2022). (In Russian)

Nesterov, E. Ju., Kuznetsova, A. D. (2018), "Modern realities of academic Mobility for Higher Education in the Russian Federation", *Materialy X Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferentsii «Studencheskij nauchnyj forum»* [Online], available at: <ahref="https://scienceforum.ru/2018/article/2018000031">https://scienceforum.ru/2018/article/2018000031 (Accessed 15 July 2022). (In Russian)

Rjazantsev, S. V., Rostovskaja, T. K., Skorobogatova, V. I., Bezverbny, V. A. (2019), "International academic mobility in Russia. Trends, types, government incentives", *Ekonomika regiona*, 15 (2), 420-435. (In Russian)

Chuprov, V. I., Zubok, Ju. A., Romanovich N. A. (2014), *Otnoshenie k real'nosti v rossijskom obshchestve: sotsiokul'turnyj mehanizm formirovaniya i vospriyvoda* [Attitude to reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Norma, Moscow, Russia, 352. (In Russian)

Shakirova, A. A., Valeeva, R. A. (2018), *Razvitie akademicheskoy mobil'nosti studentov v Rossii i za rubezhom* [Development of academic mobility of students in Russia and abroad], uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov vuzov, KFU, Kazan', Russia, 55. (In Russian)

Zaytseva, A. A. (2021), Social Behavior of University Students in the Educational Sphere in the Rostov Region and the Republic of Crimea: A

Comparative Perspective, *International Journal of Early Childhood Special Education*, 13 (2), 319-326. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 августа 2022 г. Поступила после доработки 05 сентября 2022 г. Принята к печати 09 сентября 2022 г.

Received 29 August 2022. Revised 05 September 2022. Accepted 09 September 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Зайцева Анастасия Андреевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Anastasiya Andreevna Zaytseva, Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Institute of Socio-Political Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia.

¹Тарасова А. Н.^{id}²Певная М. В.^{id}³Телепаева Д. Ф.^{id}**Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи
или факторы неучастия молодых волонтеров
в социальных проектах**

^{1, 2, 3)}Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия

a.n.tarasova@urfu.ru

m.v.pevnaya@urfu.ru

daria.telepaeva@urfu.ru

Аннотация. Статья посвящена условиям формирования просоциальной активности молодого поколения россиян. При мобилизационном характере молодежной политики, направленной на вовлечение широкого круга российской молодежи в массовые социальные и культурные проекты, важно давать оценку процессам саморегуляции волонтерского участия в молодежной среде, анализировать адаптацию молодых людей и девушек к массовой событийной общественной повестке. Волонтерская деятельность молодежи рассматривается в логике формирования культуры волонтерства во взаимодействии добровольцев и организаторов социальных проектов. Культура волонтерского участия молодых россиян с точки зрения концепции социокультурной саморегуляции анализируется через изучение того, как молодежь встраивает или исключает добровольческую деятельность в свои жизненные планы. Авторы анализируют результаты социологического опроса молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет, проведенного в 2020 году ($N=1105$, выборка – квотная). Изучаются оценки молодых людей и девушек в отношении их участия в социальных проектах, которые они идентифицируют как лучшие и наиболее результативные. Выявляются характеристики организации данных проектов, которые оказывают влияние на намерения молодых волонтеров включаться в подобные проекты и продолжать заниматься волонтерской деятельностью в своем будущем. Исследование позволило выявить роль лидеров и инициаторов социальных проектов, чья активность оказывает определенное влияние на мотивацию и особенности волонтерского участия молодежи в социальных проектах. По результатам исследования обозначена проблема, связанная с нежеланием значительной части молодых волонтеров брать на себя ответственность, возможно сопряженным, с одной стороны, с их социально-психологическими характеристиками, с другой, – с условиями, которые создаются при проведении множества типовых массовых социальных проектов и акций для молодежи как потребителей молодежной политики.

Ключевые слова: молодежное участие; социальные проекты; волонтерство; молодежь; управление социальным участием

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения работы по государственному заданию вузу. Шифр проекта FEUZ-2022-0026.

Информация для цитирования: Тарасова А. Н., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат.

Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 155-171. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11.

Research article

Anna N. Tarasova^{ID}

Maria V. Pevnaya^{ID}

Telepaeva D. Fedorovna^{ID}

Self-regulation of youth volunteer activities or factors of non-participation of young volunteers in social projects

^{1, 2, 3)}Ural Federal University,
620002, bld.19, Mira St., Yekaterinburg, Russia

a.n.tarasova@urfu.ru

m.v.pevnaya@urfu.ru

daria.telepaeva@urfu.ru

Abstract. The article is devoted to the conditions for the formation of the prosocial activity of the young generation in Russia. With the mobilization nature of the youth policy aimed at involving a wide range of Russian youth in mass social and cultural projects, it is important to assess the processes of self-regulation of volunteer participation in the youth environment and analyze the adaptation of young people to the mass social event agenda. The volunteer activity of young people is considered in the logic of the formation of a volunteering culture in the interaction of volunteers and organizers of social projects. The culture of volunteer participation of young Russians is analyzed through the study of how young people integrate or exclude volunteering in their life plans. The authors analyze the results of a sociological survey of young people in the Sverdlovsk region aged 14 to 24 years, conducted in 2020 (N=1105, the sample is quota). The assessments of young people and girls regarding their participation in social projects, which they identify as the best and most effective, are studied. The characteristics of the organization in these projects are revealed, which influence the intentions of young volunteers to be involved in such projects and continue to volunteering in their future. The study revealed the role of leaders and initiators of social projects, whose activity has a certain impact on the motivation and features of youth volunteer participation in social projects. According to the results of the study, the problem associated with the unwillingness of a significant part of young volunteers to take responsibility is identified, possibly associated, on the one hand, with their socio-psychological characteristics, on the other, with the conditions that are created during the implementation of many typical mass social projects and actions for young people as consumers of youth policy.

Keywords: youth participation; social projects; volunteering; youth; social participation management

Acknowledgment: The article was prepared as part of the work on the state assignment of the university. Code of the project FEUZ-2022-0026.

Information for citation: Tarasova, A. N., Pevnaya, M. V., Telepaeva, D. V. (2022), "Self-regulation of youth volunteer activities or factors of non-participation of young volunteers in social projects", Research Result. Sociology and management, 8 (3), 155-171 . DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-11.

Введение (Introduction). Эффективность государственной молодежной политики в современной России во многом определяется уровнем социальной активности молодых граждан и вовлечением их в различные проекты и программы. Трансмиссия общественных отношений обеспечивается именно молодым поколением, молодежь является носителем социальных инноваций, двигателем общественной эволюции (Шаповалова, 2022: 40). Организованная работа с молодежью, массовое вовлечение школьников и студентов в социальные, патриотические и культурные мероприятия – один из трендов российской молодежной политики.

Государственная поддержка подобных инициатив определяется федеральными проектами, нацеленными на вовлечение молодежи в добровольческую деятельность через создание и развитие региональных ресурсных центров, некоммерческих организаций и волонтерских центров на базе образовательных учреждений. Так, федеральный проект «Социальная активность» направлен на создание условий для развития и поддержки добровольчества как ключевого элемента социальной ответственности развитого гражданского общества. В рамках федерального проекта «Молодежь России», нацеленного на развитие инфраструктуры для эффективной самореализации молодых россиян, предусмотрены мероприятия для информирования молодого поколения о проектах и вовлечения разных возрастных групп российской молодежи в различные массовые программы. Суммарный бюджет на реализацию данных федеральных проектов составляет более 80 млрд рублей. Федеральное агентство по делам молодежи выделяет в качестве одной из приоритетных целей своей деятельности до 2024 года развитие молодежного добровольчества через поддержку общественных инициатив и проектов, вовлечение к 2024 году в добровольческую деятельность 45% молодежи и 70% студентов в клубное студенческое движение¹.

Важным институтом в формировании просоциального поведения, которое определяет социальное участие молодежи и волонтерскую деятельность как наиболее активную форму его проявления, является система образования. В школах, ссузах и вузах школьники и студенты проводят основную часть своего времени. Структуры образования предлагают вариативные условия для самореализации молодежи, в том числе в волонтерстве, социальных и культурных проектах, которые все чаще реализуются в рамках организации воспитательной деятельности. Молодые люди достаточно гибки в своем поведении, однако не все хотят идти в ногу с мобилизационной политической государства и участвовать в форумных кампаниях, конкурсах и массовых мероприятиях. Достаточно серьезная часть молодежи выступает пассивными участниками организованных для них социальных и культурных, часто патриотических мероприятий. При этом большей части молодежи присуща скорее активная жизненная позиция. Юноши и девушки готовы включаться в инициативы, только если их поддерживают «свои», если они доверяют их участникам, разделяют ценности внутренней коммуникации (Омельченко, 2019: 18).

Молодежь приспосабливается к социальной ситуации, потенциал поколения не всегда раскрывается в реальных действиях. Сфера труда и образования определяют жизненные установки поколения, от них зависит выбор способов реализации жизненных стратегий молодежи. Так, при активной жизненной позиции большинства ответственное отношение к труду и образованию уживается с принципом «каждый за себя». Нереализованные ожидания в сфере труда и образования сопрягаются с разными социальными чувствами: от надежды и уверенности до тревоги, возмущения, страха, которые могут в дальнейшем отразиться в протестном поведении молодых людей (Зубок, Чупров, 2020: 34).

¹ Об утверждении плана деятельности Федерального агентства по делам молодежи на период до 2024 года – Приказ от 8 февраля 2019 года № 40. URL:

<https://bazanpa.ru/rosmolodezh-prikaz-n40-ot08022019-h4415979/> (дата обращения: 11.08.2022).

В современных условиях очевиден запрос на формирование культуры социального участия молодежи, когда полученный впервые опыт волонтерства влечет за собой не только дальнейшую вовлеченность в событийный контекст молодежной политики, но и социальную инициативу, исходящую от самих молодых людей и девушек. В исследовательском плане важно понять, как происходит саморегуляция молодежи в среде молодежной организованной активности, где социальные проекты реализуются не только для молодых людей, но и с активным их участием. Есть ли определенные отличия в том, что реально делает и намерена делать российская молодежь? Формирует ли среда практики волонтерского участия и понимает ли их ценность молодежь для себя и для будущего?

Таким образом, цель данной статьи – дать оценку саморегуляции волонтерской деятельности молодежи в логике реализации молодежной политики, выявив факторы молодежного неучастия в социальных проектах, препятствующих формированию культуры волонтерства в молодежной среде.

Методология и методы (Methodology and methods). Теоретические идеи в исследованиях организации волонтерского участия молодежи. Одной из актуальных исследовательских тематик сегодня является эпизодическое или событийное волонтерство, которое приходит на смену регулярным добровольческим практикам практически во всех странах мира. Такой вид волонтерства предполагает не регулярную систематическую деятельность волонтеров в конкретной некоммерческой организации, а участие добровольцев, как правило, краткосрочное в реализации определенных проектов или мероприятий. Сегодня более половины тех, кто имеет опыт волонтерства в нашей стране (58 %) участвуют именно в событийном волонтерстве (Краснопольская, Гусева, Мейс, Кнаан, 2022: 387). С позиции организации добровольческого труда проектная форма становится наиболее распространенным подходом к реализации различных социальных инициатив и акций

с участием волонтеров. Проектные решения удобны как организаторам социальной и молодежной активности, так и самим волонтерам.

Социальные молодежные проекты наполняют молодежные программы. При одновременной централизации молодежной политики, они сфокусированы на объединении определенных групп проактивной молодежи и их вовлечении в общероссийские проекты в рамках федеральных форумных компаний разной направленности. По данным региональных исследований, на федеральном уровне РФ задается ориентир в реализации молодежной политики как выполнения комплекса мероприятий, в основном для талантливой и активной молодежи (Подъячев, Халий, 2020). Если в европейских странах в дискурсе молодежной политики доминирует риторика наделения молодежи правом, а лейтмотивами являются права, равенство возможностей и доступа, независимость, взросление, устойчивое развитие общества, участие и гражданственность, то в современной российской молодежной политики лейтмотивами являются традиционные ценности, воспитание и патриотизм, а целью мобилизация молодежи в пользу государственного благополучия (Майборода, Саблина, Ясавеев, 2021). В сфере образования наиболее перспективными для оценки эффективности реализуемых мероприятий молодежной политики представляются индикаторы, отражающие долю участия в них обучающихся или охват молодежи, массовость вовлечения в воспитательную деятельность учебного заведения (Куликов, Новиков, Просвирина, Сорокин, 2018). По заключению социологов, в реализации молодежной политики и развитии инфраструктуры для молодежного участия в нашей стране доминируют жесткие механизмы управления транзитом молодежи. Проекты некоммерческих организаций, направленные на молодежь как целевую аудиторию, чаще всего оказываются направленными на массовость и разовое участие молодых людей и девушек в пуб-

личных мероприятиях без каких-либо дальнейших перспектив как для самих организаций, так и для вовлеченной в данные акции и мероприятия молодежи (Смирнов, 2018).

Такая политика в целом приводит к массовизации волонтерского участия, сужению спектра деятельности волонтеров, и в некотором плане к потере ее смыслов. В то же время, в глобальной повестке расширяются подходы к трактовке волонтерской деятельности, что во многом связано с увеличением спектра волонтерских практик, которые попадают в поле зрения исследователей. Например, согласно концепции волонтерства, представленной в международном докладе ООН о состоянии добровольчества в мире, добровольческая деятельность очень вариативна, сопряжена с гражданским участием и расширяется в разных странах благодаря поддержке государства. Волонтерство интерпретируется как социальная активность в широком контексте различных практик участия граждан в некоммерческом секторе и включает в себя: участие в мероприятиях взаимопомощи, встроенная в общественную и культурную практику мероприятий разных типов некоммерческих организаций; включение добровольцев в оказание услуг нуждающимся как реакция на предполагаемые потребности другого человека или сообщества; работу с информацией, связанную с повышением информированности разных заинтересованных сторон о конкретной социальной проблеме, сообществе, организации или благотворительном секторе в целом; организацию серьезного досуга через волонтерскую деятельность, которая выражает личные интересы или увлечения волонтеров; гражданское участие, которое предполагает трату времени и усилий для взаимодействия с принимающими управленические решения профессионалами и чиновниками¹.

В такой глобальной концепции волонтерская деятельность реализуется в множестве различных инициатив, в том числе

эпизодических, проектных, нацеленных не только на решение социальных проблем, но и на формирование определенной культуры социального участия (Певная, 2013). Таким образом, социальные инициативы, где вовлекаются волонтеры должны работать на укрепление доверия между людьми, саморегуляцию, самовоспроизводство культурной системы через поддержку традиции в обществе, уважение к истории, людям, практики самоорганизации, коллективную деятельность, в том числе, организованную в проектной форме. Культура социального участия или волонтерской деятельности как просоциального поведения формируется на основе ценностно-смыслового комплекса, семантики деятельности человека. Она находится в непосредственной зависимости от духовно-нравственных характеристик и установок личности. Для культуры важна мотивация волонтерской деятельности, которая базируется на личностных смыслах жизни человека (Купцова, 2018).

Поле молодежной политики в нашей стране формирует определенный тип общественного взаимодействия. Преемственность большинством российской молодёжи традиционной культуры определяет общую направленность формирования смыслового содержания её жизнедеятельности. При этом проявляется диалектика традиционного и современного в изменении смыслов жизнедеятельности молодёжи (Зубок, Чупров, 2019). В развитии культуры волонтерства как вида активного социального участия важны когнитивный, эмотивный и деятельностный аспекты. Первый формируется за счет специального или ситуативного обучения, в котором добровольцы получают определенные знания, некоторые навыки деятельности, представления о целях, ценностях и результатах последней (Петрова, 2021). Эмотивный аспект связан с психологическими характеристиками личности добровольцев, с альтруизмом и ответственностью. В этом ключе одной из

¹ Программа добровольцев ООН. Доклад 2022 года о состоянии добровольчества в мире. Создание равноправного

общества для всех. URL: <https://swvr2022.unv.org/> (дата обращения: 16.08.2022).

важных индивидуально-психологических характеристик добровольцев выступает осмысление ими своей деятельности в этом статусе. Она проявляется в выраженном интересе к добровольческой деятельности, целеустремленности при наличии устойчивой мотивации к ее выполнению, в видении ее перспектив (Азарова, Яницкий, 2008). Деятельностный аспект связан с готовностью к этой форме социального участия.

Волонтерская деятельность помогает человеку формировать собственное мировоззрение, проявляя «мировоззренческую активность, инициативу, которая свидетельствует об активной жизненной позиции, о стремлении разбираться в проблемах, а не уходить от них». По мнению А. Бабичевой, в процессе волонтерской деятельности у каждого волонтера идет поиск своих собственных ответов на жизненные вопросы (Бабичева, 2016). Удовлетворенность же своим волонтерским участием часто определяет желание молодых добровольцев в отношении ее продолжения (Киселева, 2013). Качество организации деятельности волонтеров влияет на их удовлетворенность (Cho, Wong, Chiu, 2020).

Организация волонтерского участия молодежи в конкретном проекте или программе предполагает определенные действия организаторов – наставников для их совместной работы в партнерских отношениях с молодыми волонтерами, где для последних обязательно конкретизируются результаты волонтерства, его позитивные эффекты для общества и для самой молодежи (Checkoway, Gutierrez, 2006). Волонтерская деятельность является одним из видов социального участия, которое типологизируется исследователями по характеру взаимодействия организаторов и волонтеров и выстраивается по уровням в соответствии с формированием культуры участия в молодежных проектах. Согласно типологии Х. Шнайдер, на первом уровне организаторы слушают молодежь. На втором уровне в рамках взаимодействия молодым людям и девушки оказывается поддержка в выражении их взглядов. На третьем уровне участия молодежи оказывается поддержка в выражении своих взглядов и при этом учитываются их мнения в проекте. На четвертом уровне участия молодежь оказывается вовлечена в процесс принятия решений. На самом высшем – пятом уровне власть и ответственность за принятие решений разделяется между организаторами и молодыми участниками (Shiry, 2001).

Понимание качественных характеристик взаимодействия организаторов и молодых волонтеров в социальных проектах может раскрыть особенности ролевого поведения молодых добровольцев в контексте формирования их культуры социального участия. Культура волонтерского участия с точки зрения концепции социокультурной саморегуляции может анализироваться через изучение того, как молодежь встраивает добровольческую деятельность в свою жизненную стратегию, реализуя ролевое поведение и приспосабливаясь к условиям организации добровольческой деятельности в пространстве своей повседневности – обучения и досуга.

О молодежном участии в Свердловской области. В Свердловской области проживает 1 045 208 молодых людей и девушек. В целом молодежь составляет 24,4 % в численности населения региона в целом. По официальным данным в АИС «Молодежь России» зарегистрировано более 30 000 человек, в ЕИС Добро.ру – более 47 000 добровольцев из числа детей и молодежи до 34 лет, более 1353 организаторов добровольческой деятельности в разных муниципальных образованиях региона (по данным платформы на 01.07.2022). На уровне региона молодежная активность поддерживается в рамках направлений государственной региональной программы «Развитие системы образования и реализация молодежной политики в Свердловской области до 2025 года». В 2021 году в регионе было организовано более 640 патриотических мероприятий, в которых приняли участие 1 200 000 молодых жителей региона.

Создано 497 первичных отделений Российского движения школьников, в которые вовлечены более 43 000 учащихся, 334 отряда и 49 местных отделений Юнармии, 58 поисковых отрядов Ассоциации патриотических отрядов «Возрождение». Региональный этап Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов» привлек 100 инициативных участников. В продолжающуюся во всей стране акцию МыВместе были вовлечены 3500 молодых волонтеров.

Об эмпирическом исследовании. Опрос молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет проводился методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса ($N=1105$, тип выборки – квотная, ошибка не более 3,5%) в период с 15.08.2020 г. по 15.10.2020 г. В ее основе следующие квоты: половозрастная структура молодежи; образование (в зависимости от уровня – школа, ссуз, вуз); тип города по численности населения. Расчет выборочной совокупности произведен в соответствии с данными официальной статистики¹, данными «Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года», результатами Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего и среднего специального образования². В выборку включены 47% юношей и 53% девушек; обучающихся образовательных организаций общего образования опрошено 40%, студентов колледжей и техникумов – 29%, студентов вузов приняло участие в исследовании 31%. Анкета была создана в SurveyMonkey и распространялась по социальным сетям. За весь период проведения опроса было собрано 1810 анкет респондентов в возрасте от 14 до 24 лет из 81 муниципальных образований региона.

На втором этапе выборка была скорректирована в соответствии с квотами. В ходе статистического анализа реализованы процедуры корреляционного анализа, метод CHAID дерева классификаций³.

В статье сделана попытка найти ответы на следующие исследовательские вопросы: как работа с молодыми добровольцами в текущем проекте отражается на их готовности к дальнейшему участию в таких проектах в частности и в добровольческой деятельности в целом? Какие из параметров повышают вероятность последующего участия молодых людей и девушек в социальных проектах и волонтерстве как маркера формирования культуры волонтерского участия, а какие понижают?

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Из всей опрошенной молодежи 58% ответили на вопрос об участии в интересном волонтерском проекте или социальной акции. При этом не все респонденты смогли даже вспомнить название мероприятия, отмечая совершаемые ими действия в нем. В анкете молодые люди и девушки прямо писали: «*К сожалению, не помню названия акции. Мы ходили к ветеранам*» или «*Помогали первоклассникам*», «*Помогали садику строить снежные горки, убирали снег*». Некоторые отмеченные молодежью проекты – это регулярно проводимые учебным заведением или организованные городскими чиновниками мероприятия, такие как общегородской субботник, Новый год, Масленица, день города, акция Бессмертный полк и т.п. Вместе с тем отмечены и социальные проекты, которые были инициированы различными социально ориентированными НКО Свердловской области «Дуб фест», «Демидов фест», «Живи Родник», проект ЦМП «Вместе». При этом среди отмечавших участие в интересном волонтерском

¹ Управление федеральной службы Государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 11.08.2022).

² Мониторинг эффективности деятельности организаций ВО. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 15.08.2022); Мониторинг эффективности деятельности организаций

СПО. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_spo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 12.08.2022).

³ Выбор метода обусловлен, во-первых, возможностью его использования для переменных с номинальной шкалой, во-вторых, тем, что он позволяет осуществлять многомерные расщепления узлов (в отличии от CRT, QUEST).

проекте или социальной акции практически каждый восьмой (12%) на вопрос о том, хотел бы он еще раз принять участие в таком проекте или нет ответил отрицательно (варианты «скорее нет» и «нет»). Таким образом, лучший, по мнению молодёжи, проект для многих не стал привлекательным, не сформировал установку на продолжение такой активности. В целом, среди всех имеющих опыт волонтерской деятельности респондентов, которым запомнился какой-то социальный проект как лучший, видят добровольчество в своем будущем только 71% молодых жителей разных городов Свердловской области. Точно не определились для себя в том, что волонтерство будет в их будущем 23%, категорически не хотят продолжать волонтерскую деятельность 6% респондентов анализируемой группы.

Почему же при интересе к проекту и высокой его оценке (подчеркнем, оценённом респондентом как наиболее интересный, лучший), какая-то часть молодежи теряет интерес как к таким проектам, так и к добровольческой деятельности в целом?

Готовность к участию в социальных мероприятиях и акциях в будущем связана с тем, каким образом человек оказался вовлеченым в лучший, по их мнению, проект. В исследовании готовность к участию замерялась по ответам респондентов на вопрос: «Хотели бы вы еще раз принимать участие в таком проекте в будущем?». Каждый мог выбрать одну из альтернатив: «да, как участник и организатор», «да, просто как рядовой участник» или «нет, скорее не готов». Закономерно, что среди тех, кто сам принял решение об участии высока доля тех, кто готов поучаствовать и в будущем, в том числе и как организатор. Далее получается достаточно интересная картина: чем выше статус того, кто приглашал человека в проект, тем выше готовность принимать участие в подобных проектах в будущем. Среди тех, кого убедил участвовать в проекте сам руководитель организации или проекта, доля готовых продолжать участие в подобных проектах примерно такая же, что и при инициативном участии (Таблица).

Желание участвовать в таких проектах в будущем в соответствии с тем, кто смог убедить участвовать в этом проекте или акции (в % от опрошенных)

Table

Willingness to participate in such projects in the future according to those who could convince to participate in this project or action (in % of respondents)

Варианты / Variants	Да, безусловно, как участник и организатор / Yes, of course, as a participant and organizer	Да, скорее как участник / Yes, rather as a participant	Нет / No	Всего / In total
Собственное желание / Own desire	64	27	9	100
Руководитель организации, проекта / Head of the organization, project	65	26	9	100
Учитель, преподаватель, руководитель кружка, секции, коллектива / Teacher, instructor, leader of a circle, section, team	48	43	10	100
Мой друг, знакомый / My friend, acquaintance	43	37	20	100
Другое / the other	23	46	31	100
В целом по подвыборке / In general	54	34	12	100

Когда в проект приглашает учитель, преподаватель, руководитель кружка интерес к проектам сохраняется, но скорее в качестве рядовых участников. Многие участвуют в проектах или социальных акциях «за компанию» с друзьями и знакомыми или по другим причинам, но при таком отчасти случайном участии, вероятность того, что человек не захочет участвовать в таких проектах в будущем вырастает почти в 2 раза. Лицо, инициирующее участие школьника или студента в проекте, определяет в какой-то мере его желание участвовать или не участвовать в подобных проектах, но при этом никак не влияет на его планы заниматься или не заниматься добровольчеством в будущем. Статистически значимой разницы нет (значимость различий между группами оценивалась с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона), планируют продолжить заниматься добровольчеством в будущем 67-74% опрошенных молодых людей.

Таким образом, лидер организации или проекта выступает важным звеном в привлечении молодежи к социальным инициативам или акциям. Только лидер может мотивировать к участию, он формирует интерес молодежной аудитории к тому, что делает сам, но при этом характер социальной активности привлеченных им молодых людей и девушек в проект как таковую в целом не изменяется. Его активность на планах продолжать или нет добровольческую деятельность вовлеченных студентов и школьников не отражается.

Несколько необычный результат получен при оценке респондентами характера работы с добровольцами в том проекте, который они идентифицируют для себя как лучший. В анкете респондентам был задан вопрос: «Как бы вы оценили характер работы с добровольцами в том проекте, в котором вы участвовали?» В соответствии со статусами молодых волонтеров в логике лестницы участия респонденты могли выбрать из трех альтернативных ответов: «Организаторы прислушивались к нам, всегда

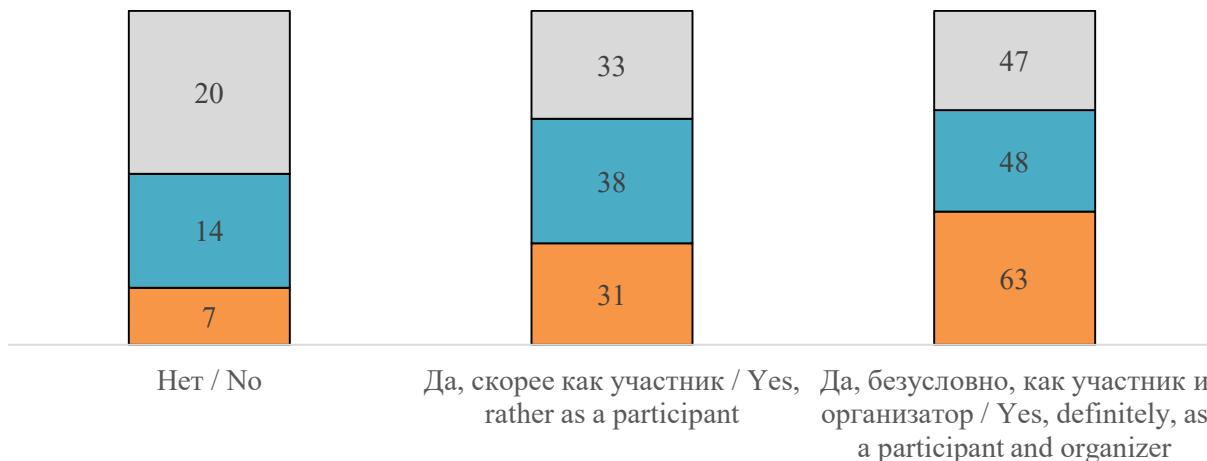
готовы выслушать наше мнение», «Организаторы поддерживали нас в выражениях наших взглядов, всегда учитывали их», «Мы участвовали в процессах принятия решений, разделяли власть и ответственность с ними». Просто внимательное отношение к добровольцам более способствует их желанию продолжать участвовать в подобных проектах (и в добровольческой деятельности вообще) в будущем, чем, когда организаторы делегируют молодым волонтерам больше ответственности, включают их в процессы принятия решений (Рисунок).

Казалось бы, когда добровольцы получают больше полномочий, глубже погружаются в проект, социальная активность у них должна расширяться. Но оказалось все с точностью до наоборот. Исследование показывает, что молодежь Свердловской области чаще не совсем готова к такой ответственности. Вероятность отказа от участия в подобных проектах возрастает почти в 2 раза (20% при 12% в среднем по подвыборке), когда приходится участвовать в процессах принятия решений, разделять власть и ответственность с организаторами. Если на добровольцев не налагается ответственности, их готовы выслушать, но никаких решений они не принимают, то их желание участвовать в подобных проектах возрастает: 63% безусловно готовы и как участники и как организаторы, 31% готовы, скорее, как участники и только 7% не хотят участвовать в таких проектах в будущем.

Интересно, что характер работы с добровольцами отражается не только на восприятии ими подобных проектов, но и оказывается на всей их добровольческой деятельности в будущем. Так среди тех, кто отметил просто внимательное отношение организаторов (но без обременения ответственностью), доля планирующих продолжать в будущем добровольческую деятельность составляет 80% от опрошенных по группе. Среди тех, чьи взгляды и суждения поддерживали и учитывали в работе, 70% готовы продолжать добровольческую деятельность. И лишь у 57% тех, кто участво-

вал в процессах принятия решения, разделял с организатором власть и ответственность, в планах продолжать добровольческую деятельность. Данный результат требует дополнительных исследований, так как собранные данные не дают возможно-

сти выявить, с чем он связан: не готовностью молодежи к ответственности или же неэффективной организацией проектов, когда наделенный ответственностью доброволец вынужден решать много дополнительных ему не очень интересных задач, что разрушает его мотивацию.

- Мы участвуем в процессах принятия решений, разделяем власть и ответственность / We participate in decision-making processes, share power and responsibility
- Поддерживают нас в выражении наших взглядов, учитывают их / They support us in expressing our views, take them into account
- Организаторы прислушиваются к нам и всегда готовы выслушать наше мнение / The organizers listen to us and are always ready to listen to our opinion

Рис. 1. Желание участвовать в подобных проектах в будущем по характеру работы с добровольцами в текущем проекте (в % от опрошенных в подвыборке, n=643 человека)

Fig. 1. Desire to participate in similar projects in the future by the nature of work with volunteers in the current project (in % of the respondents in the subsample, n=643 people)

Готовность включаться в подобные проекты и желание участвовать в добровольческой деятельности в будущем оказалась не связанной с тем, для кого был этот проект. В анкете респондентов просили ответить на вопрос: «Для кого было важно это мероприятие больше всего?». Выбрать респонденты могли следующие ответы: «Для конкретного человека, группы людей, которым оказывалась помощь в проекте», «Для организации, которую мы представляли», «Для организации, которой мы помогали», «Для меня, и таких как я», «Затрудняюсь ответить».

Независимо от того был ли проект важен для конкретной организации, которой

помогали или которую представляли добровольцы, для конкретного человека или группы людей, которым была оказана какая-то помощь, либо для самих добровольцев, молодежь в них участвующая, давала примерно схожие ответы (расхождение в распределении ответов в пределах ошибки выборки) на вопросы о желании дальнейшего участия в подобных проектах и добровольчестве в будущем. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что молодежь мотивируется скорее тем, как (организация работы в проекте) и кем (кто инициатор организатор) реализуется проект, чем тем, для чего он нужен и кому важен. Ключевой характеристикой является

то, что лучший проект для молодежи в оценках самой молодежи в любом случае должен восприниматься как важный и нужный хоть кому-то. Среди тех, кто вообще затруднился с ответом на поставленный вопрос, доля неготовых продолжать участвовать в таких проектах возрастает практически в 2 раза (с 12% до 25%).

Используя метод CHAID дерева классификаций удалось выделить и структурировать ключевые параметры организации текущего проекта, которые максимизируют желание еще раз принять участие в таком проекте, а также определяют готовность продолжить добровольческую деятельность в будущем (см. Приложение 1 и Приложение 2). Ключевым условием (узлом первого уровня) стал предиктор – характер работы с добровольцами. Внимательное отношение добровольцам, готовность выслушать, НО без наделения их какой-либо ответственностью (даже если это просто готовность поддерживать инициативу) уменьшает долю «уходящих» почти в 2 раза (с 12,3% до 6,6%). Испытание ответственностью лучше проходят те, чье участие в проекте не случайно, т.е. сам так решил, пригласил руководитель проекта, предложил преподаватель или руководитель секции (узел второго уровня – ключевой человек, который смог убедить участвовать в этом проекте или акции, смог все организовать), среди них примерно базовый уровень «уходящих» (11,6%). А вот те, кто отчасти случайно попал на проект (позвал друг, знакомый, другое), любой ответственности боятся: почти третья (27,5%) потом не желаю участвовать в таких проектах.

Для участвующих без обязательств (т.е. без включения в процесс принятия решений, власти и ответственности в проекте) важно осознание важности проекта \ мероприятия (узел второго уровня – для кого это мероприятие было важно больше всего). Если доброволец не понимает кому все это нужно (затруднился с ответом на вопрос «Для кого, по Вашему мнению, было важно это мероприятие больше всего?»), то жела-

ние участвовать в будущем резко снижается (доля уходящих возрастает с 6,6% до 25%). Добровольцам оказывается достаточно просто знать, что проект или социальное мероприятие кому-то нужно, причем даже не важно кому именно (для конкретных людей, для конкретной организации, для таких как я), в этом случае готовность участвовать в таких мероприятиях в будущем сохраняется («уходящих» всего 4%).

Желание дальнейшего участия в подобных проектах статистически значимо различается по гендерным группам (среди мужчин доля делающих участвовать в последующих проектах ниже, чем среди женщин), уровню материального положения (средний слой более отзывчив на последующее включение), уровню образования (среди студентов вузов, желающих участвовать в таких проектах меньше в 2 раза, но при этом статистически значимой разницы готовности заниматься добровольчеством в будущем по образованию нет). Нет различий и по типу населенного пункта, то есть доля готовых и желающих продолжать участвовать в социальных проектах примерно одинакова в разных типах городов.

Заключение (Conclusions). Опрос молодежи Свердловской области показал, что наиболее привлекательными социальными проектами с позиции молодых волонтеров, оказываются регулярные и достаточно типичные акции, сетевые или массовые мероприятия. Молодые люди и девушки вне зависимости от типа населенного пункта, в котором они проживают, возраста или образования, как правило, запомнили и оценили, как лучшие те проекты, которые не требуют серьезной вовлеченности с их стороны. Запомнившиеся молодежи социальные проекты, как правило, краткосрочны и событийны. Данные акции и мероприятия хорошо поддерживаются информационно, они проводятся по всей стране единовременно, либо являются достаточно распространенными в разных типах городов.

В исследовании было установлено, что наиболее результативное социальное участие молодежи в такой событийной повестке обеспечивается заинтересованным наставником, который может не только вовлечь, но и мотивировать к добровольческой деятельности, повлиять на понимание молодыми добровольцами ее сути только в определенном проекте. Роль идеолога, руководителя, инициатора проекта, акции или мероприятия является ведущей в процессе саморегуляции молодых волонтеров, обеспечивая их погружение для осознания смысла деятельности и коллективного взаимодействия в рамках конкретного проекта. Фактором неучастия, а соответственно несформированности отношения молодежи к просоциальной активности выступает дружеская среда, в которой можно быть вовлеченным, но не увлеченным серьезно, а соответственно не готовым к продолжению волонтерской деятельности в своем будущем.

Молодежные социальные проекты и акции, массово проводимые по всей стране, формируют поле социального участия, в котором молодые люди и девушки приспособливаются, встраиваются в среду, участвуют в мероприятиях даже в роли волонтеров на правах больше потребителей молодежной политики, нежели активных субъектов, формирующих ее и способных нести ответственность за свое участие. Делегирование молодым волонтерам больше ответственности, скорее несет в себе риски волонтерского неучастия молодежи в будущем.

Для молодежи Свердловской области, участвующей в социальных проектах и акциях в качестве волонтеров, крайне важно осознавать значимость своего участия вне какой-либо ориентации на запросы и потребности конкретных людей. В ходе саморегуляции своей добровольческой деятельности молодые волонтеры в большей мере ориентированы на себя, они обращают внимание на условия организации своего участия и тех, кто их привлек в этот проект.

Волонтерское участие молодежи, собственно, как и волонтерство в целом по России и в других странах имеет «женское лицо». Опыт участия в социальных проектах чаще оказывает положительное влияние на намерения именно девушек в отношении продолжения их волонтерской деятельности. Школьная среда чаще чем среда колледжей и вузов создает условия для волонтерской деятельности, во многом за счет мобилизационных усилий со стороны организаторов. В вузах не увеличивается доля молодых волонтеров, не изменяются и характеристики их вовлеченности в добровольчество.

Выявленные факторы волонтерского неучастия показательны для коррекции управления молодежной активностью в образовательной среде. Стратегически важно трансформировать общие подходы к реализации молодежной политики на разных уровнях ее реализации. При общей результативности массовых, сетевых социальных акций и проектов особого внимания требует индивидуальная работа с мотивацией молодых волонтеров в конкретных проектах. Включение добровольцев в процессы принятия решений, разделение с ними власти и ответственности за проект (наряду с руководителем) отрицательно сказывается на социальной активности молодежи. Снижается не только желание в будущем участвовать в подобных проектах, но и готовность вовлекаться в любую добровольческую деятельность. Однако внимательное отношение к молодым волонтерам, когда организаторы прислушиваются к их мнению, но не нагружают ответственностью, более способствует последующему включению молодежи в подобные проекты. Таким образом, процесс наделения молодых людей и девушек ответственностью и полномочиями в проектах должен быть постепенным и очень аккуратным, иначе это скорее пугает таких добровольцев, чем мотивирует на дальнейшее участие.

В планировании самих проектов и их информационном продвижении важно особо акцентировать внимание молодежной

аудитории на социальную значимость и конкретные эффекты, которые несет деятельность волонтеров определенным людям, организациям и самим волонтерам. Нельзя и исключать из поля управлеченческого воздействия тех, кто оказывается вовлеченным в социальные инициативы за компанию. Для них роль наставника и лидера проекта оказывается наиболее важной. Чем выше статус того, кто приглашал человека в проект, тем выше готовность принимать участие в подобных практиках в будущем. Кроме того, именно эта характеристика определяет готовность волонтеров принимать на себя функции организатора.

Грамотное управление и организация добровольческой деятельности молодежи в текущих проектах может существенно повысить готовность к последующему участию как в подобных проектах, так и вообще в добровольческой деятельности. Таким образом, донесение до добровольцев важности проекта, объяснение, кому он нужен, а также отсутствие попыток переложить на добровольцев какие-то функции организаторов способствует минимизации доли уходящих из поля волонтерской активности молодых людей и девушек с опытом добровольческой деятельности. Эти же параметры определяют и готовность продолжить добровольческую деятельность в будущем, вовлекая в нее большее число молодых людей и девушек.

Определенные ограничения данного исследования связаны с тем, что изучаются мнения и поведение молодежи только одного российского региона. Несмотря на то, что в данной статье представлены результаты регионального проекта, отсутствие статистически значимых различий между молодыми жителями разных типов городов, позволяет заключить, что скорее характеристики саморегуляции волонтерской деятельности молодежи Свердловской области могут быть показательны для многих российских территорий. В этом же плане возможно прогнозировать и перспективы развития научной тематики в реализации

сравнительных межрегиональных исследований по заявленной проблематике. Перспективным видится и более глубокое изучение мотивации отказа молодежи от волонтерского участия, и выявление организационных условий, приводящих к нему.

Список литературы

Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120-125.

Бабичева А. Волонтерство: прошлое, настоящее, будущее // Сборник материалов по подготовке волонтеров. Самара, 2016. 148 с.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. № 4. С. 164-186.

Зубок Ю. А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13-41.

Киселева Т. Г. Мотивация и эрзац-мотивация волонтерской деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. С. 33-37.

Купцова И. А. Формирование культуры волонтерства в процессе профессиональной подготовки студентов // Педагогика и психология образования. 2018. № 3. С. 86-94.

Майборода А. В., Саблина А. А., Ясавеев И. Г. Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России // The Russian Sociological Review. 2021. № 20 (3). С. 71-97.

Мониторинг эффективности реализуемых программ и проектов в области молодежной политики в российских образовательных организациях / Куликов С. П., Новиков С. В., Просвирина Н. В., Сорокин А. Е. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 10 (96). С. 76-83.

Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3-27.

Певная М. В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтер-

ства // Известия Уральского федерального университета. Серия: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 174-180.

Петрова Т. Э. Повышение квалификации в сфере добровольчества (волонтерства) // Материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения. Санкт-Петербург, 2021. С. 658-660.

Подьячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 263-276.

Смирнов В. А. Молодежная тематика в публикациях российских исследователей: ключевые тренды и противоречия // Социология образования. 2018. № 2. С. 23-33.

Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров / Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л., Кнаан Р. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 384-408.

Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2022. № 22 (1). С. 39-45.

Checkoway B., Gutierrez L. Youth Participation and Community // Journal of Community Practice. 2006. № 14. pp. 1-9.

Cho H., Wong Z.E., Chiu W. The Effect of Volunteer Management on Intention to Continue Volunteering: A Mediating Role of Job Satisfaction of Volunteers // SAGE Open. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244020920588>.

Shiery H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations // Children & Society. 2001. № 15. pp. 107-117.

References

Azarova, E. S., Yanitskij, M. S. (2008), "Psychological determinants of volunteering", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 306, 120-125. (In Russian)

Babicheva, A. (2016), *Volunteering: past, present, future. Collection of materials for the training of volunteers*, Samara, Russia, 148. (In Russian)

Zubok, Ju. A. and Chuprova, V. I. (2019), "Self-regulation of meaningful values in the cultural space of youth", *Vestnik Instituta sociologii*, (4), 164-186. (In Russian)

Zubok, Ju. A. and Chuprova, V. I. (2020), "Youth Life Strategies: Realization of Expectations and Social Moods", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 13-41. (In Russian)

Kiseleva, T. G. (2013), "Motivation and ersatz motivation for volunteering" // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, (4), 33-37. (In Russian)

Kuptsova, I. A. (2018), "Formation of a culture of volunteering in the process of professional training of students", *Pedagogika i psichologija obrazovanija*, (3), 86-94. (In Russian)

Maiboroda, A.V., Sablina, A.A. and Yasaveev, I.G. (2021), "State for Youth or Youth for the State: Youth Policy Discourses in the EU and Russia", *The Russian Sociological Review*, (3), 71-97.

Kulikov, S. P., Novikov. S. V., Prosvirina, N. V. and Sorokin, A. E. (2018), "Monitoring the effectiveness of implemented programs and projects in the field of youth policy in Russian educational organizations", *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, (10), 76-83. (In Russian)

Omelchenko, E. L. (2019), "Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 3-27. (In Russian)

Pevnaya, M. V. (2013), "Disciplinary and methodological approaches to the study of volunteering", *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Serija: Problemy obrazovanija, nauki i kultury*, (2), 174-180. (In Russian)

Petrova, T. E. (2021), "Professional development in the field of volunteering", *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii XV Kovalevskie chtenija*, Sankt-Peterburg, 658-660. (In Russian)

Podyachev, K. V. and Halij, I. A. (2020), "State Youth Policy in Modern Russia: the concept and realities", *Vestnik Rossiskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sotsiologija*, (2), 263-276. (In Russian)

Smirnov, V. A. (2018), "Youth topics in the publications of Russian researchers: key trends and contradictions", *Sotsiologija obrazovanija*, (2), 23-33. (In Russian)

Krasnopol'skaya, I. I., Guseva, P. D., Mejs, L. and Knaan, R. (2022), "Satisfaction Factors for Episodic Volunteers", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 384-408. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2022), "Political strategies of youth: will our politics be young?", *Izvestija*

Saratovskogo universiteta. Serija: *Sociologija. Politologija*, (1), 39-45. (In Russian)

Checkoway, B. and Gutierrez, L. (2006), "Youth Participation and Community", *Journal of Community Practice*, (14), 1-9.

Cho, H., Wong, Z.E. and Chiu, W. (2020), "The Effect of Volunteer Management on Intention to Continue Volunteering: A Mediating Role of Job Satisfaction of Volunteers", *SAGE Open*. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F2158244020920588>.

Shiery, H. (2001), "Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations", *Children & Society*, (15), 107-117.

Статья поступила в редакцию 15 августа 2022 г. Поступила после доработки 24 августа 2022 г. Принята к печати 05 сентября 2022 г.

Received 15 August 2022. Revised 24 August 2022.

Accepted 05 September 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Тарасова Анна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Anna N. Tarasova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Technology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Technology, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Телепаева Дарья Фёдоровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Darya F. Telepaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Technology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Работа с добровольцами и их желание включаться в последующие проекты

25. Хотели бы еще раз принять участие в таком проекте?

Узел 0	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	53,5 344
Да, скорее как участник	34,2 220
Нет	12,3 79
Всего	100,0 643

26. Как бы Вы оценили характер работы с добровольцами в том проекте, в котором Вы участвовали?
Скорр. Р-значение=0,000, Хи-квадрат=20,479, ст.св.=1

Организаторы приступаются к нам, всегда готовы выслушать наше

Узел 1	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	62,8 162
Да, скорее как участник	30,6 79
Нет	6,6 17
Всего	40,1 298

22. Для кого, по Вашему мнению, было важно это мероприятие больше всего?
Скорр. Р-значение=0,003, Хи-квадрат=14,007, ст.св.=1

Мы участвуем в процессах принятия решений, разделяем власть и ответственность | Поддергивают нас в выражении наших взглядов, учитывают их.

Узел 2	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	47,3 182
Да, скорее как участник	36,6 141
Нет	16,1 62
Всего	50,9 386

24. Кто был тем человеком, кто действительно смог убедить Вас участвовать в этом проекте или акции, смог все организовать?
Скорр. Р-значение=0,000, Хи-квадрат=23,063, ст.св.=1

Для конкретного человека/группы людей, которым были оказана помощь | Для организации, которую мы представляли | Для конкретной организации, которой мы помогали | Для меня и таких, как я

Узел 3	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	66,9 149
Да, скорее как участник	30,1 68
Нет	4,0 9
Всего	36,1 226

24. Кто был тем человеком, кто действительно смог убедить Вас участвовать в этом проекте или акции, смог все организовать?
Скорр. Р-значение=0,042, Хи-квадрат=8,040, ст.св.=1

Затрудняюсь ответить

Узел 4	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	40,6 13
Да, скорее как участник	34,4 11
Нет	25,0 8
Всего	9,0 32

Учителя, преподаватель, руководитель группы, секции, коллектива | Руководитель организации, проекта | Собственное желание

Узел 5	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	54,3 150
Да, скорее как участник	34,1 94
Нет	11,6 32
Всего	42,9 276

Мой друг, знакомый | Другое

Узел 6	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	29,4 32
Да, скорее как участник	43,1 47
Нет	27,5 30
Всего	17,0 109

Учителя, преподаватель, руководитель группы, секции, коллектива | Другое

Руководитель организации, проекта | Мой друг, знакомый | Собственное желание

Узел 7	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	48,4 31
Да, скорее как участник	46,0 30
Нет	4,7 3
Всего	10,0 64

Узел 8	
Категория	%
Да, безусловно, как участник и организатор	72,8 118
Да, скорее как участник	23,6 38
Нет	3,7 6
Всего	29,2 162

Приложение 2

Планируете ли Вы продолжить заниматься добровольчеством в будущем?

- Да.
- Нет.
- Затрудняюсь ответить.

Узел 0		
Категория	%	n
Да.	71,4	459
Нет.	6,1	39
Затрудняюсь ответить.	22,6	145
Всего	100,0	643

26. Как бы Вы оценили характер работы с добровольцами в том проекте, в котором Вы участвовали?

Скорр. Р-значение=0,000, Хи-квадрат=27,796, ст.св.=4

Организаторы прислушиваются к нам, всегда готовы выслушать наше

Узел 1		
Категория	%	n
Да.	80,2	207
Нет.	2,3	6
Затрудняюсь ответить.	17,4	45
Всего	40,1	258

Мы участвуем в процессах принятия решений, разделяем власть и ответственность

Узел 2		
Категория	%	n
Да.	57,0	77
Нет.	8,9	12
Затрудняюсь ответить.	34,1	46
Всего	21,0	135

Поддерживают нас в выражении наших взглядов, учитывая их.

Узел 3		
Категория	%	n
Да.	70,0	175
Нет.	8,4	21
Затрудняюсь ответить.	21,6	54
Всего	38,9	250

Для конкретного человека/группы людей, которым была оказана какая-либо помощь; Для организации, которую мы представляли; Для конкретной организации, которой мы помогали; Для меня и таких, как я

Узел 4		
Категория	%	n
Да.	75,2	155
Нет.	8,3	17
Затрудняюсь ответить.	16,5	34
Всего	32,0	206

Затрудняюсь ответить

Узел 5		
Категория	%	n
Да.	45,5	20
Нет.	9,1	4
Затрудняюсь ответить.	45,5	20
Всего	6,8	44

